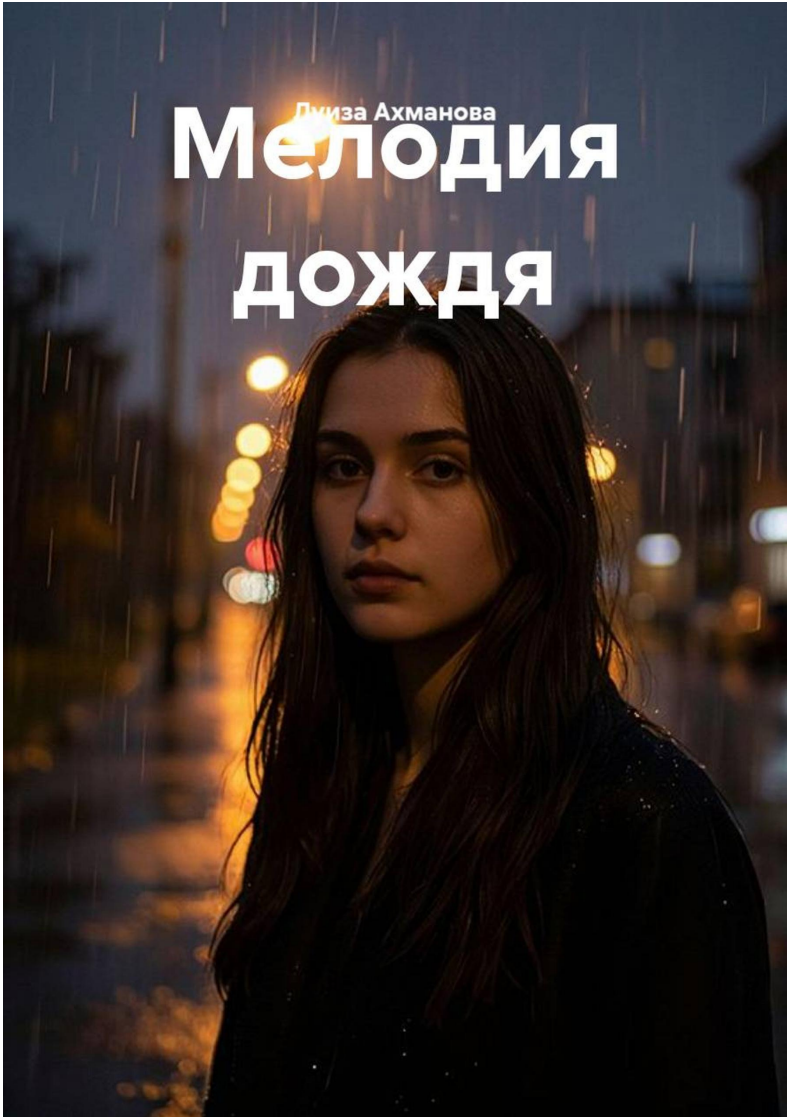

Диана Ахманова
Мелодия дождя

Луиза Ахманова
Мелодия дождя

https://litres.ru/74678318
SelfPub; 2026

Аннотация

Марха видит этот мир через призму музыки и считает, что осень прекрасна в своём самом тёмном проявлении — с проливными дождями, пасмурным небом и слякотью. Она любит такую осень за честность. Но сама Марха оказывается слишком хрупкой и чистой для алчного мира, где правят хитрость и материальный расчет.

У неё есть врождённая особенность, о которой знают лишь самые близкие: мама и верные друзья детства, Тимур и Аслан. Столкнувшись с несправедливым обвинением, Марха физически не способна защитить себя — её разум просто блокирует любые слова, погружая в глубокий ступор. Она не умеет оправдываться.

Раньше этот тихий мир удавалось сберечь, но появление Умара и Линды приносит в её жизнь разрушительный шторм. Против Мархи разворачивается жестокая и коварная игра, в которой её врождённое молчание может стоить слишком огромной цены. Амир смотрел на нее и понимал, что этот образ — с мокрыми волосами, в промокшем свитере на фоне пошарпанного пианино — останется с ним навсегда.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	27
Глава 4	35
Глава 5	60
Глава 6	80
Глава 7	107
Глава 8	124
Глава 9	154
Глава 10	189
Глава 11	195
Глава 12	254
Конец ознакомительного фрагмента.	307

Луиза Ахманова
Мелодия дождя

Глава 1

Капли разбивались о лужи, и на мгновение серая вода оживала. Сверкая в тусклом свете уличных фонарей, на поверхности вырастали сотни крошечных, хрустальных рюмок. Перевёрнутые, на тонких водяных ножках, они рождались от каждого удара небесного оркестра. Это был настоящий, безумный бал. Тысячи хрупких бокалов кружились в стремительном, хаотичном танце дождя. Один исчезал, но на его месте тут же взлетал другой, идеальный и прозрачный. Вода праздновала свою мимолётную красоту, звеня миллионами невидимых струн под аккомпанемент осеннего ветра.

Эта музыка звучит глубоко внутри, и её ритм — это чистый, непрерывный стук воды. Она кружится в тебе, обволакивает прохладой, а затем подхватывает, словно мощный водяной вектор, и уносит прочь — точно так же, как ливень подхватывает и крутит в потоках воздуха сорванную листву. Ты растворяешься в этом хрустальном хаосе, где всё вокруг состоит из летящих капель, а воздух пропитан запахом свежести и грозы.

Но в самый пик этого водяного безумия музыка вдруг об-

рывается на полуноте. Ливень стеной замирает в воздухе. Время останавливается, и ты, только что летевший над миром в эпицентре шторма, плавно, почти неощутимо падаешь вниз — точь-в-точь как мокрый лист, мягко опускающийся на зеркальную, иссеченную каплями гладь лужи. Наступает секунда абсолютного покоя, крупные капли тяжело разбиваются о воду, рождая те самые хрупкие перевёрнутые рюмки.

А затем — новый вдох, но вместо яростного шторма небо отзывается мягким, едва слышным аккордом. Вихрь возвращается, но теперь он тихий, убаюкивающий, похожий на шепот ночного грибного дождя. Он ласково подхватывает тебя, баюкает на своих водяных ладонях и уносит в этот сонный, бесконечный танец, где капли уже не бьют, а едва касаются земли, усыпляя мир своим хрустальным перезвоном.

Она любила осень, любила дождь — да, тот самый ранний затяжной дождь, которому не видно конца, создающий особое настроение. Для большинства людей такие дни были синонимом тоски и испорченных планов. Город облачался в тяжелые серые пальто, прятал лица под куполами зонтов и испуганно бежал по делам, перешагивая через холодные лужи. Но для Мархи этот бесконечный монотонный стук по отливу был лучшей музыкой. Дождь словно смывал с улиц все фальшивое, наносное, оставляя только суть — тишину, честность и легкую, очищающую грусть. В такое утро она никогда не включала верхний свет.

Марха устроилась на широком подоконнике, подтянув ко-

лени к груди. В руках она держала большую глиняную кружку с травяным чаем, от которой поднимался тонкий пар с ароматом чабреца и мяты. На стекле, прямо напротив её лица, капли сливались в причудливые ручейки, искажая очертания домов напротив. Она сделала глоток, чувствуя, как приятное тепло разливается по телу, и прикрыла глаза. В такт падающим каплям её мысли текли спокойно и плавно, возвращая долгожданный покой, который умела дарить только настоящая, глубокая осень.

Среди этой уличной толпы, безлико движущейся в одном быстром, испуганном ритме, вдруг проявилась одна фигура. Этот человек двигался совершенно иначе. Он шёл размеренно, не спеша; он не бежал от дождя — он шёл вместе с ним, словно празднуя эту внезапную осень. Он остановился и поднял лицо к небу. Человек на противоположной стороне улицы постоял так еще несколько секунд, словно впитывая холодную свежесть неба, а затем опустил голову и пошел дальше.

Его фигура быстро растворилась в серой пелене, оставив после себя лишь едва заметный след в мыслях Мархи. Она проводила его взглядом и улыбнулась — тихо, едва заметно. Ей не нужно было знать его имя. Самого факта его существования было достаточно. В этом огромном, вечно спешащем городе нашелся кто-то, кто разделял её тайную страсть и умел ценить честность осеннего неба.

Одиночество, которое еще полчаса назад казалось глухой

защитной стеной, вдруг трансформировалось. Оно больше не отрезало её от человечества. Напротив, теперь оно связывало её с миром тонкой, невидимой нитью. Она была не одна в своей тишине. Марха перевела взгляд на противоположный угол комнаты, где в полумраке угадывались контуры старого пианино.

Музыка давно перестала быть для неё просто профессией, превратившись в способ переводить на понятный язык то, для чего у людей не хватало слов. Каждый день она учила детей ловить ритм и слушать паузы, но по-настоящему глубоко саму музыку она слышала именно здесь. Она поставила опустевшую кружку на подоконник, подошла к инструменту и тихо подняла крышку. Подушечки пальцев коснулись прохладных клавиш.

Ей не хотелось играть чужие ноты. Она просто позволила рукам упасть на клавиши, беря мягкий, разреженный аккорд в до-миноре. Звук поплыл по комнате, идеально вплетаясь в монотонный стук капель. Дождь вел свою партию, а Марха лишь подыгрывала ему, создавая импровизированный осенний дуэт. Пальцы двигались по клавишам почти автономно. Мелодия рождалась сама, словно она просто записывала её за дождем.

Это был неспешный, синкопированный ритм, в котором паузы значили едва ли не больше, чем сами ноты. Правая рука вела тонкую, звенящую линию капель, а левая отвечала глухими, мягкими басовыми аккордами — шагами того са-

мого незнакомца, который растворился в тумане. Мархa нащупала внутри ту самую точку абсолютного покоя, которую так долго искала в суете учебных будней. Сейчас фальши не было. Протянув руку, она взяла с края пюпитра простой карандаш и сделала несколько быстрых набросков в нотной тетради. На полях, прямо над первыми тактами, она аккуратно вывела рабочее название: "Пешеход без зонта".

На дисплее высветилось имя: Тимур. Десять лет. Именно столько прошло с того дня, как его родители спешно собрали чемоданы и уехали за границу. Первые пару лет они еще пытались цепляться за прошлое — созванивались по выходным, делились новостями. Потом звонки становились всё реже, сообщения — короче, пока и вовсе не превратились в сухие поздравления с праздниками дважды в год.

Марха осторожно взяла трубку, чувствуя, как внутри колеблется странная смесь радости и застарелой, тщательно спрятанной боли. Тимур всегда был для неё чуть больше, чем просто другом детства — той самой первой, неосознанной и чистой влюбленностью, которую она пронесла сквозь годы и в которой боялась признаться даже самой себе. А она для него? Для него она была просто Мархой — надежной подругой из детства, с которой были связаны теплые, но далекие воспоминания.

— Алло? — её голос прозвучал чуть тише, чем обычно.

— Марха! Привет! — в трубке раздался его голос — всё такой же уверенный, звонкий, с едва уловимым, непривыч-

ным акцентом. — Ну как ты там? Слушай, у меня сумасшедшая новость. Я в Грозном! Прилетел по делам буквально на неделю. Давай завтра встретимся, а? Сто лет тебя не видел, расскажешь, как твоя музыка! Перекусим где-нибудь, поболтаем, как в старые добрые времена!

Он говорил легко и быстро, совершенно не чувствуя тех десяти лет разделяющей их пропасти. Для него это было веселое возвращение к истокам. Для неё — внезапный ураган, готовый растревожить её хрупкий, годами выстраиваемый покой.

Глава 2

На следующий день затяжной дождь сменился легкой, прохладной изморосью. Грозный умылся ночной водой и теперь блестел в лучах редкого осеннего солнца, пробивавшегося сквозь остатки туч. Марха стояла у пановарного окна в небольшом уютном ресторане недалеко от проспекта Путина. Сердце билось в каком-то рваном, синкопированном ритме, совсем не похожем на вчерашнюю спокойную мелодию. Ей было двадцать два года, она была уважаемой девушкой, преподавательницей музыки, но прямо сейчас внутри неё замерла та самая двенадцатилетняя девочка, у которой когда-то отобрали лучшего друга.

Дверь кафе скрипнула, впуская порцию свежего воздуха. Марха обернулась. В зал вошел высокий, статный мужчина. В его уверенной, сдержанной походке, манере держать себя и строгой линии плеч едва угадывался тот пятнадцатилетний угловатый мальчишка из её двора. Тимур заметно возмужал. Когда он встретился с ней взглядом, его глаза вспыхнули искренней, глубокой радостью, но он сразу же взял себя в руки, как и подобает чеченцу.

Он остановился на уважительном расстоянии, вежливо склонил голову в знак приветствия и тепло произнес:— Де дика дойла хьан, Марха. Машаллах, тебя просто не узнать. Стала взрослой, серьезной красавицей. Но глаза всё те же.

— Де дика дойла, Тимур, — тихо ответила она, чуть опустив взгляд.

— Ты тоже очень изменился.

Они сели за столик у окна, сохраняя необходимую дистанцию. Тимур то и дело смотрел на оживленную улицу за стеклом.— Я до сих пор поверить не могу, как всё вокруг преобразилось, — качал он головой. — Я вчера вечером гулял по центру — Грозный стал невероятно красивым. Величественные высотки Сити, мечеть «Сердце Чечни» в двух шагах, безупречная чистота... Знаешь, я чувствую себя здесь немного туристом, хотя это моя родина.

Они посидели ещё немного, неспешно допивая ароматный чай и восстанавливая по кусочкам мозаику ушедших лет. Когда чашки опустели, Тимур предложил пройтись, и они вышли на залитую мягким осенним солнцем улицу. Марха вела его по центральным проспектам, и её голос звучал ровно и вдохновенно. Она рассказывала о новых архитектурных ансамблях, показывала грандиозные высотки «Грозный-Сити», объясняла, как сильно изменились культурные и творческие пространства города за те годы, что его не было. Марха говорила о Грозном с той особенной, глубокой любовью, какая бывает только у людей искусства, пустивших корни в родную землю.

Тимур шёл чуть сбоку, как и предписывали правила приличия, внимательно слушал её и кивал. Но в какой-то момент он поймал себя на мысли, что почти не смотрит на ве-

личественные фасады зданий. Его взгляд то и дело возвращался к Мархе. Он всматривался в её сдержанные, плавные жесты, в то, как благородно и с каким достоинством она держится, как искренне загораются её глаза, когда она говорит о музыке или о переменах в городе. Вчерашний образ маленькой двенадцатилетней девчонки в веснушках, который он бережно хранил в памяти десять лет, окончательно растаял. Перед ним шла удивительно красивая, гармоничная и глубокая девушка. В её облике не было ничего напускного — только та самая естественная честность и утонченность, которую сама Марха так ценила в любимой ею осени. Тимур вдруг поймал себя на непривычном волнении.

Он приехал сюда как снисходительный гость из далекого мегаполиса, уверенный, что просто навестит подругу детства. Но теперь, шагая рядом с Мархой по обновленным улицам Грозного, он понимал, что этот город и эта девушка только что заново, совершенно по-особому открылись для него.

Все следующие встречи неизменно вращались вокруг его жизни в Европе. Тимур, сам того не замечая, раскрывался перед ней настоящей книгой странствий. Оказалось, что за эти десять лет он не просто закрепился в далёком мегаполисе, но и сумел начать строить карьеру в отельном бизнесе, заставившую его исколесить много стран. Марха слушала его затаив дыхание. Когда он увлечённо рассказывал о тонкостях европейского гостеприимства, о суетливых буднях и

огнях зарубежных столиц, её глаза широко распахивались, отражая искреннее, детское любопытство.

— Первые пять лет пролетели во Франции, — делился Тимур, рассеянно размешивая сахар в чашке. — Знаешь, эта вечная парижская спешка, старинные фасады, в которых угадывается история, и строгая, почти спартанская школа выживания в индустрии. А потом был переезд в Голландию. Совсем другой мир — каналы, тюльпановые поля по весне, безупречный порядок и какая-то звенящая внутренняя свобода местных жителей.

Для Мархи, чья жизнь была прочно соткана из уютных улочек Грозного, репетиций и музыки, его рассказы казались окном в параллельную вселенную. Она не перебивала. Только изредка кивала, ловя каждое слово, каждый интонационный акцент. В её внимательном, сияющем взгляде не было зависти — лишь глубокий интерес к человеку, который когда-то делил с ней детские секреты, а теперь вернулся из большого, неизведанного мира совершенно другим. И Тимур, глядя в эти открытые глаза, впервые за долгое время чувствовал, что его успехи ценны не сами по себе, а потому, что ими можно поделиться именно с ней.

За всеми этими разговорами, в которых они, казалось, перебрали по крупицам весь мир от парижских набережных до обновленных проспектов Грозного, оставалась одна невидимая, но отчетливая граница. Они говорили обо всем на свете, кроме главного. Ни Тимур, ни Марха ни разу, даже

вскользь, не коснулись темы личной жизни друг друга. Между ними стояло негласное, бережное табу — словно оба боялись неосторожным вопросом разрушить ту хрупкую, чистую гармонию, которая только-только начала между ними складываться.

Эта мысль едва успела оформиться в сознании Мархи, когда тишину момента внезапно разрезал резкий, настойчивый звук. На столе завибрировал и запел телефон Тимура. Экран вспыхнул, прерывая их неспешный вечер. Тимур бросил быстрый взгляд на дисплей, и его лицо на мгновение посерьезнело, а в глазах промелькнуло явное замешательство. Он виновато посмотрел на Мархи.— Извини, пожалуйста, мне обязательно нужно ответить, — негромко произнес он, жестом показывая на телефон.

Тимур даже не подумал сделать звук тише. В его представлении Мархи, выросшая здесь и погруженная в мир национальной музыки, вряд ли могла понять беглую иностранную речь. Он ответил на звонок прямо при ней, слегка перейдя на мягкий английский с безупречным европейским выговором. Но он ошибался. Мархи прекрасно знала английский — язык международных партитур и культурных пространств давно стал частью её профессии.

Из динамика, пробиваясь сквозь легкие помехи, долетел звонкий, мелодичный женский голос. На другом конце провода была иностранка. Она говорила быстро, с той легкой, интимной небрежностью, какая бывает только между близ-

кими людьми. Марха не хотела слушать, но слова сами отчетливо складывались в смыслы. Девушка спрашивала, когда Тимур наконец вернется обратно, жаловалась на долгую разлуку и без обиняков повторяла, как сильно она по нему соскучилась. Марха сидела неподвижно, глядя на свою чашку, в которой медленно остывал чай.

Каждое ласковое английское слово чужой женщины мягко, но безжалостно расставляло всё по своим местам. Иллюзия их уединенного осеннего мира, где были только они двое и воспоминания детства, рассыпалась. Оказалось, что в той, далекой европейской жизни Тимура, о которой он так красиво рассказывал, уже давно и прочно существовал кто-то другой.

Тимур отвечал сдержанно, его тон оставался ровным и деловым, но в нем чувствовалась привычная теплота к той, кто звонил. Он пообещал скоро быть и, попрощавшись, нажал на отбой. Когда он повернулся к Мархе, на его лице была лишь легкая, извиняющаяся улыбка человека, которого слегка отвлекли от приятной беседы. Он и не подозревал, что за эти две минуты их невидимая ментальная связь изменилась навсегда. Словно вторя перемене в её душе, небо над Грозным быстро затянуло тяжелыми, свинцовыми тучами, и на асфальт упали первые крупные капли. Налетевший ветер оборвал уютное осеннее тепло.

Марха резко поднялась. Сказав, что ей пора, она сухо и как-то слишком поспешно попрощалась. Тимур остался си-

деть, совершенно озадаченный столь внезапной переменой. Он растерянно смотрел ей вслед, перебирая в голове последние минуты и искренне не понимая, чем мог обидеть или задеть её всего мгновение назад. Марха наотрез отказалась от его предложения вызвать хотя бы такси. Ей нужно было бежать.

Она быстро шла по проспекту, а дождь, тем временем, расходился всё сильнее, превращаясь в плотную стену. Холодные капли падали на её лицо, смешиваясь с подступающими слезами, но именно эта стихия всегда обладала над Мархой особой, почти магической силой. Вода словно смывала наносную обиду и отрезвляла. Постепенно дыхание выровнялось. Девушка замедлила шаг, подняла голову к потемневшему небу и вслушалась в ритмичный шум падающей воды.

И в этом шуме, в стуке капель о гранит мостовой и крыши машин, в ней отозвалась та самая мелодия. «Пешеход без зонта». Произведение, которое совсем недавно замерло внутри неё, оборвавшись на сложном, тревожном аккорде, вдруг ожило. Музыка, дремавшая все эти дни, зазвучала в её мыслях чисто и непрерывно, подхваченная ритмом грозненского дождя. Сложная гамма чувств — отголоски детских воспоминаний, разочарование сегодняшнего дня и внезапное обретение себя — отражалась на её лице. Марха шла под ливнем, полностью погруженная в этот внутренний концерт. Она мысленно дописывала финал, и её тонкие пальцы сами,

незаметно для неё самой, начали легко перебирать невидимые клавиши в такт шагам, словно весь этот дождливый город превратился в один большой рояль.

Внезапно хрупкую гармонию мысленной музыки бесцеремонно оборвал чей-то голос — глубокий, чуть с хрипотцой и непринужденный:— Девушка, вы забыли зонтик? Или вы, как и я, так любите дождь, что просто не хотите обижать его зонтом?

Марха вздрогнула, выныривая из своего музыкального транса. Её пальцы замерли в воздухе на полуслове, так и не доиграв финал. Прежде чем она успела повернуться к незнакомцу и вообще осознать, что происходит, её сознание выдало мгновенную, чёткую ассоциацию. Она медленно обернулась сквозь плотную стену капель. Перед ней стоял он. Тот самый человек, которого неделю назад она караулила взглядом из окна. На нем, вопреки логике бушующей непогоды, действительно не было ни дождевика, ни зонта. Дождь нещадно заливал его плечи, но незнакомец лишь тепло улыбался, глядя на неё с вежливым, но живым интересом. Музыка, замершая когда-то в её комнате, прямо сейчас находила своё продолжение в реальности.

Хоть на Мархе и был плотный тёплый плащ, осенний ливень уже успел пропитать ткань насквозь — она промокла почти так же сильно, как и этот странный прохожий. Вода тонкими струйками стекала по её волосам, но холода она почему-то не чувствовала. Незнакомец посмотрел на её намок-

шие плечи, на капли, дрожащие на ресницах, и его улыбка стала ещё теплее.

В его тоне не было ни капли развязности или навязчивого желания познакомиться — он заговорил с ней так легко и просто, словно они были старыми друзьями, которые случайно столкнулись на привычном месте после долгой разлуки.— Хоть дождь и прекрасен, — он слегка прищурился от падающих капель, — но если мы продолжим так стоять, то просто-напросто замёрзнем. А что, если мы... — Он не договорил, кивнув в сторону уютных, светящихся тёплым жёлтым светом окон небольшого заведения неподалёку, откуда доносился едва уловимый аромат кофе и выпечки.

Марха машинально кивнула, и они вместе, спасаясь от хлынувшего с новой силой ливня, поспешили укрыться внутри. Зал оказался полупустым, людей почти не было. Плотный запах свежемолотого кофе и корицы мгновенно вытеснил сырость осенней прохлады. Марха расстегнула промокший плащ. Шок от резкого побега из ресторана, где остался Тимур со своим чужим английским разговором, начал постепенно уступать место какому-то странному предвкушению.

— Меня, кстати, зовут Амир, — открыто улыбнулся мужчина, приложив правую руку к сердцу в знак искреннего уважения и приветствия, как и предписывали правила приличия. В его голосе и манерах сквозило то редкое, внутреннее благородство, которое Марха всегда ценила в людях.Она

сдержанно кивнула в ответ:— Марха, — негромко представилась она, устраиваясь за самым дальним столиком у окна. Официант принёс им меню, но Амир, даже не заглядывая в него, сделал заказ за двоих — две чашки горячего чая с чабрецом и горным мёдом. Это было именно то, что нужно, чтобы согреться.

Когда суета с заказом улеглась, в воздухе повисла мягкая пауза. Амир не спешил нарушать её глупыми расспросами, давая Мархе время прийти в себя. Он просто смотрел на неё с искренним дружелюбием. В какой-то момент его взгляд опустился на стол и замер. Он смотрел на её руки. Марха и сама не замечала, что её тонкие пальцы на деревянной поверхности стола продолжали жить своей, обособленной жизнью. Подчиняясь внутреннему ритму, они плавно и точно перебирали невидимые клавиши. Она доигрывала. Та самая мелодия наконец-то обретала свой финал. В тишине уютной кофейни, под аккомпанемент дождя, Марха мысленно ставила точку в произведении ушедшей недели. Амир не отвёл глаз и не прервал её.

Он лишь понимающе улыбнулся, словно по-настоящему слышал каждую беззвучную ноту, которую её пальцы оставляли на столе. Тишину между ними нарушил приглушённый, настойчивый звук — в сумочке Мархи зазвонил телефон. На экране высветилось имя Тимура. Девушка на секунду замешкалась, но всё же ответила на звонок. Голос Тимура в трубке звучал взволнованно и растерянно. Он торопливо

спросил, благополучно ли она добралась до дома, и добавил, что если она не занята, он хотел бы немедленно приехать и поговорить обо всём. В его тоне больше не было прежней снисходительности заграничного гостя. Но Мархa осталась непреклонна. Внутри неё больше не штормило, там царил покой, подаренный дождём и этой кофейней.— Я не хотела бы сегодня говорить, Тимур, — ровно и спокойно ответила она. — Поговорим завтра.

Едва Тимур начал что-то говорить в ответ, Амир, сидевший напротив, деликатно перевёл взгляд на окно. Поняв, что разговор личный, он едва заметным, уважительным жестом указал в сторону выхода, без слов давая понять: если ей нужно поговорить наедине, он может прямо сейчас встать и отойти. Мархa посмотрела на Амира, и на её губах промелькнула едва уловимая благодарная улыбка. Не прерывая звонка, она ответила ему таким же мягким жестом — чуть качнула ладонью, беззвучно говоря: «Не надо, останься». Попрощавшись с Тимуром, она нажала на отбой и окончательно убрала телефон в сумку.

Мархa посмотрела на инструмент в углу, потом встала, подошла к нему и коснулась пальцами клавиш. Мелодия, которая родилась под её руками, не просто заполняла зал — она эхом повторяла то, что происходило за окном. Сначала это были редкие, прозрачные капли: пальцы едва касались верхнего регистра, вызванивая хрустальный, летящий ритм первых секунд грозы. Но с каждым тактом музыка темнела

и набирала силу.

Вдруг на смену легким брызгам пришел стремительный, сбивающий с ног пассаж. Звуки обрушились на клавиши, словно потоки воды, бьющие по стеклам и мостовой. Музыка рокотала в басах, передавая глухие раскаты грома, и тут же взрывалась резкими, пронзительными аккордами, похожими на вспышки молний, которые разрезали сумерки за окном кафе. Инструмент в её руках буквально оживил непогоду, заставив всех присутствующих почувствовать холодный ветер и неодолимую силу природы.

Он стоял чуть поодаль, завороженно глядя, как стихия за окном и стихия внутри зала слились в одно целое. Мархa играла саму бурю, и от этой сумасшедшей связи дождя и музыки у Амира перехватывало дыхание. Последний грозовой аккорд растаял в воздухе, оставив после себя лишь глухое, дрожащее эхо внутри старого пианино. За окном кафе ливень тоже пошел на убыль, сменившись ровным, умиротворяющим шумом. В наступившей тишине она медленно опустила руки, повернула голову и они встретились взглядами.

Она была удивительно, пронзительно красива в этот момент — той редкой, естественной красотой, которую не могут испортить ни непогода, ни усталость. Из-за ливня ее длинные, густые волосы совсем промокли. Темными, тяжелыми прядями они змеились по плечам и спине, кое-где прилипнув к шее и бледным щекам. Короткая челка разделилась на влажные прядки, приоткрывая лоб, на котором от долгого

напряжения выступили мелкие капли — то ли испарины, то ли дождевой воды. На ней был крупной вязки теплый свитер, который теперь стал тяжелым и влажным. От ткани исходило мягкое, едва заметное тепло, смешанное с запахом осенней сырости и шерсти. Ворот свитера слегка сполз набок, обнажая тонкую ключицу.

Она сидела неподвижно, ее грудь высоко и тяжело вздымалась после сумасшедшей игры, а в глубине глаз еще догорали искры той музыкальной бури, которую она только что усмирила. Он смотрел на нее и понимал, что этот образ — с мокрыми волосами, в промокшем свитере на фоне пошарпанного пианино — останется с ним навсегда.

— Ты музыкант? — тихо спросил Амир.Она ответила без слов. Вместо объяснений она лишь слегка наклонила голову набок, и с влажной пряди ее густых волос на клавишу «до» упала крупная, прозрачная капля. Она мягко, почти невесомо улыбнулась одними уголками губ, и в этой улыбке не было ни кокетства, ни гордости. Это был жест человека, для которого музыка — не профессия и не хобби, а просто единственный естественный способ дышать и говорить с миром.

Ее тонкие пальцы, еще хранившие тепло бешеного ритма, скользнули по пожелтевшей кости клавиатуры, словно прощаясь с инструментом, и она наконец опустила их на колени. Амир остался стоять на прежнем месте, сохраняя почтительное расстояние. Он не сделал ни шага вперед, уважая её пространство, но внутри него удивительное чувство, что они

знают друг друга всю жизнь, только укрепилось. В её скромности, в том, как она держалась — с достоинством, без капли смущения или жеманства, — было что-то до боли родное. Ему казалось, что он всегда знал этот характер, эту внутреннюю силу, скрытую за внешней хрупкостью. Между ними оставались метры воздуха и строгие рамки приличий, но музыка уже связала их невидимой, неразрывной нитью.

А затем тишину нарушил негромкий, но искренний стук ладоней. Пожилой мужчина у окна одобрительно и уважительно закивал головой, бармен за стойкой перестал протирать бокал и тихо захлопал, выражая свое восхищение. Эта случайная публика, застигнутая непогодой, была искренне тронута и благодарна за то чудо, которое только что произошло в невзрачном углу кафе. Марха сдержанно, едва заметным кивком головы приняла эту безмолвную похвалу, поднялась из-за пианино и с безупречной, строгой осанкой прошла к столу.

И только теперь, садясь напротив Амира, она почувствовала острую, обжигающую неловкость за свой музыкальный порыв. Когда безумный вихрь звуков окончательно улегся, ей стало по-настоящему не по себе от того, с какой безудержной, почти яростной откровенностью она только что играла на виду у чужих людей и, главное, перед ним. По чеченским меркам такая открытая демонстрация бушующих чувств была слишком смелой. Щеки Мархи тронул едва заметный румянец. Она опустила глаза, разглаживая пальцами

края влажного рукава своего свитера, словно пытаясь спрятать за этим жестом свое замешательство и отгородиться от недавней экспрессии.

Амир, заметив её смущение, сел напротив. В его взгляде не было ни тени осуждения — только глубокое почтение к её таланту. Чтобы снять это внезапное напряжение и дать Мархе прийти в себя, он вежливо подозвал официанта и негромко попросил принести свежий горячий чай взамен остывшего. Официант вскоре принес две чашки с исходящим паром и бесшумно удалился. Амир не стал расспрашивать Мархуо музыке, понимая, как сильно это может её смутить. Вместо этого он решил перевести разговор на себя, чтобы дать ей время успокоиться и вернуть внутреннее равновесие.

— Я ведь тоже в каком-то смысле связан со созиданием, — негромко, уважительным тоном начал он, глядя на свою чашку. — По профессии я архитектор. Почти всю жизнь прожил в Москве. Родители уехали туда из Чечни, когда я был еще совсем ребенком, так что вырос я там, учился, начинал работать. А сейчас вот вернулся. Мне предложили здесь очень хороший, крупный проект. Грозный сейчас невероятно строится, растет буквально на глазах, каждый день что-то меняется. Для архитектора здесь сейчас колоссальное пространство, настоящая живая работа. Вот приехал вносить свой вклад в восстановление родных мест.

Он замолчал, давая ей возможность отозваться на его слова. Мархаслегка приподняла взгляд, внимательно слушая

его спокойный, размеренный голос. Неловкость на ее лице начала постепенно уступать место сдержанному интересу. Сделав маленький, аккуратный глоток горячего чая, она почувствовала, как смущение почти покинуло её, уступив место тому самому первичному чувству взаимного доверия, которое связало их с первых минут знакомства.

Они не торопясь допили чай. За это время Марха немного рассказала о себе. Выяснилось, что у неё высшее музыкальное образование и она работает учителем музыки в одной из городских гимназий. Для неё инструмент был не просто увлечением, а делом всей жизни, хотя в повседневной работе ей приходилось разучивать с детьми простые и строгие школьные программы. Возможно, именно поэтому здесь, наедине с бурей за окном, старое пианино пробудило в ней ту неистовую экспрессию, за которую ей потом стало так неловко. Разговор тек спокойно и уважительно. Амир ловил себя на мысли, что за каждым её словом и сдержанным жестом он видит ту самую невероятную глубину, которую она открыла ему в своей игре.

За окном окончательно посветлело, и крупные капли дождя лишь изредка лениво стучали по стеклу. Марха аккуратно поставила пустую чашку на стол и плавно поднялась со стула.— Мне уже пора, — тихо, но уверенно произнесла она, поправляя воротник всё еще влажного свитера. Она посмотрела на Амира своим чистым, серьезным взглядом. — Рада была знакомству, Амир.Амир тоже поднялся, сохраняя

почтительное расстояние. Отпускать её вот так, зная, что в большом городе они могут больше никогда не встретиться, он не мог. Чувство, что эта девушка предназначена ему самой судьбой, только окрепло.— Мархa, — Амир на секунду замялся, подбирая максимально тактичные слова, чтобы не нарушить границы приличия. — Если это возможно... и если ты не против... могу я попросить твой номер телефона?Мархa на мгновение опустила глаза. Наконец она едва заметно, сдержанно кивнула и негромко продиктовала цифры. Амир быстро записал их в телефон, чувствуя, как внутри разливается облегчение.

Они вышли на крыльцо кафе. Воздух после грозы был удивительно свежим, пахнущим мокрым асфальтом и омытой зеленью. Амир сразу же поднял руку, останавливая проезжавшую мимо машину такси. Он открыл перед Мархой заднюю дверцу, помогая сесть, но строго избегая случайных прикосновений. Пока она устраивалась на сиденье, Амир наклонился к водителю, назвал адрес, который указала Мархa, и полностью оплатил поездку вперед.— Дела реза хийла хьуна, Амир, — тихо сказала Мархa из салона автомобиля.Машина плавно тронулась с места и растворилась в потоке на умытой дождем улице Грозного. Амир остался стоять на мостовой, глядя ей вслед и зная, что эта история только начинается.

Глава 3

Такси мягко остановилось у её дома. Марха быстро добежала до подъезда и вошла внутрь. В квартире стояло привычное домашнее тепло.

Марха сразу же сняла тяжёлый, промокший насквозь свитер и бросила его в стирку. От долгого пребывания в сырости под ливнем тело пробрал лёгкий озноб, и она поспешила в ванную.

Горячие, почти обжигающие струи душа приятно ударили по плечам, мгновенно смывая остатки осеннего холода и накопившуюся за день усталость. Марха стояла, подставив лицо под воду, и слушала её ровный, монотонный шум, который теперь так сильно контрастировал с недавней безумной мелодией дождя, сыгранной на старом пианино. Музыкальная буря внутри неё окончательно утихала, оставляя лишь приятное, расслабляющее тепло.

Она вышла из ванной, кутаясь в сухой домашний халат, и принялась бережно расчёсывать свои длинные, густые волосы. Только тогда она взяла в руки оставленный на комоде телефон и увидела на экране всплывшее уведомление от незнакомого номера.

Это было сообщение от Амира:

«Марха, ассаламу алейкум. Надеюсь, ты хорошо доехала и дождь больше не застал тебя. Амир».

Она посмотрела на экран, и на её лице снова появилась та самая едва заметная, мягкая улыбка. Неловкость, которая так сильно мучила её в кафе, окончательно растаяла. На смену ей пришло новое, очень тихое и тёплое чувство.

В квартире стояла непривычная, глубокая тишина. Вот уже месяц, как мама уехала гостить к бабушке Мархи в селение, чтобы ухаживать за ней — пожилая женщина сильно приболела и нуждалась в постоянной заботе. Марха очень скучала по маме, на неё одну легли все заботы по хозяйству после работы в гимназии, но сейчас эта тишина пустых комнат была ей даже на руку. Не нужно было прятать глаза и с порога отвечать на внимательные, проницательные мамины вопросы о том, почему у неё так странно блестят глаза.

Марха несколько раз перечитала свой ответ и нажала «отправить»

«Ваалейкум ассалам. Да, хорошо, баркалла. Надеюсь, вы тоже благополучно добрались».

Отложив телефон, она выключила свет. За окном Грозный тихо засыпал под ровный шум уходящего дождя. Марха смотрела в потолок, и её мысли невольно возвращались к Амиру. В его манерах и голосе было то редкое, спокойное достоинство, которое сразу внушало доверие. Он вырос в Москве, но в нём чувствовалось искреннее, глубокое уважение к своим корням. Но больше всего её поражало то странное ощущение, которое возникло между ними в кафе. Как два человека, познакомившиеся на мокрой мостовой всего

полчаса назад, могли смотреть друг на друга так, словно знали друг друга вечность? С этими мыслями Марха сама не заметила, как уснула.

Утро встретило её ярким солнцем, залившим комнату через чистые стёкла. Едва проснувшись, она потянулась к телефону и увидела на экране новое уведомление. Амир написал совсем недавно:

«Доброе утро, Марха. Как спалось после вчерашней бури? Какой у тебя сегодня распорядок дня?»

Вопрос был очень тактичным — он просто аккуратно узнавал, когда она будет свободна. Марха ответила, что до обеда у неё уроки музыки в гимназии, а потом нужно зайти на рынок и заняться домашними делами. Амир больше не отвлекал её в течение дня, давая возможность спокойно поработать.

Весь день в гимназии Марха ловила себя на том, что напевает ту самую мелодию дождя. Время тянулось непривычно долго, но ближе к концу её смены телефон снова ожил. В короткой вечерней переписке они договорились встретиться в небольшом сквере в центре города.

Перед встречей Марха долго стояла у зеркала. Она выбрала платье глубокого изумрудного цвета из плотной, мягко спадающей ткани, которая красиво подчеркивала ее тонкий силуэт. На плечи она накинула легкий светлый палантин, аккуратно закрепив его так, чтобы он обрамлял лицо, оттеняя её густые, каштановые волосы, которые после вчерашнего

ливня снова стали легкими и шелковистыми.

В самый последний момент Марха потянулась к флакону на комоде. Она нанесла на запястья пару капель духов с тонким, едва уловимым ароматом белого жасмина и теплой ванили. Этот шлейф не был навязчивым — он сидел близко к коже, раскрываясь чистым облаком только при движении.

Когда она зашла в сквер, Амир уже ждал ее у входа на центральную аллею. Осеннее солнце красиво подсвечивало золотом верхушки деревьев. Заметив Марху, он сразу же пошел навстречу. Амир тепло

поздоровался, и когда они пошли вдоль аллеи, легкий вечерний ветерок донес до него этот тонкий, нежный шлейф жасмина. Амир невольно улыбнулся: этот аромат удивительно подходил к её образу.

— Как прошёл твой день, Марха? — спросил Амир, когда они свернули на более тихую, залитую мягким вечерним светом аллею.

Этот простой вопрос словно сломал невидимую плотину.

Марха приподняла голову, её глаза преобразились, и она начала рассказывать. Вся её недавняя девичья сдержанность отступила перед искренней, глубокой любовью к своему делу.

Она говорила о гимназии, о своих учениках — о том, какими разными и непосредственными бывают дети. С особым увлечением Марха рассказывала о первоклассниках, которые сегодня впервые пытались понять, как рождается звук, и

смешно морщили носы, стараясь уловить разницу между мажором и минором. Она всплескивала руками, её голос звучал то тише, то звонче, а речь лилась легко и певуче, словно сама по себе была прекрасной мелодией.

Амир шёл чуть поодаль, внимательно слушая её, но поймал себя на том, что больше смотрит не на дорогу, а на то, как удивительно она меняется в этот момент.

Куда-то исчезла та строгая, застенчивая девушка, которая ещё вчера испуганно прятала глаза в углу кофейни. Сейчас перед ним была увлечённая, сильная и невероятно живая личность. Лицо Мархи озарилось изнутри каким-то особенным, чистым светом, на щеках проступил естественный румянец, а шлейф жасмина, казалось, стал вокруг неё чуть ярче. Амир смотрел на её тонкие пальцы, которыми она неосознанно жестикулировала в воздухе, рисуя музыкальные такты, и снова узнавал в ней ту неистовую пианистку, подчинившую себе бурю. Её преданность музыке и детям восхищала его сильнее любых правильных слов.

Марха внезапно осеклась на полуслове, заметив его долгий, заворожённый взгляд. Она тихо рассмеялась и слегка поправила палантин, возвращаясь к привычной скромности:

— Извини... Кажется, я слишком разговорилась.

Амир тоже негромко, искренне рассмеялся, и этот смех мгновенно разрушил остатки её смущения.

В лучах заходящего солнца он выглядел по-особенному статно. Высокий, подтянутый, с широким разлетом плеч,

Амир сочетал в себе чисто мужскую силу и удивительную мягкость манер. На нём была простая, но отлично сидящая тёмная куртка поверх строгого джемпера, которая подчеркивала его спортивную фигуру. У него было волевое лицо с чёткими, словно высеченными из камня линиями, аккуратная, ухоженная борода и очень глубокие, внимательные карие глаза. В этих глазах сейчас не было столичной холодности — в них светилась искренняя, тёплая радость оттого, что эта девушка сидит рядом и так открыто делится с ним своим миром.

— Не извиняйся, Марха, — сказал он, и его голос прозвучал мягко и бархатисто. — Я готов слушать тебя часами. На самом деле, это редкий дар — так сильно любить то, что ты делаешь. Наверное, поэтому твоя вчерашняя музыка и получилась такой… живой. Она попала мне в самое сердце.

Марха слегка опустила взгляд, но на этот раз не от неловкости, а пряча невольную, очень тёплую улыбку. Ей были приятны его слова.

— Ну а как же твои чертежи и стройка? — спросила она, переводя внимание на него. — Как прошёл первый день у столичного архитектора в Грозном?

— Прошёл хорошо, — ответил Амир, на секунду задумавшись, словно заново прокручивая в голове события утра. — Я сегодня в основном знакомился с новой командой и вникал в чертежи. Объект крупный, ответственность большая, так что первый день ушёл на то, чтобы просто сориентиро-

ваться на месте. Но атмосфера на площадке отличная, все горят делом. Знаешь, когда видишь, с каким размахом сейчас строится наш Грозный, внутри появляется какой-то особенный азарт. Хочется сделать что-то по-настоящему красивое, что останется городу на десятилетия.

Марха слушала его очень внимательно. Ей нравилось, как серьёзно и с каким внутренним уважением он говорит о своей работе и о городе. Они прошлись ещё немного по дальним аллеям сквера, обсуждая, как сильно изменились здешние места за те годы, что он прожил в Москве. За разговором время пролетело незаметно. Солнце уже опустилось за крыши высоток, и на Грозный плавно опускались тёплые фиолетовые сумерки. Вдоль дорожек один за другим начали загораться мягкие жёлтые фонари.

— Уже темнеет, Марха. Тебе пора домой, — мягко сказал Амир, заметив, что вечерний воздух стал заметно прохладнее. — Давай я тебя провожу.

Она не стала отказываться. Они не торопясь пошли в сторону её квартала. По пути они почти молчали, но это больше не было натянутым молчанием чужих людей. Вокруг шумел вечерний город, перемигивались огнями витрины, а между ними шло то самое удивительное, тихое общение, которое зародилось ещё вчера под звуки ливня. Тонкий шлейф жасмина от её платья едва уловимо следовал за ними, смешиваясь со свежестью наступающего вечера.

Когда они подошли к её подъезду, Амир остановился у

невысоких декоративных кустов, оставляя Мархе пространство, чтобы спокойно зайти внутрь.

Они остановились у подъезда, где свет от козырька мягко падал на её изумрудное платье. Вокруг затихал тёплый вечер, и в этой внезапной паузе оба отчётливо почувствовали, как сильно им обоим не хочется расставаться. Час прогулки пролетел как одна минута, оставив после себя сильное, тягучее желание продолжить этот разговор, просто идти рядом и слушать друг друга. Но время торопило, и рамки приличия требовали завершить встречу.

Амир посмотрел на Марху, бережно сохраняя в памяти её силуэт в мягком свете фонарей.

— Доброй ночи, Марха, — негромко сказал он, и в его голосе проскользнула едва заметная грусть от скорого прощания.

Она приподняла взгляд, и в её глазах на секунду отразилось то же самое нежелание уходить. Марха мягко кивнула:

— Спасибо за прогулку, Амир. Хорошего пути домой.

Она повернулась и скрылась за тяжёлой дверью подъезда. Амир подождал ещё несколько минут, пока на её этаже в окне квартиры не загорелся тёплый свет. Лишь после этого он развернулся и пошёл в сторону проспекта, чувствуя, как внутри него, вопреки прохладному осеннему воздуху, разгорается настоящее, живое тепло.

Глава 4

Амир шёл по вечернему проспекту Грозного, а в его мыслях всё ещё крутился образ Мархи — её изумрудное платье, мягкий шлейф жасмина и то, как загорались её глаза, когда она говорила о музыке и детях.

Но этот тёплый шлейф воспоминаний вдруг резко оборвался. На Амира плотной стеной навалилось то, о чём он ещё несколько дней назад заставлял себя упорно не думать.

Он действительно искренне хотел работать в Чечне. Его манили амбициозные проекты, колоссальный размах строительства и возможность оставить свой след на родной земле. Но была и другая, скрытая причина, почему он так стремительно принял решение уехать из Москвы.

Её звали Линда.

Они встречались уже год, и всё казалось серьёзным, пока они вдребезги не поругались перед самым его отъездом. Причиной разлада стали её мама и их общие, чуждые Амиру взгляды на жизнь. Лишь в последние месяцы Амир начал отчётливо замечать, какое огромное, первостепенное значение Линда уделяет материальному миру. Её постоянно растущие запросы, бесконечные требования внимания, дорогие подарки и обязательные поездки на роскошный отдых превратились в замкнутый круг. Всё это подавалось под соусом «статуса» и красивой жизни, которую так усердно навязыва-

ла её мать.

Амир вспомнил их последний разговор в Москве — капризный тон Линды, её нежелание слышать о его мечтах и ту пустоту, которую он почувствовал, когда понял, что их ценности разошлись окончательно.

Он остановился посреди освещённого проспекта и посмотрел на строящиеся высотки Грозного. Контраст между столичным прошлым и тем, что происходило с ним сейчас, был ошеломляющим.

Там, в Москве, были бесконечные глянцевые требования Линды, в которых он постепенно терял себя. А здесь, в Грозном, всего за два дня под дождём и солнцем, он встретил Марху — девушку в промокшем свитере, которая выплёскивала душу в старые клавиши и светилась изнутри от любви к своей скромной работе.

Амир достал вибрирующий в кармане телефон, и экран осветил имя, которое он меньше всего ожидал увидеть сейчас. Линда. До этого она звонила уже много раз, но он упрямо не отвечал, пытаясь вычеркнуть московское прошлое из головы. Но сейчас, посреди ночного Грозного, этот настойчивый вызов словно застал его врасплох.

Он вздохнул и нажал кнопку ответа.

— Слушаю тебя, Линда, — сухо произнес Амир, стараясь, чтобы его голос звучал максимально деловито. — Мне сейчас, честно говоря, некогда. Я полностью ушел в работу. Вторая неделя пошла, как я здесь, дел на объекте невероятно

много, времени свободного практически нет.

Он надеялся, что этот холодный тон остудит её пыл, но ответ Линды заставил его буквально застыть на месте.

— Амир, я знаю, что ты занят, — раздался в трубке её уверенный, слегка взволнованный голос, в котором на этот раз не было привычных капризных ноток. — Но я звоню не из Москвы. Я в Грозном, в аэропорту.

У Амира перехватило дыхание. Он молча слушал, не веря собственным ушам, а Линда продолжала:

— Я всё обдумала, Амир. Наша ссора, слова мамы... всё это глупости. Я приняла решение, что буду с тобой рядом, чего бы мне это ни стоило. Я прилетела. Пока что остановлюсь у тёти, у неё тут квартира, а дальше посмотрим. Посмотрю, чем тут можно заняться, может, работу какую-то найду. Главное — мы будем вместе. Ты можешь меня встретить?

Амир стоял посреди оживленного проспекта, а в его голове воцарился полный хаос. Всего десять минут назад он прощался с Мархой, вдыхая тонкий шлейф жасмина и чувствуя зарождение чего-то чистого и настоящего. А теперь из Москвы, со всеми своими чемоданами, амбициями и прошлыми обидами, прилетела Линда, переворачивая его новую жизнь с ног на голову еще до того, как она успела начаться.

Амир застыл на мгновение, переваривая услышанное, но мужское воспитание и долг гостеприимства не позволили ему оставить девушку одну в ночном аэропорту.

— Ладно, — выдохнул он в трубку. — Жди внутри терминала. Я сейчас приеду.

Он поймал машину и поехал в сторону аэропорта Грозного, а в голове один за другим всплывали образы их московского прошлого. Линда была чеченкой, но, можно сказать, лишь формально. Она родилась в Москве, практически не говорила на родном языке и понимала его с большим трудом. Её воспитание было бесконечно далеко от традиционного. Во многом это объяснялось тем, что Линду вырастила мать, а отец давно оборвал с ними все связи и жил со своей новой семьёй во Франции.

В первое время эти различия сильно напрягали Амира. Несмотря на то, что он сам вырос в столице, родители воспитали его чеченцем до мозга костей — он в совершенстве владел языком и строго чтил адаты. Для Линды же, привыкшей к московской свободе, не составляло никакого труда посреди улицы запросто взять Амира за руку. Амир всячески сторонился этого и каждый раз аккуратно убирал ладонь. Когда он делал ей замечания, Линда лишь капризно надувала губы и ссылалась на то, что просто не знает «законов чеченцев» и ни в чём не виновата. Амир успокаивал себя тем, что она поступает так лишь по незнанию. Однако со временем он понял: Линда совершенно не горела желанием постигать эти обычаи, которые она с лёгким пренебрежением называла «обычаями гор».

Машина такси подъехала к терминалу. Амир вышел в

прохладную ночь и направился к дверям аэропорта.

Линда стояла у выхода из зоны прилёта рядом с двумя огромными чемоданами. Она выглядела безупречно, словно сошла с обложки глянцевого журнала: стильное приталенное пальто, безукоризненный макияж и дорогие брендовые аксессуары. Заметив Амира, её лицо озарилось радостью, и она импульсивно шагнула к нему, раскинув руки для объятий. Амир вовремя перехватил её инициативу — он сдержанно перехватил ручку одного из чемоданов, делая шаг в сторону и мягко, но твёрдо обозначая дистанцию.

— Здравствуй, Линда, — спокойно сказал он. — Пойдём к машине. Твоя тётя знает, что ты прилетела?

-Да и ее придурок сын тоже знает. - сказала она.

Линда болтала без умолку, пока они шли к стоянке такси, совершенно не заботясь о том, как высокомерно звучат её слова. Амира внутри передернуло. Слышать такие резкие, пренебрежительные отзывы о родственниках, тем более о двоюродном брате, в его понимании было полным нарушением семейного уважения. В Грозном так не разговаривали. Но Линда, выросшая в совершенно другой среде, даже не задумывалась об этом — для неё этот парень был просто невыносимым родственником, с которым она категорически не желала пересекаться.

Амир молча уложил её огромные чемоданы в багажник, стараясь сдержать подступающее раздражение. Линда юркнула на заднее сиденье и продолжила щебетать, делясь впе-

чатлениями от перелёта, а Амир сел впереди, рядом с водителем.

Машина плавно тронулась, увозя их из аэропорта по пустой ночной трассе. Амир смотрел в боковое стекло на редкие дорожные огни, и внутри у него росло тяжёлое, глухое предчувствие. Приезд Линды с её столичным эгоизмом грозил сильно запутать его жизнь. И больше всего в эту минуту он думал о том, что завтра ему нужно как-то позвонить Мархе.

Машина остановилась у нужного дома. Амир молча достал из багажника тяжелые чемоданы и поднял их на этаж. Тётя Линды уже ждала у открытых дверей пустующей квартиры. Она встретила племянницу сдержанно-радостно, а Амира поблагодарила за помощь.

Заходить внутрь и оставаться на чай тётя его приглашать не стала. Она вежливо извинилась, объяснив, что с минуту на минуту домой с работы должен вернуться её сын, и ей нужно успеть встретить его и покормить ужином. Амир воспринял это с облегчением — у него не было ни малейшего желания задерживаться. Линда попыталась было обиженно надуть губы и удержать его, требуя внимания после долгого перелёта, но Амир лишь коротко пожелал им доброй ночи, развернулся и поспешил уйти.

Спустившись во двор, он глубоко вдохнул прохладный ночной воздух, пытаясь избавиться от нахлынувшего чувства духоты. Мысли о Мархе снова вернулись к нему, но те-

перь они приносили с собой тревогу: приезд Линды запутал всё.

Наступило утро. Солнечные лучи пробивались сквозь шторы, когда Амир, почти не спавший всю ночь, сидел за кухонным столом. На экране его телефона высветилось сообщение от Линды:

«Амир, доброе утро! Тётя дала мне машину своего сына, пока он на смене, так что я на колёсах. Днём хочу приехать к тебе на объект, посмотреть, где ты пропадаешь. Напиши адрес».

Амир нахмурился. Сын тёти, судя по всему, даже не подозревал, что его автомобилем уже распоряжаются без его ведома. Но больше всего Амира беспокоило то, что Линда собиралась приехать прямо на стройку, нарушая его рабочий ритм и личные границы.

В этот же момент он вспомнил, что обещал написать Мархе.

Амир быстро набрал ответ, стараясь звучать твёрдо:

«Нет, Линда, на объект приезжать не нужно. Я сам здесь всего второй день, для меня самого тут всё новое, кругом рабочая суматоха и начальство. Посторонним на площадке находиться нельзя».

Однако, отлично зная характер Линды и понимая, что она так легко не отступит и всё равно может заявиться без предупреждения, он решил сыграть на опережение. Ниже он добавил:

«Давай лучше встретимся в обеденный перерыв. Я освобожусь на час, посидим где-нибудь рядом со стройкой, пообедаем. Я скину адрес кафе».

Отправив сообщение, Амир устало потер переносицу. Ему очень не хотелось этой встречи, но это был единственный способ удержать Линду подальше от его работы.

Экран телефона снова ожил — пришёл короткий ответ от Линды: «Ладно. Скидывай адрес, буду к часу».

Амир отложил мобильный, но на душе по-прежнему было неспокойно. Перед глазами снова возник чистый образ Мархи в её изумрудном платье, и сердце болезненно сжалось. Он понимал, что должен написать ей, как и обещал вчера у подъезда, но теперь, когда в Грозном появилась Линда со своими претензиями на его жизнь, Амир чувствовал себя так, словно совершает какое-то невидимое предательство по отношению к Мархе, хотя между ними ещё ничего не было.

Время уже близилось к обеду, а Амир так и не написал Мархе. Он просто не знал, что делать. Всё утро на строительной площадке чертежи валились у него из рук. Внутри росло тяжёлое чувство вины перед Мархой, хотя они едва знали друг друга. Он не понимал, как сможет окончательно отделаться от Линды, но то, что нужно что-то предпринимать и ставить точку, он знал твёрдо.

Линда приехала к кафе ровно к часу и сейчас сидела напротив него в своей лучшей форме. Она выглядела безупречно: элегантное пальто, идеальная укладка, дорогие

украшения. Проходившие мимо мужчины невольно оглядывались на её яркий, столичный образ, да и сама Линда объективно была очень красивой девушкой.

Это излишнее мужское внимание сильно задевало и раздражало Амира. В Грозном такая броская демонстрация себя выглядела вызывающе. Он уже несколько раз сделал ей строгое замечание, чтобы она хотя бы говорила потише и не привлекала к их столику лишних взоров.

Линда, конечно же, прекрасно знала, какое впечатление она производит на мужчин. Она видела эти взгляды, и они ей льстили. Вместо того чтобы прислушаться к Амиру, она нарочно старалась вести себя ещё более непринужденно, кокетливо поправляя волосы и демонстрируя столичную независимость, словно бросая вызов его «обычаям гор». Она искренне верила, что её красота и этот приезд докажут Амиру, ради чего ему стоит отказаться от своих строгих принципов.

— Амир, ну хватит хмуриться, — легкомысленно отмахнулась она на его очередное замечание, чуть подавшись вперед. — Мы в современном городе, а не в глухом ауле. Лучше расскажи, когда ты освободишься вечером? Тётя звала нас на ужин, да и её сын, Ислам, как раз вернётся. Кстати, он устроил жуткий скандал из-за того, что я без спроса взяла его машину. Представляешь, какой мелочный?

- Линда, Ислам абсолютно прав, — Амир жёстко оборвал её на полуслове, и в его глазах блеснула холодная сталь. — Взять чужую машину без разрешения — это не мелочность

с его стороны, это полное неуважение.

Линда недовольно закатила глаза и фыркнула. Она терпеть не могла Ислама именно за то, что он категорически не разделял её столичные манеры, не собирался восхищаться её глянцевым образом и всегда открыто демонстрировал своё пренебрежение к её капризам.

— Ой, да ладно тебе, Амир! Вы с ним как будто сговорились, — раздражённо отмахнулась она. — Тёте вообще пришлось соврать ему и всё объяснить, чтобы он успокоился. Она сказала Исламу, что ты встретил меня ночью в аэропорту, потому что мы уже скоро женимся и у нас всё серьёзно. Так что его драгоценная машина осталась в семье, пусть не переживает.

У Амира внутри всё перевернулось. Слова Линды прозвучали как гром среди ясного неба. Тётя уже объявила Исламу — а значит, скоро об этом узнает и вся их родня, — что дело идёт к свадьбе. В Чечне такими вещами не шутят. Ложь Линды и её матери затягивала вокруг его шеи глухую петлю, связывая его обязательствами, которых он не давал.

Он сидел напротив этой красивой, элегантной девушки, на которую продолжали оборачиваться мужчины в кафе, и чувствовал только нарастающее отчуждение. Пока Линда беззаботно рассуждала о свадьбе как о решённом вопросе, перед глазами Амира стояла Марха — с её тихим голосом, шлейфом жасмина и той чистой, искренней музыкой. Амир понял: если он не пресечёт эту ложь прямо сейчас, он поте-

ряет Марху навсегда.

Амир попытался перебить этот безудержный поток слов, чтобы раз и навсегда оборвать её фантазии о свадьбе. Он набрал в лёгкие воздуха и жёстко произнёс:

— Линда, послушай меня внимательно…

Но она даже не обратила на это внимания. Она болтала без умолку, перескакивая с одной темы на другую с той невероятной скоростью, которой Амир всегда поражался в Москве. Она не давала ему вставить ни единого слова, заглушая любые его попытки объясниться своим звонким, уверенным голосом.

— …и вообще, мама сказала, что если мы снимем здесь хорошую квартиру в центре, она тоже приедет на пару недель посмотреть город, — продолжала щебетать Линда, активно жестикулируя ухоженными руками с дорогим маникюром. — А ещё мне нужно обязательно зайти в пару местных салонов, посмотреть, на каком уровне тут бьюти-индустрия, может, открою что-то своё… Амир, ты меня вообще слышишь? Почему ты ничего не ешь?

Амир смотрел на неё, и внутри у него росло глухое, тяжёлое бессилие. Линда жила в своём собственном, выдуманном мире, где всё крутилось только вокруг её желаний, её планов и её комфорта. Она прилетела сюда, как на очередной курорт, абсолютно не понимая, в какую сложную ситуацию она загнала его своей ложью перед Исламом и тётей.

В этот момент его телефон в кармане куртки снова корот-

ко завибрировал. Амир вздрогнул. Обед подходил к концу, а он так и не написал Мархе, и это молчание жгло его изнутри сильнее любого каприза стоящей перед ним Линды.

— Амир, тебе срочно нужно быть на площадке! — раздался в трубке напряжённый, торопливый голос начальника, едва он успел нажать кнопку ответа. — Бросай всё, на объект едет сам глава республики. Проверка будет серьёзная, все наши должны быть на месте!

Этот звонок стал для Амира настоящим спасением от бесконечной болтовни Линды. В Грозном визиты такого уровня требовали предельной собранности, и любые личные дела мгновенно отходили на второй план.

— Мне пора, — резко оборвал её Амир, поднимаясь из-за стола. — На объект едет руководство республики, медлить нельзя.

Линда удивлённо захлопала ресницами и попыталась было обиженно возмутиться, что её снова бросают посреди разговора.

Но Амир, спешно расплатившись по счёту, даже не стал слушать её капризные возражения. Он быстро зашагал к выходу из кафе, на ходу застёгивая куртку.

Вырвавшись на свежий воздух, он почти бегом направился к строительной площадке. Сердце бешено колотилось в груди — и от волнения перед важным визитом, и от того хаоса, который Линда устроила в его жизни всего за один обед. Амир бросил быстрый взгляд на экран телефона: время бли-

зилось к двум часам дня, суматоха на объекте затянется до самого вечера, а он так и не успел написать Мархе ни единого слова.

На стройке Амир освободился только к позднему вечеру. Визит главы республики прошёл на максимальных оборотах: чертежи, правки, обход территории и десятки строгих поручений. Амир выложился полностью, но как только он уставший перешагнул порог бытовки и вышел за ворота объекта, в его кармане снова бешено зазвонил телефон.

На экране высветилось имя Линды. Едва он нажал кнопку ответа, как из трубки раздался её взволнованный, переходящий на повышенные тона голос:

— Амир! Забери меня срочно с проспекта! Тут какие-то колхозники привязались ко мне, проходу не дают!

Она на одном дыхании выкрикнула адрес — это было оживлённое место в самом центре Грозного.

У Амира внутри всё похолодело от нехорошего предчувствия. Он отлично понимал, что в Грозном никто не стал бы «привязываться» к девушке просто так. Скорее всего, Линда своим ярким столичным видом, громким смехом или свободным поведением сама спровоцировала замечание со стороны местных ребят, а её привычка капризно и высокомерно огрызаться, называя всех вокруг «колхозниками», превратила обычное замечание в серьёзный уличный конфликт. В Чечне такое поведение приезжих девушек, а тем более чеченок, никогда не оставалось без внимания.

Забыв про дикую усталость и так и не написанное Мархе сообщение, Амир побежал к дороге, чтобы поймать попутку и успеть до того, как ситуация окончательно выйдет из-под контроля.

Линда стояла на освещённом проспекте в окружении двух рослых, крепких парней. Вокруг них уже начали оборачиваться редкие прохожие. Амир быстро подошёл к ним, сдерживая внутреннее напряжение, и твёрдо поздоровался по-чеченски. Ребята ответили на приветствие вежливо, но очень строго, по их лицам было видно, что они не настроены на пустой скандал.

Амир не успел даже рта открыть, чтобы спокойно спросить, что произошло, как Линда снова всё испортила. Из её рта бурным потоком полились капризные столичные обвинения:

— Вот, Амир, они пристали ко мне! Я им говорю, что у меня есть жених, что ты сейчас приедешь, а они не понимают! Твердят мне тут свои глупости!

Амир резко вскинул руку и жестким, безапелляционным жестом остановил её, заставив наконец замолчать. Ему было до безумия стыдно за её крик на всю улицу. Повернувшись к парням, он взглядом дал им понять, что сам во всём разберётся.

Рослые ребята оказались на редкость понимающими и благородными. Видя, что пришёл мужчина, который отвечает за эту девушку, они не стали затягивать конфликт, раз-

дувать ссору или требовать долгих объяснений. Старший из них сдержанно кивнул Амиру, они коротко извинились перед ним за суматоху, развернулись и направились к краю дороги. Там их ждал припаркованный у обочины глянцево-чёрный Porsche Cayenne с тонированными стёклами. Парни сели в дорогую иномарку, двигатель глухо и мощно зарычал, и машина плавно растворилась в вечернем потоке огней Грозного.

Амир остался стоять на тротуаре рядом с Линдой. Напряжение внутри него достигло своего пика. Обед сорван, на работе суматоха, Мархе он так и не написал, а Линда умудрилась за один вечер втянуть его в уличные разборки и перед чужими людьми снова назвать своим «женихом».

— Всё, хватит, Линда! — резко оборвал её Амир, и в его голосе прозвучала глухая, с трудом сдерживаемая ярость. — Прекрати везде называть меня своим женихом. Мы ещё в Москве с тобой с этим разобрались и расставили все точки. И вообще, почему ты приехала сюда, даже не поговорив со мной? Не посоветовавшись?

— Не поговорив? Не поговорив?! — вскинулась Линда, её голос сорвался на капризные, обиженные ноты, и она зашагала перед ним по тротуару. — Да я звонила тебе сто раз! Писала! Ты разве ответил мне хоть на одно сообщение? Что значит «мы разобрались»? Мы тогда ничего не решили! Да, у нас было недопонимание, но это у всех бывает, Амир! Мы целый год были вместе, у нас были планы. Моя мама счита-

ет, что ты мой будущий муж!

— Вот! — Амир сделал шаг вперёд, его терпение окончательно лопнуло, а кулаки в карманах куртки сжались. — Вот именно! Почему твоя мама должна считать за нас? Объясни мне, почему её мнение решает больше, чем наши разговоры? Почему её материальные запросы и взгляды на жизнь должны определять моё будущее?

Линда на секунду замолчала, удивлённо и обиженно глядя на него, но Амир не дал ей вставить слова:

— Я уехал в Грозный, потому что здесь моя жизнь, моя работа и мои ценности. А ты прилетаешь сюда, берёшь без спроса машину Ислама, устраиваешь скандал на проспекте и заставляешь свою тётю врать родственникам про нашу скорую свадьбу. Ты понимаешь, что здесь так не поступают?

Вокруг них продолжал шуметь вечерний город, неоновые вывески отражались в стёклах витрин, а между ними росла непреодолимая пропасть. Линда стояла красивая, холёная, в своём дорогом московском пальто, но сейчас Амир видел перед собой абсолютно чужого человека. В её мире всё мерилось статусом и маминими планами, а в его мире... В его мире теперь была тихая мелодия дождя и Мархa, которой он до сих пор так и не написал.

Линда лишь упрямо поджала губы, в её глазах блеснули злые, обиженные слёзы. Переспорить Амира у неё не получалось, но и признавать свою неправоту она не собиралась. Понимая, что оставлять её одну ночью в центре города нель-

зя, Амир вздохнул и поймал такси. Он проводил её до самой квартиры — от греха подальше, чтобы она снова не нашла себе неприятностей на умытых ночных улицах. Всю дорогу они ехали в тяжёлом, удушливом молчании. Линда демонстративно отвернулась к окну, а Амир смотрел вперёд, молясь только о том, чтобы этот бесконечный день наконец завершился.

Когда они приехали, он молча дождался, пока она зайдёт в подъезд, развернулся и уехал к себе.

В своей съёмной квартире Амир устало опустился на диван, даже не снимая куртки. Голова гудела от напряжения. Он достал телефон и открыл переписку с Мархой. Экран безмолвно светился. Время на часах показывало, что было уже слишком поздно писать ей. Нарушать её покой в такой час было непозволительно, и Амир с тяжёлым сердцем отложил это до завтра. На душе скребли кошки: он понимал, что его сегодняшнее молчание могло сильно ранить Мархи, но впереди был новый день, и он твёрдо решил во всём разобраться.

Утро встретило Амира тяжелым, серым небом. Он проснулся задолго до будильника, почти не отдохнув после суматошного дня. Первым делом он взял в руки телефон. Чувство вины перед Мархой заставило его сердце сжаться. Сутки молчания после их удивительной прогулки в сквере могли показаться ей пренебрежением или равнодушием.

Он открыл переписку, долго подбирал слова и наконец на-

писал, стараясь быть честным, но не вдаваясь в подробности о Линде:

«Марха, ассаламу алейкум. Прости, что пропал вчера и не написал вечером. На объекте был невероятный аврал, прилетало высшее руководство республики, и я освободился только глубокой ночью. Надеюсь, ты хорошо отдохнула. Как твой сегодняшний день?»

Отправив сообщение, он ушел собираться на стройку. Ответ пришел только тогда, когда Амир уже стоял в утренней пробке.

Марха написала сдержанно, и в этой лаконичности Амир отчетливо почувствовал легкую, едва заметную прохладу:

«Ваалейкум ассалам, Амир. Ничего страшного, работа есть работа. Всё хорошо, баркалла. Сегодня у меня обычный день в гимназии, уроки до четырех».

Она не спросила, как прошли его дела, и не добавила привычных теплых слов. Амир понял, что его молчание все-таки задело её.

Не успел он убрать телефон, как экран снова ожил. На этот раз звонил незнакомый местный номер. Амир нажал на кнопку ответа, и в трубке раздался густой, резкий мужской голос.

— Амир? Салам алейкум. Это Ислам, двоюродный брат Линды. Мне нужно с тобой поговорить. Лично. Где встретимся? — в трубке был голос, в котором не было и капли дружелюбия.

Амир на секунду нахмурился, чувствуя, как внутри закипает ответное напряжение, но ответил спокойно и твёрдо: - Ваалейкум ассалам. Давай в два часа дня в сквере у Дома печати. Мне так будет удобнее.

— Хорошо, буду, — коротко бросил Ислам и отключил связь.

Ситуация накалялась с каждым часом.

Ложь Линды о скорой свадьбе, которую её тётя поспешила выдать Исламу ради спасения семейного мира, теперь требовала от Амира прямого и жесткого мужского разговора. Он понимал, что Ислам едет не чаи распивать, и разговор предстоит тяжёлый.

До двух часов дня оставалось ещё целое утро, и Амиру нужно было как-то взять себя в руки, отработать смену на объекте и решить, что делать со сдержанным, прохладным ответом Мархи, который до сих пор жёг его изнутри.

Не успел Амир перевести дыхание после жесткого разговора с Исламом, как телефон в его руке зазвонил снова. На экране высветилось имя Линды. Едва он нажал кнопку ответа, как из трубки раздался её сбивчивый, сквозь бурные слезы, голос:

— Амир! — она буквально рыдала, и в её интонациях столичная спесь начисто сменилась паникой. — Вчера Ислам… он видел нас вчера у моего подъезда! Он караулил или случайно заметил, я не знаю! И сегодня с утра, ни свет ни заря, приехал ко мне требовать объяснений!

Она сделала судорожный вдох, пытаясь успокоиться, но тут же сорвалась на крик:

— Он угрожал мне, Амир! Орал, что я в Чечне, что здесь свои правила. И ему плевать, что я не знаю никаких законов! Сказал: если я не знаю, то мужчина, который со мной рядом, раз уж он чеченец, обязан всё знать! И всё в таком роде… Одним словом, он так на меня давил, что мне пришлось дать ему твой номер. Он настроен очень серьезно, Амир! Теперь-то ты понимаешь, почему я говорила, что он дебил?!

Амир слушал её молча, крепко сжав челюсти. В словах Ислама, даже в пересказе напуганной Линды, была жесткая, но абсолютно понятная мужская логика. Для Ислама Амир был тем самым мужчиной, который привел девушку из их семьи к подъезду ночью, а значит — именно Амир должен держать ответ по всем правилам.

— Пожалуйста… — Линда вдруг заговорила тише, и в её голосе послышалась неподдельная мольба. — Не говори ему ничего такого, что может мне навредить. Ты же понимаешь, что я здесь очень уязвима? Мамы нет рядом, заступиться некому… Если у нас с тобой действительно ничего не получится, я уеду. В Москве он мне не опасен.

Услышав это, Амир ответил без тени сомнения, жестко и раз и навсегда отсекая любые иллюзии:

— У нас точно ничего не получится, Линда. Уясни это себе наконец. И уезжай отсюда поскорее.

На том конце провода на секунду повисла звенящая ти-

шина, нарушаемая лишь её тихим хныканьем. Амир закрыл глаза, потер уставший лоб и уже мягче, сдерживая раздражение, добавил:

— Ладно. Хорошо, не плачь. Я сам поговорю с ним.

Он нажал отбой. До двух часов дня и встречи в сквере у Дома печати оставалось совсем немного времени. Теперь Амир шел туда не просто прояснять глупые слухи о свадьбе — он шел на серьезный мужской разговор, где на кон была поставлена репутация Линды, его собственная честь и, косвенно, его будущее в этом городе, где он так отчаянно хотел быть счастливым с Мархой.

Амир пришёл в сквер у Дома печати на десять минут раньше. Он сидел на скамье под раскидистым клёном, рассеянно наблюдая за прохожими. Ситуация загнала его в глухой, капканный тупик. Он понимал, что не может сейчас просто и твёрдо заявить Исламу: «Никакой свадьбы не будет». По местным понятиям, если мужчина встречает девушку ночью в аэропорту, везёт её через весь город, а на следующий день провожает до подъезда под покровом темноты — он заявляет на неё свои права перед всем её родом. Ислам имел полное право спросить с него: «Если она тебе никто, то по какому праву ты находишься рядом с ней в такие часы?» Сказать, что свадьбы не будет, означало опустить Линду в глазах её семьи и выставить себя человеком, который играет с честью девушки. Амир обещал Линде не вредить ей, но и связывать себя узами брака из-за её глупости он не хотел.

Из-за угла аллеи показался Ислам. Он шёл уверенным, тяжёлым шагом. Высокий, крепко сбитый, с густой чёрной бородой и прямым, проницательным взглядом. На нём была простая рабочая ветровка. В его фигуре чувствовалась та самая коренная, суровая сила, которую Линда в своём столичным высокомерии так слепо презирала

Ислам подошёл к скамье. Мужчины обменялись крепким, сдержанным рукопожатием.

— Салам алейкум, — произнёс Ислам, присаживаясь на противоположный край скамьи и не сводя с Амира требовательных глаз.

— Ваалейкум ассалам, — ответил Амир, сохраняя полное внешнее спокойствие, хотя внутри всё натягивалось как струна.

Несколько секунд длилось тяжёлое мужское молчание. Каждый оценивал сидящего напротив. Наконец Ислам заговорил, и его голос прозвучал низко и веско:

— Амир, я человек прямой, крутить не люблю. Моя мать вчера сказала мне, что у вас с Линдой всё серьёзно и дело идёт к свадьбе. Но я вижу, как она себя ведёт на улицах, вижу её капризы. И я видел, как ты привёз её вчера ночью. Скажи мне как мужчина мужчине: какие у тебя намерения и почему моя семья должна закрывать глаза на её московские замашки ради тебя?

Амир глубоко вздохнул, подбирая каждое слово с ювелирной точностью, ведь от этого ответа зависело слишком мно-

гое.

Амир слегка подался вперёд, положив локти на колени. Он выдержал тяжёлый взгляд Ислама и заговорил спокойным, размеренным тоном, взвешивая каждое слово:

— Ислам, ты прав, что спрашиваешь с меня. Я скрывать не стану: мы с Линдой общаемся уже год, ещё в Москве начали. Но ты сам прекрасно видишь, какая она приехала. Она выросла в других условиях, далеко отсюда, и чеченского воспитания там, к сожалению, почти нет. Для неё многие наши правила и адаты — это пустой звук, она их просто не понимает.

Ислам молча слушал, его лицо оставалось суровым, но в глазах появилось внимание. Амир продолжил, аккуратно ведя разговор в нужное русло:

— Я встретил её в аэропорту и привёз к подъезду именно потому, что не мог оставить её одну. Она моя землячка, девушка из семьи, которую я знаю. Оставить её ночью одну в терминале или отпустить на такси в чужом для неё городе я просто не имел права как мужчина. Но то, как она себя ведёт, её манеры — мне самому это не нравится, Ислам. Я много раз делал ей замечания ещё в Москве.

Амир сделал небольшую паузу, подбирая формулировку, которая дала бы ему выигрыш во времени и не связала бы узами брака прямо сейчас:

— Дай мне немного времени. Раз уж наши семьи заговорили о свадьбе, я должен сначала сам привести её к порядку,

как будущий муж. Мне самому очень хочется, чтобы Линда, раз уж она приехала в Грозный, пожила здесь у тёти, осмотрелась и научилась чему-нибудь правильному в Чечне. Пусть поймёт, как здесь живут люди, как ведут себя наши девушки. Если она не примет наши обычаи и не изменится, то о каком общем будущем мы сможем говорить? Дай мне возможность самому с ней разобраться, без лишнего шума в семье.

Ислам несколько секунд сидел неподвижно, обдумывая слова Амира. В его суровом взгляде промелькнуло мужское понимание — Амир не юлил, не отказывался от ответственности за свои ночные поездки, но и четко дал понять, что капризную москвичку в жёны прямо сейчас брать не намерен.

— Твои слова звучат правильно, Амир, — медленно произнёс Ислам, качнув головой. — В них есть логика. Нам в семье её московские капризы тоже не нужны. Хорошо, я не буду вмешиваться и давить на неё. Занимайся ею сам. Но помни: время идёт, и Грозный — город маленький, слухи нам ни к чему.

Они поговорили ещё пару минут о текущих делах, после чего Ислам поднялся, и мужчины скрепили этот непростой договор крепким рукопожатием. Ислам ушёл, оставив Амира одного на скамейке в сквере.

Амир глубоко выдохнул, чувствуя, как отпускает дикое напряжение в плечах. Ему удалось выиграть время и защитить Линду, но радоваться было рано. Эта уловка заставила его ещё глубже увязнуть в роли «будущего мужа» перед её

родственниками.

Глава 5

На часах было уже почти три часа дня. Сообщение Мархи, оставленное без тёплого ответа, всё ещё ждало его. Через час у неё заканчивались уроки в гимназии.

Амир прыгнул в пойманое такси и назвал адрес гимназии. Своей машины у него в Грозном пока не было, а медлить и тратить время на общественный транспорт он не мог. Машина плавно тронулась, а Амир всю дорогу смотрел на часы, молясь успеть к четырём часам.

В это время Марха в пустом классе решительно сбросила вызов Тимура. Ей не хотелось выслушивать его оправдания и ворошить прошлую обиду, особенно сейчас, когда все её мысли занимал совершенно другой человек. Она спрятала телефон в сумочку, накинула плащ и вышла из кабинета.

Когда Марха спустилась на крыльцо гимназии, прохладный осенний ветер приятно освежил лицо. Она поправила светлый палантин и пошла к кованым воротам.

В этот самый момент к обочине притерлась жёлтая машина такси. Дверца резко распахнулась, и из салона быстро вышел Амир. На ходу застёгивая куртку, он решительно направился прямо к ней.

Марха застыла у ворот, не веря своим глазам. Её сдержанность и обида за его вчерашнее исчезновение на мгновение отступили перед искренним удивлением. Амир выгля-

дел уставшим, в его глазах читалось сильное напряжение после тяжёлого дня, но то, как упорно он шёл к ней, говорило громче любых слов.

— Марха, салам алейкум, — тихо, но твёрдо произнёс он, остановившись в паре метров от неё. — Я приехал, потому что не мог больше писать сухие сообщения. Мне нужно было увидеть тебя.

Марха посмотрела на него своим чистым, серьёзным взглядом, чувствуя, как внутри неё снова оживает то самое странное тепло, которое они нашли друг в друге под проливным дождём.

Они отошли от ворот гимназии всего на пару десятков метров и не спеша пошли вдоль тихой улицы, когда со стороны дороги Марху кто-то громко окликнул:

— Марха!

Она вздрогнула и обернулась. Из припаркованного автомобиля быстрым шагом к ним направлялся Тимур. Было видно, что он караулил её у работы, отчаявшись дозвониться.

Пока он сокращал расстояние между ними, Марха проявила удивительную женскую мудрость и чуткость. Она не стала суетиться, а спокойно, но быстро повернулась к Амиру. Заглянув ему прямо в глаза, она тихо, доверчиво попросила:

— Амир, дай мне, пожалуйста, пять минут. Это мой друг детства. Он недавно приехал в Чечню, мы не виделись много лет. Мне нужно просто поговорить с ним.

Амир сдержанно кивнул, сохраняя полное внешнее спокойствие и достоинство, хотя внутри у него всё сжалось от неожиданного укола мужского собственничества. Он сделал несколько шагов в сторону, давая им личное пространство, но оставаясь в поле зрения, как и подобает мужчине.

Тимур подошёл ближе. Он выглядел ухоженно, по-европейски стильно, но на его лице читались явная тревога и недоумение. Он бросил быстрый, оценивающий взгляд на стоящего поодаль статного Амира, а затем обратился к Мархе:

— Марха, наконец-то я тебя поймал. Ты два дня не берёшь трубку. Объясни мне, что произошло в ресторане? Почему ты тогда так внезапно убежала под ливень? Я места себе не нахожу.

Марха стояла перед ним, внешне спокойная, удерживая руками края своего палантина. Глядя на Тимура, она понимала, что он искренне не понимает её обиды. Он ведь не желал ей зла. Он просто относился к ней как к дорогой подруге детства, с которой можно встретиться спустя много лет, и совершенно не догадывался о тех хрупких девичьих чувствах, что она когда-то к нему испытывала. Для него было естественным прямо при ней решать вопросы со своей девушкой за границей, думая, что Марха не поймет чужую речь.

Марха слегка вздохнула, чувствуя, как внутри окончательно отпускает былая недосказанность. Она посмотрела на него прямо и ответила тихо, но очень уверенно:

— Тимур, я всё поняла тогда, в ресторане. Я знаю английский язык. И я слышала твой разговор.

Тимур на мгновение переменился в лице, его уверенность пошатнулась, а в глазах мелькнуло искреннее замешательство. Он открыл было рот, чтобы что-то сказать, но Марха мягко покачала головой, не дав ему начать оправдываться:

— Всё хорошо, правда. Я рада, что ты вернулся на родину, и желаю тебе счастья. Но наши детские воспоминания должны остаться в детстве. Сейчас у каждого из нас своя жизнь. Мне пора.

Она сдержанно кивнула ему на прощание, развернулась и пошла обратно к Амиру, который всё это время терпеливо ждал её в стороне. Тимур остался стоять на тротуаре, растерянно глядя ей вслед и впервые — слишком поздно — осознавая, какую глубокую, редкую девушку он только что навсегда потерял как нечто большее, чем просто подругу.

Марха подошла к Амиру. Её взгляд снова стал тёплым, хотя на дне глаз ещё читалась лёгкая усталость от пережитого разговора.

— Спасибо, что подождал, — тихо сказала она. — Мы можем идти.

Амир не стал больше ни о чём спрашивать. В его характере было то редкое мужское чутьё, которое подсказывало: лезть в чужую душу с расспросами сейчас нельзя. К тому же, он чувствовал, что просто не имеет на это морального права — ведь он и сам пока не мог ничего объяснить Мархе про

собственную жизнь, в которой так некстати завязался тугой узел. Как он мог требовать отчёта о её прошлом, когда его собственное настоящее требовало стольких трудных решений?

Вместо расспросов Амир спокойно пошёл рядом с ней и начал рассказывать о сегодняшнем непростом рабочем дне. Он делился тем, как с самого утра на строительной площадке разгребали последствия вчерашнего визита руководства, как утверждали новые правки в чертежах и распределяли задачи на недели вперёд. Он говорил о том, с каким размахом и скоростью сейчас меняется город, и как это вдохновляет его как архитектора, несмотря на всю усталость и суматоху.

Марха шла рядом, внимательно слушая его глубокий, бархатистый голос. Вся её утренняя прохлада и обида за его молчание постепенно таяли. Она видела, что Амир приехал к ней уставшим, почти не спавшим ночью, но то, с каким усердием он старался увлечь её своим рассказом, говорило о многом. Ей было тепло просто от его присутствия. Шлейф её жасминовых духов снова едва уловимо смешивался с прохладным воздухом вечерней улицы.

Они незаметно дошли до её квартала. Возле знакомых декоративных кустов у подъезда Амир остановился. Атмосфера между ними снова стала доверительной и чистой, хотя над головой Амира всё ещё висели нерешённые проблемы с Линдой и Исламом.

Перед прощанием Амир, немного помедлив, негромко

спросил:

— Марха, могу я иногда звонить тебе?

Она приподняла на него свой чистый, серьезный взгляд, и на ее лице появилась мягкая улыбка:

— Конечно, Амир. В нерабочее время я смогу тебе ответить.

Они сдержанно попрощались. Марха повернулась, открыла тяжелую дверь и почти бегом взлетела по ступенькам на свой второй этаж, чувствуя, как радостно и часто бьется сердце.

Амир остался стоять у подъезда, провожая взглядом загоревшийся свет в окнах ее квартиры. Развернувшись, он медленным шагом пошел прочь из тихого двора. Вся его былая усталость куда-то испарилась, уступив место одной единственной, острой и пронзительной мысли: как бы ему теперь не совершить ошибку и не потерять эту милую, удивительную девушку. Ради нее он был готов выдержать любые трудности, но реальность неумолимо возвращала его на землю.

Достав из кармана телефон, он нажал на кнопку разблокировки и обнаружил целую серию пропущенных вызовов от Линды. Пока они с Мархой гуляли по аллее, Амир предусмотрительно поставил мобильный на беззвучный режим, чтобы никто и ничто не могло нарушить их уединение. И теперь экран безмолвно светился от её настойчивых попыток дозвониться.

Не успел он убрать аппарат обратно в карман, как тот сно-

ва завибрировал в руке. Амир устало вздохнул и ответил на звонок:

— Да, Линда. Я слушаю.

— Амир! Ну наконец-то! Ты где пропадаешь? — из трубки мгновенно обрушился её раздражённый и капризный голос. — Я звоню тебе уже десятый раз, а у тебя телефон словно выключен! Я сижу в этой пустой квартире, мне скучно, я жду тебя. Ты обещал, что мы встретимся после твоей работы. Приезжай скорее, нам нужно поговорить!

Амир почувствовал, как к горлу подступает глухое раздражение. Ему до безумия не хотелось ехать к ней, выслушивать очередные московские претензии и крутиться в водовороте её эгоизма после того, как он только что вдыхал тонкий шлейф жасмина у подъезда Мархи. Но он понимал: Линда не успокоится. Если он не приедет и не расставит границы сейчас, она завтра снова устроит шоу на его строительном объекте или совершит очередную глупость.

— Ладно, — отрезал он. — Скоро буду. Жди.

Он поймал попутную машину и назвал адрес квартиры, которую тётя выделила Линде, внутренне собирая все силы, чтобы раз и навсегда закончить эту историю.

Амир подъехал к дому, набрал номер Линды и сразу же предупредил:

— Линда, я внизу. Подниматься к тебе в квартиру я не буду, не хочу новых проблем с твоим братом Исламом. Спускайся, поговорим во дворе дома.

Однако Линда ответила уверенно и даже с долей торжества в голосе:

— Ой, да ладно тебе, Амир! Можешь спокойно подниматься, я тут не одна. Со мной моя троюродная сестра, так что никаких приличий мы не нарушаем. Давай наверх, не на улице же стоять.

Амир заколебался, но присутствие третьего человека действительно меняло дело и снимало лишние вопросы. Он вышел из машины, вошёл в подъезд и поднялся на нужный этаж.

Едва он постучал, дверь открыла невысокая, миловидная девушка лет тридцати. В отличие от Линды, в её облике и спокойном жесте чувствовалось совсем другое, куда более традиционное воспитание.

Она приветливо, но сдержанно поздоровалась и пригласила его пройти:

— Марша вогIийла, Амир. Проходи, пожалуйста.

Амир шагнул в прихожую. Из глубины квартиры уже доносился весёлый голос Линды, которая явно была довольна тем, что всё-таки заставила его подняться. Амир понимал, что этот разговор при свидетеле вряд ли получится жёстким, но отступать было поздно.

Стол в зале был накрыт шикарно — впрочем, как могло быть иначе, это же Линда. Всякие изысканные закуски, ресторанная сервировка, дорогие приборы. Она сама, одетая в элегантное вечернее платье, вовсю суетилась у стола,

создавая видимость идеальной хозяйки. Амир, конечно же, прекрасно знал, что вся эта роскошь — вовсе не её заслуга, а кропотливый труд поваров из дорогого ресторана, откуда привезли доставку.

— Ой, проходи, милый! — воскликнула Линда, сияя улыбкой и направляясь к нему.

Это «милый» прозвучало слишком вольно и вызывающе для Грозного, резанув слух. Хотя в Москве такое обращение при встрече было бы для него самым привычным делом, здесь, в этих стенах, оно казалось совершенно неуместным.

Амир густо смутился перед стоявшей рядом девушкой — троюродной сестрой Линды. Ему стало до безумия неловко за столичную бесцеремонность кузины. Он украдкой взглянул на сестру, ожидая увидеть на её лице осуждение, но та лишь сдержанно и понимающе опустила глаза, деликатно делая вид, что ничего особенного не произошло, чтобы не усугублять неловкость гостя.

— Садись, Амир, всё уже готово, — продолжала щебетать Линда, указывая на почётное место во главе стола. — Мы с Хавой специально тебя ждали!

Не успели они сесть за стол, как у Хавы зазвонил телефон. Посмотрев на экран, она виновато улыбнулась.

— Извините, мне очень неловко, но нужно спуститься вниз, — мягко сказала она. — Я выйду буквально на двадцать минут.

Амир не успел даже сообразить, что ему делать и как её

остановить, как дверь за девушкой с тихим щелчком захлопнулась. Он мгновенно поднялся с места, намереваясь тоже выйти из квартиры от греха подальше, но Линда резко преградила ему путь.

— Да перестань ты уже так себя вести! — с досадой воскликнула она, всплеснув руками. — Твоя вечная настороженность меня просто из колеи выбивает! Мы же не чужие люди.

Амир застыл, лихорадочно взвешивая ситуацию. В конце концов, он ведь сам шёл сюда ради тяжёлого и окончательного разговора, и выяснять такие вещи при посторонних, пусть даже при тактичной Хаве, ему не очень хотелось. «Может, оно и к лучшему», — подумал Амир и медленно вернулся к столу.

Но Линда словно не замечала его сурового настроя. Она не умолкала ни на секунду: порхала вокруг стола в своём вечернем платье, накладывала в его тарелку изысканные закуски и с гордым видом расхваливала каждое блюдо, отчаянно делая вид, будто сама провела у плиты весь день. Эта пустая фальшь и бесконечный поток слов окончательно утомили Амира.

Он резко, но аккуратно перехватил её за руку и усадил на стул рядом с собой.

— Сядь, Линда, — твёрдо сказал он.

В Грозном такой жест был бы абсолютно недопустим и немыслим с любой другой чеченской девушкой, но не в слу-

чае с Линдой, которая сама стёрла все возможные границы ещё в Москве.

Линда послушно села, но, заметив сталь в его глазах, вдруг сменила капризный тон на жалобный. Она посмотрела на него почти умоляюще:

— Амир, пожалуйста… Давай ты отложишь свой серьёзный разговор, пока мы хоть что-то не поедим? Я безумно голодная, честное слово,

весь день крошки во рту не было из-за этой суматохи с переездом.

Амир посмотрел на ломящийся от еды стол и понял, что сам чертовски голоден — после сумасшедшего рабочего дня у него не было времени даже на перекус.

Сдержанно кивнув, он отпустил её руку. Они молча принялись за еду, и на несколько минут в зале воцарилась относительная тишина, нарушаемая лишь негромким стуком приборов, пока за окнами квартиры засыпал ночной Грозный.

Прошло уже гораздо больше двадцати минут, но Хава так и не возвращалась. В голове Амира промелькнула смутная, тревожная мысль, что сестра Линды, возможно, вообще не собиралась приходить обратно, но какая-то странная вязкость мешала ему озвучить это вслух.

Он внезапно поймал себя на том, что еда или напиток подействовали на него как-то странно. Ему больше не хотелось спорить, что-то доказывать или начинать тот самый сложный

разговор, ради которого он приехал. Всё тело окутала необычайно приятная, расслабляющая слабость. Мысли путались, становились лёгкими и далекими, а веки налились свинцовой тяжестью. Мир вокруг плавно погрузился в темноту.

Очнулся он глубокой ночью от громкого, настойчивого стука в дверь.

Амир открыл глаза и несколько секунд лежал неподвижно, не в силах сообразить, где находится. В комнате царил полумрак, вокруг стояла глухая тишина, и рядом никого не было. Голова раскалывалась от тупой, давящей боли. Всё ещё с трудом ориентируясь в пространстве, он поднялся, чтобы пойти и открыть дверь, но, сделав пару шагов, с ужасом застыл.

Он обнаружил, что на нём нет брюк — он стоял в одной лишь расстёгнутой рубашке.

Стук в дверь стал ещё более требовательным и частым, эхом разносясь по пустой квартире. Амир почувствовал, как внутри всё похолодело от липкого предчувствия беды. Не понимая, что происходит и в какую ловушку он попал, он почти бегом бросился обратно к кровати, лихорадочно озираясь по сторонам в поисках своих вещей.

И только сейчас, взглянув сквозь дверной проём на шикарно накрытый, но уже опустевший стол в зале, он начал смутно, обрывками припоминать события этого вечера. Линда, её умоляющий взгляд, Хава, которая так вовремя ушла... Пазл в его голове начинал складываться в страшную

картину, а за дверью квартиры ждал тот, кто пришёл требовать окончательного ответа.

Когда Амир, трясущимися руками попадая в пуговицы, наконец распахнул дверь, на пороге стояли Линда — вся в слезах — и её тётя.

Тётя, увидев его, тут же брезгливо и испуганно отвернулась, давая ему секунду застегнуть брюки. Амир машинально начал застёгивать и ворот рубашки, чувствуя, как в висках бьёт бешеная, тупая боль.

Тётя стремительно зашла в квартиру и начала громко, в полный голос причитать, хватаясь за голову:

— Я так и знала! Я этого боялась! О Аллах, что нам теперь делать? Мой сын Ислам убьёт вас обоих и сядет в тюрьму! Опозорили на весь город!

Амир стоял посреди зала, не в силах сообразить, что происходит. Взгляд его упал на Линду, которая тихо хныкала в стороне, укутавшись в халат.

— Что случилось? — хрипло спросил он, едва ворочая языком. — Почему я ничего не помню? Что произошло?

Линда, всхлипывая и не поднимая глаз, заговорила дрожащим голосом:

— Амир… я сама не могла подумать, что всё так обернётся. Ты же всегда был для меня образцом порядочности, я не знаю, что на тебя в этот вечер нашло… Ты поел, а пока я убирала со стола, просто заснул прямо на диване. В это время как раз вернулась Хава. Но она увидела, что ты мирно

спишь, сказала, что у неё возникли какие-то срочные дела, и ушла. А я подумала — ну, ты устал на стройке, пусть часок поспит, пока я тут приберусь.

Она сделала паузу, вытирая слезы, и продолжила свою чудовищную ложь:

— Я закончила на кухне и пошла в спальню переодеться. Только сняла вечернее платье, как дверь открылась, и заглянул ты. Увидел меня в таком виде… и, видимо, просто не совладал с собой. А дальше… дальше я всё помню как в тумане, Амир. Когда всё случилось, ты снова мгновенно уснул прямо там. А я испугалась, осознала, что произошло, и в панике побежала к тёте за помощью…

Амир слушал этот бред и не мог поверить своим ушам и глазам.

Этого просто не могло быть! Его тело, его принципы, всё его существо кричало о том, что это подлая, разыгранная как по нотам подстава. Но истошный рёв тёти, причитающей о скорой расправе Ислама, и фальшивый, несчастный плач Линды парализовали волю, не давая расколотому от боли разуму собраться и найти выход. Капкан, в который его загнали, захлопнулся с оглушительным треском.

Амир больше не мог выдержать этого удушливого театра. Закрывая уши от фальшивых рыданий и причитаний, он рванулся к вешалке и схватил куртку. Но дорогу ему грудью преградила тётя Линды. В её глазах застыла отчаянная, злая решимость.

— Ты не выйдешь отсюда, пока не возьмёшь на себя ответственность! — жёстко выкрикнула она, вцепившись в косяк. — Только попробуй сделать шаг, и я начну кричать на весь подъезд! Нам больше нечего терять, честь нашей девочки ты отнял сегодня ночью! Сюда сбегутся все соседи, Амир!

Амир застыл на месте. Посмотрев в её безумное, перекошенное лицо, он отчётливо понял: она не шутит. Тётя действительно поднимет крик, и тогда позор станет публичным, а в Грозном отмыться от такого будет уже невозможно. И какой бы дикой, чудовищной абсурдностью ни казалось всё происходящее, раскалывающаяся от боли голова и подступающая к горлу тошнота лишили его сил бороться дальше.

— Уйдите с дороги, — глухо, едва сдерживая себя, процедил Амир. — Я беру ответственность. Уйдите, иначе меня вырвет прямо здесь.

Женщина медленно отступила, и Амир вылетел на лестничную площадку. Он почти бежал вниз по ступенькам, перепрыгивая через две, а в его голове с сумасшедшей скоростью стучал невидимый молоток. Оказавшись на улице, он ещё минут десять без разбора дороги шёл быстрым, размашистым шагом, пока ночная прохлада и свежий воздух не помогли ему хоть немного прийти в себя после кошмара. Мысли по-прежнему путались, но дикая вязкость в теле начала отступать.

Увидев тусклые фары одинокой машины, он махнул рукой проезжающему ночному такси.

И вот теперь, спустя полчаса, Амир стоял у себя дома под ледяными струями душа. Вода стекала по его лицу, волосам и плечам, но он до сих пор не мог поверить, что этот жуткий, грязный сценарий произошел именно с ним. Его хладнокровие, его осторожность, его гордость — всё было растоптано в один миг спланированным предательством. А хуже всего было то, что, дав это вынужденное обещание тёте, он взял на себя обязательство жениться.

Стоя под ледяной водой, Амир только теперь, с запоздалым и горьким прояснением, понял, о чём с самого начала предупреждала его мама. Она ведь с первой их встречи в Москве была категорически против этих отношений. Повторяла, что Линда ему не подходит, что от этой семьи нужно держаться подальше.

Как он мог быть таким слепым? Как мог подумать, что Линда проста и безобидна? Да, он видел её капризы, допускал, что у неё напрочь отсутствует должное воспитание, знал, что её мать — алчная, расчетливая женщина. Но саму Линду он никогда не воспринимал как угрозу своей безопасности. А она оказалась способна на самую грязную, хладнокровную низость.

Всё было рассчитано с ювелирной, пугающей точностью. Они идеально подгадали момент, мастерски использовали его вчерашний вынужденный разговор с Исламом в сквере. Теперь ловушка захлопнулась намертво. Что он скажет Исламу? «Поверил твоему мужскому слову, дал тебе время, и

что? Что ты делал ночью в квартире моей сестры, наедине, без брюк?» — скажет Ислам. И Амиру действительно будет абсолютно нечего ответить. Ни один мужчина в Чечне не поверит в историю про «меня усыпили», если ты сам добровольно поднялся в квартиру к девушке, с которой тебя уже год связывают отношения. Его честное слово, его репутация, его мужское достоинство — всё было помножено на ноль за одну ночь.

— Но Линда теперь мне за всё ответит… — хрипло выговорил Амир в пустоту ванной комнаты.

Дикая, бешеная ярость, смешанная с бессилием, захлестнула его.

Шагнув к запотевшему зеркалу, он со всей силы стукнул кулаком по стеклу. Острый треск разорвал тишину. Зеркало покрылось мелкой паутиной трещин, и по разбитым костяшкам пальцев, смешиваясь с каплями воды, быстро побежала алая кровь. Боль немного отрезвила его, но не принесла облегчения. Он понимал, что эта кровь — лишь малая часть той цены, которую ему придётся заплатить за свою доверчивость. И больнее всего было то, что где-то на другом конце города сейчас спала Мархa, к которой он больше не имел права даже прикоснуться словом.

Сегодня был выходной, и Амир проснулся очень рано. Солнечный свет резал воспалённые глаза, но спать он больше не мог. Рука, наспех перемотанная бинтом, глухо подныВала, напоминая о разбитом зеркале. Внутри него кипела хо-

лодная, ядовитая ярость. Он взял телефон и набрал номер Линды.

— Ну что, невеста, — сказал он со злой, ледяной усмешкой, едва в трубке раздались сонные гудки. — Проснулась?

Линда настороженно помедлила с ответом, чувствуя его состояние даже через километры сети. Наконец она ответила тихо, стараясь прощупать почву:

— Амир… Что случилось?

— Случилось?! — почти прорычал Амир в трубку, теряя контроль над собой. — Что случилось?! Алле, детка, твою «честь» вчера украли, но сдаётся мне, что у тебя её отродясь и не было! Линда, как ты могла?! Как ты могла пойти на такую грязную низость?!

Он кричал, выплёскивая всю ту дикую боль и обиду, что копились в нём с ночи. Линда молча слушала его яростный монолог, не перебивая. В трубке было слышно лишь её тяжёлое, неровное дыхание. Когда он наконец выдохся, она произнесла тихо, но с какой-то пугающей, отчаянной твёрдостью:

— Амир, я рискую здесь не меньше тебя. Если Ислам узнает, меня вообще могут убить…

— Вот и правильно сделают! — в ярости кричал он, расхаживая по пустой комнате. — Ты не заслуживаешь жить после того, что устроила!

И тут Линда, понизив голос, произнесла фразу, от которой у него по спине пробежал мороз:

— Я была не одна. Ты был со мной.

Амир осекся на полуслове. В горле пересохло, а слова застряли комком. Она даже сейчас, когда они были абсолютно одни, без свидетелей, без тёти и Хавы, продолжала нагло и монотонно твердить свою чудовищную, отрепетированную ложь. В эту секунду он осознал всю глубину её цинизма. Ему стало тошно от её голоса.

— Ты мне противна, — процедил он сквозь зубы и резко бросил трубку, оборвав связь.

Телефон полетел на диван.

Амир тяжело опустился на стул, сжимая раненую руку в кулак так, что на бинте снова проступили бурые капли. Он отчётливо понимал: ехать к ней сейчас ни в коем случае нельзя. В том состоянии безумного гнева, в котором он находился, он мог просто не сдержаться — покалечить её или совершить то, о чём потом пожалел бы всю жизнь. Нужно было остыть, вернуть холодный рассудок, хотя расколотый мир вокруг него продолжал рушиться. А впереди был целых два выходных дня, и Мархa, которая ждала его звонка в своё законное нерабочее время.

Амир разорвал разговор, понимая, что Линда пойдёт до конца в своём обмане. Ситуация зашла в глухой тупик.

Амир шёл по комнате, пытаясь унять дрожь в руках и заглушить давящий гул в голове. Ему было жизненно необходимо переключиться, вырваться из четырёх стен и поговорить с кем-то, кто не имел никакого отношения к Линде и

её алчной родне.

Глава 6

Он достал телефон и набрал номер своего товарища. Они общались не так часто, но этот парень всегда нравился Амиру своей рассудительностью, честностью и спокойным, мужским характером. Товарищ сразу ответил на звонок, и они быстро договорились встретиться через часок в городе. Перед тем как положить трубку, приятель добавил:

— Кстати, Амир, со мной будет мой двоюродный брат. Он буквально на днях приехал из Голландии, гостит сейчас у меня. Так что познакомлю вас, посидим вместе.

— Отлично, я только за, — ответил Амир, чувствуя, как внутри немного отпускает глухое оцепенение.

Появление гостя из Европы было даже к лучшему. В присутствии постороннего человека Амир точно не стал бы хмуриться, выдавать своё разбитое состояние и возвращаться мыслями к утреннему скандалу. Это обязывало его взять себя в руки, надеть маску спокойствия и вести себя как подобает гостеприимному хозяину на родной земле.

Он быстро переоделся, аккуратно поправил бинт на разбитой кулаком руке, чтобы под рукавом куртки ничего не было видно, и вышел из квартиры.

Товарища Амира звали Аслан. Когда Амир вошел в зал, Аслан уже сидел за угловым столиком, а рядом с ним расположился тот самый ухоженный молодой человек с европей-

ской стрижкой, которого Марха вчера оставила на улице у гимназии.

У Амира на секунду перехватило дыхание, а в груди глухо заворочался тяжелый ком. Грозный действительно оказался слишком маленьким городом.

— Амир, салам алейкум! Проходи, садись, — Аслан радушно поднялся навстречу, крепко пожимая ему левую руку (правую, забинтованную под рукавом куртки, Амир предусмотрительно поберег). — Знакомься, это мой двоюродный брат Тимур. Из Голландии вот приехал, пятнадцать лет дома не был.

Тимур поднялся следом, протягивая руку. В его глазах мгновенно промелькнуло сильное замешательство, а затем — тяжелое мужское узнавание. Он отчетливо вспомнил вчерашний вечер и то, как Марха уходила от него именно к этому статному, хмурому парню. Но, будучи человеком воспитанным, Тимур сдержал эмоции и твердо ответил на рукопожатие.

Они сели за стол. Амир, раздавленный ночной подставой Линды и скованный своим вынужденным обещанием «взять ответственность», изо всех сил старался держать лицо и казаться спокойным. Он понимал, что сейчас просто не имеет права на ревность или гордость — его собственная жизнь была разрушена.

Аслан заказал мясо и чай, и разговор потек вокруг архитектуры, Европы и того, как сильно отстроился Грозный.

Тимур поначалу отвечал сдержанно, но было видно, что его что-то сильно гложет.

Наконец, когда Аслан ненадолго отошел от стола, чтобы ответить на рабочий звонок, Тимур не выдержал. Он посмотрел на Амира в упор, повертел в руках чашку и заговорил тихим, искренним голосом:

— Слушай, Амир... Раз уж мы так странно встретились через Аслана. Я вчера места себе не находил после нашей встречи у гимназии. Ты прости, если я повел себя некрасиво. Я ведь Мархy с самого детства знаю, мы на одной улице росли, пока моя семья не уехала. Я вернулся, думал — встречусь с близким человеком, с подругой детства. А она... она наотрез отказывается со мной говорить. Я только вчера, когда увидел, как она на тебя смотрит, понял, что вообще ничего о её жизни не знаю. И что, кажется, потерял что-то очень важное, сам того не понимая. Вы давно вместе?

Амир слушал его, и каждое слово Тимура кололо его разбитое сердце, словно осколки того зеркала в ванной. Тимур сидел перед ним — честный в своем запоздалом мужском восхищении Мархой, не знающий английской причины её обиды. А Амир... Амир, который еще вчера чувствовал себя самым счастливым человеком, теперь должен был выдать ему самую страшную и горькую ложь в своей жизни.

Амир медленно перевел взгляд на Тимура. Горькая, ироничная усмешка скользнула по его губам, но в глазах застыла глухая боль. Тимур сидел перед ним, искренне не понимая,

почему Марха закрыла перед ним дверь, и Амир отчетливо осознал: Грозный связал их жизни в один прочный узел не просто так.

— Мы познакомились всего три дня назад, Тимур, — негромко, но твердо начал Амир. — Случайно столкнулись на мостовой под проливным ливнем и зашли погреться в маленькое кафе . Там в углу стояло старое, разбитое пианино.

Тимур внимательно слушал, подавшись вперед.

— Марха села за него и начала играть, — продолжил Амир, и его голос на секунду дрогнул от нахлынувших воспоминаний. — Это была не просто музыка. Это была настоящая буря, мелодия ливня, в которую она выплеснула всю свою боль, обиду и разочарование. Она играла так, словно пыталась заглушить что-то внутри себя. И знаешь, откуда она бежала в тот вечер под проливной дождь? Из ресторана, где сидела с тобой.

Тимур резко переменился в лице, его брови взлетели вверх, а чашка в руке дрогнула.

— Откуда ты… откуда ты знаешь? — потрясенно выговорил он.

— Она не рассказывала мне, — отрезал Амир, глядя ему прямо в глаза. — Я узнал это только вчера, когда ты сам подошел к нам у гимназии. Марха попросила у меня пять минут, чтобы поговорить с другом детства. Вы стояли чуть поодаль, но ветер доносил ваши голоса. Марха сказала тебе фразу, которую ты, кажется, так и не осмыслил: «Я всё поня-

ла тогда, в ресторане. Я знаю английский язык. И я слышала твой разговор».

Тимур застыл, словно оглушенный ударом. Цвет стремительно сбежал с его лица.

— Теперь ты понимаешь? — Амир жестко посмотрел на соперника. — Ты сидел с чеченской девушкой, с подругой детства, которая хранила о тебе чистые воспоминания .И прямо при ней решал вопросы со своей заграничной девушкой на английском, будучи абсолютно уверенным, что скромная учительница из Грозного ничего не поймет. Ты сам растоптал её доверие своей глупостью и самоуверенностью. Она сбежала от твоего двуличия, а старый рояль в кафе просто помог ей это высказать.

Тимур опустил голову, запустив пальцы в волосы. На него навалилось запоздалое, сокрушительное осознание собственной ошибки. Он молчал, раздавленный правдой, которую ему только что открыл совершенно чужой человек.

В этот момент к столику вернулся Аслан, убирая телефон в карман:

— Ну что, подружились? О чем общаетесь? — весело спросил он, не замечая повисшего над столом гробового молчания.

Амир посмотрел на Аслана, затем на уничтоженного Тимура, и внутри у него снова заскребли кошки. Он открыл Тимуру глаза, защитил Марху, но самое страшное оставалось неизменным: сам Амир, скованный ночным капканом Лин-

ды, больше не имел права быть рядом с той, чью честь он только что так ревностно отстоял.

— Ну так о чём вы говорили? Или у вас уже появились секреты от меня? — Аслан с улыбкой опустился на стул, переводя взгляд с одного хмурого лица на другое.

— Нет, никаких секретов, — тихо ответил Тимур, приходя в себя от шока. Он поднял глаза на кузена. — Амир, оказывается, знаком с Мархой.

— С какой Мархой? — переспросил Аслан, на секунду нахмурившись и пытаясь сообразить, о ком речь.

— С нашей Мархой, — подчеркнул Тимур, выделив слово «нашей».

Через несколько секунд до Аслана наконец дошло, и его глаза округлились от искреннего изумления:

— Да ну! Нет... Неужели с нашей музыканшей?! — он поражённо перевёл взгляд на Амира. — Вот это да! Теперь и мне чертовски интересно, как вас двоих свела судьба.

— Ничего интересного, мы всего несколько дней знакомы, — сдержанно ответил Амир, стараясь погасить разгорающийся интерес товарища. Голос его звучал глухо. Ему было невыносимо тяжело сидеть здесь и слушать, как эти двое называют Марху «своей», пока его собственная жизнь катилась в бездну.

— Они познакомились после того, как она убежала из ресторана, — подал голос Тимур, глядя в свою чашку. — Помнишь, Аслан, я рассказывал тебе вчера, что места себе не на-

хожу и никак не могу понять причину её побега?

— Помню, конечно, — кивнул Аслан. — И в чём же дело? Ведь причина точно не в Амире, раз они встретились уже после.

— Нет, не в нём, — глухо отозвался Тимур. — Но Амир только что открыл мне глаза и объяснил, почему она ушла. Марха слышала, как я в тот вечер разговаривал по телефону с Эммой. Я... я просто не подумал, что она поймет английский язык.

Аслан мгновенно всё понял.

Улыбка сошла с его лица, он сочувственно и укоризненно посмотрел на брата, покачав головой.

Амир сидел молча, и из этого короткого обмена репликами перед ним стала проясняться общая картина. Оказывается, Аслан и Тимур — это часть той самой прошлой жизни Мархи. Аслан рос с ними на одной улице. Позже его семья переехала в другой район Грозного, а Тимур и вовсе уехал с родителями за границу, на долгие годы. Но все эти годы Тимур не терял с ней связь — они постоянно созванивались, переписывались, и их детская дружба была гораздо более тесной, глубокой и личной, чем у Аслана.

Тимур приехал из Европы с уверенностью, что эта нить из детства крепка как прежде. Он не хотел её обидеть, он просто привык к заграничной жизни и к Эмме, не осознавая, какой болезненный удар наносит хрупким девичьим чувствам Мархи. И теперь, когда правда открылась, между тремя муж-

чинами повисла сложная, осязаемая тишина. Тимур был раздавлен своей глупостью, Аслан сопереживал брату, а Амир... Амир чувствовал, как невидимые тиски Линды сжимают его всё сильнее. Он защитил Мархy перед её прошлым, но его собственное будущее было принесено в жертву чужой лжи.

Тимур смотрел на Амира и всё ещё хотел спросить его кое о чём. Амир ему искренне понравился — хотя, согласно мужской логике и ревности, он должен был вызывать у него неприязнь. Но благородство и честность Амира внушали только уважение. Почти то же самое думал о Тимуре и сам Амир: несмотря на заграничную ошибку парня, в нём не было гнили, а лишь понятная мужская растерянность.

Заметив эту негласную симпатию между ними, Аслан оживился и хлопнул ладонью по столу:

— Слушайте, раз уж вы так подошли друг другу, поехали на дачу в селение! Глубокая осень на дворе, в горах сейчас воздух чистейший. Проведём выходные вместе, растопим камин, пожарим мясо. Давай, Амир, даже не думай отказываться!

Тимур тоже заговорщически подмигнул, поддерживая брата. Амир внутри себя был несказанно рад этому предложению. Меньше всего на свете ему сейчас хотелось возвращаться в пустую съёмную квартиру и оставаться наедине со своими разрывающими душу мыслями о капкане, в который его загнали.

Перед тем как выйти из ресторана, он достал телефон и

отправил Линде короткое, ледяное сообщение:

«Не звони мне несколько дней. Мне нужно остыть и успокоиться. Не ищи меня».

Они договорились, что ребята заедут за ним через час. Аслан с Тимуром отправились на рынок закупаться продуктами на выходные, а Амир на такси долетел до дома. Он быстро забросил в сумку сменную одежду, плотный тёплый свитер, проверил бинт на разбитой руке и спустился во двор. Ровно через час к подъезду подкатила машина Аслана. Амир сел на заднее сиденье, и вскоре они уже вырвались из города.

За окном тянулись осенние пейзажи: потемневшие от сырости предгорья, тронутые золотом и багрянцем леса и подернутые прохладной дымкой вершины гор. Амир впервые за эти сутки глубоко вдохнул ледяной воздух, надеясь найти в этой поездке хоть какое-то спасение от обрушившегося на него хаоса.

Пока мужчины стремительно уезжали из города, оставляя Грозный позади, Марха пребывала в полном, мучительном неведении.

Она сидела в своей тихой осенней квартире, кутаясь в теплый домашний халат. За окном сгущались прохладные сумерки глубокой осени, а в руках она крепко сжимала телефон, экран которого оставался безмолвным. Вся эта ситуация с Амиром начинала сильно напрягать и изматывать её.

Ей были абсолютно непонятны его действия. Всё происходило какими-то странными, пугающими рывками. Снача-

ла это сумасшедшее молчание после кафе, потом он внезапно срывается и с уставшим лицом караулит её у гимназии, и всё вроде бы встает на свои места. Между ними снова возникло то удивительное тепло. Но зачем, зачем он с таким волнением в голосе спрашивал разрешение на звонки, если после этого перестал писать даже короткие сообщения?

Вчерашний вечер прошел в тишине. Сегодня — её законный выходной день, то самое «нерабочее время», о котором они договорились, но от Амира не было ни весточки. Марха чувствовала себя глубоко уязвленной. Ей казалось, что с ней играют, и её гордость, воспитанная в строгих чеченских традициях, бунтовала против такого отношения. Она то и дело подходила к окну, глядя на пустую улицу, и внутри неё росла глухая обида. Марха не могла знать, что Амир в эту самую минуту едет в машине с её другом детства Тимуром, спасаясь от чудовищного капкана Линды, и что его молчание — это не безразличие, а попытка защитить её от своей грязной, навязанной беды.

Вдруг телефон в её руке коротко завибрировал. Сердце Мархи встрепенулось. Но на экране высветилось совсем другое имя — звонила мама из села.

Марха ответила на звонок, стараясь, чтобы её голос звучал ровно и спокойно. Они тепло поговорили о здоровье бабушки — маме удалось немного её порадовать, сказав, что кризис миновал, но пожилой женщине всё ещё нужен постоянный уход и покой.

Мама с лёгким вздохом добавила, что пока Мархе придётся ещё пожить одной в городской квартире. Правда, если ей станет слишком одиноко, она вполне могла бы приехать к ним в селение на эти выходные, чтобы развеяться и побыть вместе.

Марха ласково поблагодарила маму, но решила остаться дома. Ей не хотелось везти свою внутреннюю тревогу в дом, где и без того хватало забот из-за болезни бабушки. К тому же, она надеялась провести эти дни с пользой и наконец закончить музыкальную пьесу, которую начала писать уже очень давно. Это было её личное, выстраданное произведение, в которое она вкладывала всю свою душу.

Попрощавшись с мамой, она отложила телефон и подошла к инструменту. Комната погрузилась в тихие осенние сумерки. Она открыла крышку пианино, посмотрела на белые и чёрные клавиши, которые ещё недавно под её пальцами пели мелодией яростного ливня, но сегодня инструмент не звал её. Музыка внутри неё словно застыла, скованная непонятным, тягучим поведением Амира. Клавиши оставались холодными.

Она закрыла инструмент, понимая, что без душевного равновесия пьесу ей не дописать. Марха заварила себе крепкий чай и села у окна, глядя на то, как сухой осенний лист медленно кружится в воздухе под порывами холодного ветра, абсолютно не подозревая, что её Амир сейчас на всех скоростях уезжает из города, пытаясь спасти остатки своего

честного имени.

Машина Аслана плавно миновала последние метры грунтовой дороги, и перед мужчинами открылись большие кованые ворота.

Дачный дом семьи Аслана оказался по-настоящему большим и располагался в удивительно красивом, живописном месте. Глубокая осень окрасила окрестности в строгие, благородные тона, но даже сейчас здесь чувствовался особый уют. Прямо по участку, огибая ухоженные плодовые деревья, с тихим журчанием пролегал небольшой горный ручей. По всему было видно, что за каждым уголком этого сада кто-то долгие годы следил с огромной любовью и заботой.

Внутри самого дома всё было устроена не менее красиво и с большим вкусом. Просторная столовая плавно переходила в уютную зону отдыха с мягкой мебелью. Посередине зала стоял большой деревянный стол, на полу лежал роскошный, очень красивый ковер, а на стене располагался огромный телевизор. Через большие и светлые окна открывался вид на подернутые прохладной дымкой горы, но самое главное — в доме было удивительно тепло и натоплено.

— Тут кто-то постоянно живёт? — спросил Амир, оглядываясь по сторонам и чувствуя, как городское напряжение начинает понемногу отступать под воздействием этого домашнего тепла.

— Да, в небольшом домике во дворе живёт одинокий мужчина, — ответил Аслан, скидывая куртку. — Он уже

много лет присматривает и за домом, и за всем участком.

В этот самый момент в зал неторопливо вошёл тот самый смотритель — мужчина лет пятидесяти, с мудрым, обветренным лицом. Он сдержанно и очень уважительно поздоровался с приехавшими гостями, приветствуя их на этой земле.

Аслан тепло пожал ему руку и, как радушный хозяин, попросил организовать всё, что необходимо для хорошего отдыха:

— Хасан, подготовь нам всё, пожалуйста, и, если не трудно, замаринуй по своему особому рецепту мясо и птицу. Хотим парней угостить как следует.

Смотритель понимающе кивнул и ушёл выполнять поручение, оставив мужчин устраиваться. Амир опустил свою сумку на пол, подошёл к большому окну и посмотрел на бегущий по участку ручей. Ледяная осенняя прохлада осталась там, за стеклом, но в его душе по-прежнему шла своя, невидимая для друзей битва. Он понимал, что этот тёплый вечер у камина — самый подходящий момент, чтобы наконец нарушить молчание.

Если вы не против, я бы немного поспал, — негромко сказал Амир, чувствуя, как тепло дома окончательно разморило его измученное тело. — А то я всю ночь почти не спал.

— Очень хорошо, — сразу же отозвался Тимур, с пониманием посмотрев на его уставшее лицо. — Ложись, конечно. Вот эта комната слева будет твоей, там уже всё готово. А мы с Асланом пока займёмся подготовкой к ужину.

Амир с благодарностью кивнул ребятам, прошёл в левую комнату и закрыл за собой дверь. В комнате было так же тепло и уютно, пахло деревом и чистым постельным бельём. Он устало опустился на кровать, даже не снимая свитера, и едва его голова коснулась подушки, как раскалывающаяся от боли и мыслей голова наконец капитулировала. Ночной кошмар с Линдой, тревога за Мархy и тяжёлый разговор с Исламом — всё это на время отступило, уступив место глубокому, спасительному сну.

Пока Амир спал, во дворе кипела работа. Смотритель Хасан уже развёл огонь в мангале, и над участком поплыл аппетитный аромат дыма и маринованного мяса с дикими горными травами, приготовленного по его секретному рецепту. Аслан и Тимур помогали накрывать большой стол в зале, расставляя приборы и заваривая крепкий чай.

Прошло около двух часов. За большими окнами дачного дома окончательно стемнело, и прохладный осенний ветер лениво гонял опавшие листья по берегу журчащего ручья. Амир резко открыл глаза от того, что в комнату мягко постучали. Внутри него уже не было той давящей вязкости, но пришедший во сне покой мгновенно сменился ясным, суровым осознанием реальности.

Он поднялся, поправил рукав, скрывающий забинтованную руку, и вышел в зал, где его ждали Аслан и Тимур.

Большой деревянный стол в зале был накрыт с истинным кавказским гостеприимством: в центре исходило паром соч-

ное, идеально зажаренное Хасаном мясо и птица, а вокруг стояли свежие овощи, зелень и чашки для горячего чая. В камине красиво играли языки пламени, с тихим треском пожирая сухие поленья и отбрасывая причудливые, живые тени на мягкую мебель и ковер. Из динамиков играла тихая, ненавязчивая музыка, которая идеально гармонировала с шумом горного ручья за окном и создавала ощущение полного покоя.

Амир сел за стол напротив ребят. Горячая еда и крепкий чай помогли ему окончательно согреться, но эта мирная, уютная обстановка только сильнее подчёркивала тот внутренний ад, который он носил в себе.

Аслан и Тимур вели себя непринужденно, шутили и хвалили рецепт смотрителя, но Амир оставался молчаливым. В какой-то момент, потянувшись за кувшином с чаем, он слишком резко дернул правой рукой. Рукав куртки слегка задрался, и на белом бинте, стягивающем его разбитые костяшки, отчетливо проступило свежее бурое пятно крови.

Аслан мгновенно заметил это. Улыбка сошла с его лица, он внимательно посмотрел на руку друга, а затем перевёл прямой, серьезный взгляд на его осунувшееся лицо.

— Амир, — негромко, но веско произнес Аслан, и Тимур тут же замолчал, уловив перемену в тоне брата. — Мы весь день вместе. Ты бледный, почти не спал, руку где-то разбил, да и молчишь так, будто у тебя на плечах весь мир лежит. Мы ведь не чужие люди. Расскажи, что у тебя стряслось в

Грозном?

Тимур посмотрел на Амира с искренним мужским сочувствием и пониманием. Амир обвёл взглядом их лица, посмотрел на танцующий в камине огонь и понял, что скрывать больше нечего. Здесь, вдали от интриг Линды, перед этими надежными ребятами, он должен был высказать всё.

Амир рассказал им всё. Он говорил медленно, глухо, не упуская ни одной детали: от московского прошлого с Линдой и её алчной матерью до внезапного звонка из аэропорта . Рассказал о жестком уговоре с Исламом в сквере у Дома печати и о том, как согласился подняться в квартиру только потому, что там была Хава. И самое страшное — как проснулся ночью без брюк, с раскалывающейся головой, под истошный крик её тёти, вынудивший его сгоряча «взять ответственность».

Когда он закончил, в зале воцарилась тяжёлая, звенящая тишина. Мягкая музыка продолжала тихо играть, а языки пламени в камине отбрасывали резкие тени на застывшие лица мужчин.

Тимур сидел, крепко сжав кулаки, его взгляд был прикован к столу. До него наконец дошло, почему Амир сегодня днём в ресторане выглядел таким уничтоженным и почему он так яростно защищал Мархy от его заграничной ошибки, зная, что сам уже связан по рукам и ногам чужой подлой ложью.

Аслан первым нарушил молчание. Он откинулся на спин-

ку кресла, его лицо стало суровым и сосредоточенным.

— Валлахи, Амир, это не просто капризы, это чистой воды капкан, разыгранный как по нотам, — веско произнёс Аслан, переводя взгляд на забинтованную руку друга. — В Грозном такие вещи просто так не сходят с рук. Они знали, что ты порядочный человек, знали, что Ислам скор на расправу, и мастерски использовали наше мужское понятие чести против тебя самого.

Тимур поднял голову и посмотрел на Амира в упор. В его глазах больше не было соперничества — только мужская солидарность и уважение:

— Амир, ты поступил благородно, защитив её имя перед тётей в ту ночь. Но эту грязь нельзя оставлять так. Мы с Асланом не дадим тебе пропасть в этой ловушке. Здесь что-то не сходится. Эта Хава, троюродная сестра... она ушла «на двадцать минут» и пропала. Она — главный свидетель и ключ ко всей этой подставе.

Аслан махнул рукой, прерывая свои же бурные мысли о планах мести:

— Знаешь что, Амир? Давай оставим всё это за порогом. До понедельника Грозный подождет. Мы уехали сюда, чтобы ты выдохнул, вот и выдыхай. У нас есть два дня тишины.

Тимур молча кивнул и крепко хлопнул Амира по плечу:

— Аслан прав. Мы во всем разберемся, обещаю тебе. Но не сегодня. Сегодня мы просто отдыхаем.

Эти выходные в горах стали для них троих точкой сближе-

ния. Осенняя прохлада, ледяной воздух и шум горного ручья за стенами дома словно смывали с них городскую суету и накопившуюся тяжесть. Мужчины много разговаривали — обо всем на свете, кроме Линды. Они кололи дрова вместе с Хасаном, ходили к подножию скал, кутаясь в теплые куртки, и часами пили крепкий чай у камина, обсуждая архитектуру, жизнь в Европе и старые детские воспоминания, в которых так или иначе оживали образы их родных мест.

Тимур и Амир, которые по логике вещей должны были стать соперниками, за эти два дня прониклись друг к другу глубоким уважением. Благородство Амира, его сдержанная сила и честность восхищали Тимура. А Амир видел в Тимуре человека слова, способного признавать свои ошибки. Между ними родилась та самая крепкая мужская дружба, которая куется только в трудные моменты жизни. Аслан же был тем самым связующим звеном, которое удерживало этот баланс своим неиссякаемым оптимизмом и гостеприимством.

К вечеру воскресенья Амир впервые за долгое время почувствовал, что его голова ясна, а внутренний страх отступил. У него за спиной больше не было одиночества — теперь с ним рядом стояли двое преданных друзей, готовых разделить с ним любую бурю.

Машина Аслана плавно въехала обратно в черту вечернего Грозного, когда город уже зажигал свои неоновые огни. Выходные подошли к концу. Мужчины высадили Амира у его дома, крепко обнявшись на прощание.

— Завтра созвонимся, брат. Держись, мы на связи, — коротко сказал Аслан.

?

Амир поднялся в свою квартиру. Он подошел к окну, посмотрел на умытые осенние улицы и достал телефон, понимая, что время спокойствия вышло. Пора было возвращаться к реальности и разворачивать события, которые расставят всё по своим местам.

Амир включил телефон, и тот сразу начал вибрировать от скопившихся уведомлений. Было несколько пропущенных от Линды, оставленных, видимо, ещё до его жёсткого сообщения, пара сообщений от её тёти, но самое главное — среди этого шума горело одно-единственное уведомление от Мархи. Она написала вчера вечером, коротко и со всей той девичьей гордостью, которую он так боялся ранить:

«Амир, ассалму алейкум. Надеюсь, у тебя всё хорошо. Больше не беспокою».

Эти слова полоснули по сердцу сильнее, чем осколки разбитого зеркала. Марха истолковала его исчезновение на выходные по-своему. Она решила, что Амир просто поиграл в благородство, выпросил разрешение на звонки и исчез, оставив её в дурацком положении.

Амир заходил по комнате, сжимая телефон в кулаке. Ему хотелось прямо сейчас набрать её номер, закричать, что всё не так, что его опоили, подставили, зажали в тиски… Но он вовремя остановился. Сказать такое по телефону чеченской

девушке — значит окончательно запутать её и очернить себя в её eyes. Ей нужна была правда, чистая и доказанная, а не оправдания запутавшегося мужчины.

Он глубоко вздохнул, заставил себя успокоиться и открыл их общий чат с Асланом и Тимуром, который они создали по дороге обратно.

«Парни, Марха написала. Думает, что я её бросил. Медлить нельзя. Надо выходить на Хаву. Без её признания Ислам мне не поверит, а перед Мархой я буду выглядеть подлецом», — быстро набрал он.

Ответ от Аслана пришёл почти мгновенно:

«Ваалейкум салам. Брат, не паникуй. Я уже пробил через своих. Хава завтра выходит на работу, она администратор в одном из торговых центров. Линда думает, что ты сидишь дома и послушно ждёшь участи. Завтра утром мы с Тимуром подъедем к ней на работу без Линды. Попробуем поговорить спокойно, по-нашему. Ты пока не пиши Мархе длинных текстов, просто ответь вежливо. Оставь это нам на утро».

Тимур добавил ниже:

«Амир, держись. Мы с ней аккуратно побеседуем. Хава — девушка воспитанная, она не похожа на Линду, мы это видели. Если её совесть жива, она не станет соучаствовать в грехе и ломать человеку жизнь. Отдыхай».

Амир отложил телефон, чувствуя колоссальную благодарность к ребятам. Ещё два дня назад он был один против целого мира чужой лжи, а теперь за него стояли братья. Он по-

дошёл к окну, посмотрел на тёмные осенние улицы Грозного и коротко написал Мархе, стараясь сохранить баланс между уважением и надеждой:

«Ваалейкум ассалам, Марха. Моё молчание связано с очень сложными обстоятельствами, которые я сейчас решаю. Пожалуйста, не думай обо мне плохо. Мне очень важно твоё доверие. Как только всё прояснится, я сразу же тебе позвоню»

Утром в понедельник Аслан и Тимур приехали к торговому центру за полчаса до открытия. Они нашли нужную стойку администрации, как только Хава появилась на рабочем месте. Заметив двух статных мужчин, решительно направляющихся к ней, Хава заметно вздрогнула, а в её глазах на мгновение мелькнула паника.

— Салам алейкум, Хава, — спокойно и вежливо поздоровался Аслан, останавливаясь у стойки. — Нам нужно поговорить. Не здесь. Давай отойдем на пару минут, пока покупателей нет.

Девушка нервно сжала в руках рабочий блокнот, оглянулась по сторонам и, тихо кивнув, вышла из-за стойки. Они отошли к уединенному панорамному окну в конце коридора.

— Хава, мы пришли от Амира, — без лишних предисловий, прямо глядя ей в глаза, начал Тимур. — Ты взрослая, умная девушка. Ты прекрасно видела, каков Амир и какова Линда. Скажи честно как перед Аллахом: что произошло в той квартире, когда ты ушла «на двадцать минут»? Ты ведь

понимаешь, что парню ломают жизнь чудовищной ложью?

Хава резко отвела взгляд. Было отчетливо видно, как её затрясло, а пальцы судорожно впились в обложку блокнота. Она сделала глубокий вдох и заговорила — тихо, монотонно, словно заученный наизусть текст:

— Я не знаю, о чём вы говорите. Я пришла, Амир спал на диване. Мне нужно было срочно уехать по делам, я предупредила Линду и ушла. А потом мне позвонила тётя в слезах и рассказала, что он… что Амир не совладал с собой. Линда говорит правду. Амир поступил низко, и он сам взял на себя ответственность. Больше мне добавить нечего.

Она чеканила слова, повторяя всё в точности, до единой запятой, как рассказывала Линда. Но этот безупречный, отрепетированный сценарий только сильнее выдавал подвох. В её голосе не было искреннего возмущения или злости на «обидчика» сестры — в нём звучал только глухой, сковывающий её изнутри страх. Было совершенно очевидно, что Хава чего-то до ужаса боится. Она не смотрела мужчинам в глаза, её дыхание было прерывистым, а сама она то и дело испуганно косилась на свой сотовый телефон, словно ожидая отрезвляющего звонка или наказания за любое лишнее слово.

Аслан сделал шаг ближе, понизив голос до вкрадчивого, но жёсткого тона:

— Хава, ты сейчас лжёшь. Мы оба это видим. Кого ты так боишься? Линду? Её мать? Или ты боишься Ислама, ко-

торый, если узнает, что его мать и кузина разыграли этот грязный спектакль, просто сойдёт с ума от позора? Подумай о своей душе, Хава. Соучастие в клевете — это огромный грех.

Хава судорожно сглотнула, на её глазах выступили едва заметные слёзы, но она упрямо сжала губы, отказываясь ломать выстроенную Линдой стену лжи. Страх перед кем-то или чем-то в этой истории для неё оказывался сильнее совести.

Амир пришёл на работу к восьми утра, чувствуя себя совершенно разбитым. На строительной площадке вовсю кипела жизнь: к нему то и дело подходили инженер и старший прораб с чертежами, вопросами по бетону и согласованию новых конструкций после пятничной проверки. Амир силой заставлял себя вникать в рабочие процессы, чертил что-то на капоте, отдавал распоряжения, но его мысли были бесконечно далеко отсюда. Он каждую минуту проверял карман куртки, с замиранием сердца ожидая вестей от друзей.

Звонок от Аслана раздался ровно через час. Амир поспешно отошёл вглубь строящегося здания, укрывшись от шума техники за бетонной перегородкой.

— Салам алейкум, брат, — голос Аслана в трубке звучат хмуро. — Мы только что от неё. Всё вышло не так, как мы думали.

Друзья подробно рассказали Амиру, как всё было — как Хава испуганно дрожала, но упрямо, слово в слово, как заве-

дённая, повторяла московский сценарий Линды. Аслан подчеркнул, что девушка явно скована диким, парализующим страхом перед кем-то, и именно поэтому не ломает эту стену лжи.

— Амир, только не отчаивайся, слышишь? — перехватил трубку Тимур, и его голос прозвучал с горячей, решительной поддержкой. — Капкан сложный, но мы его вскроем. Хава боится, значит, на неё давят. Знаешь что? Если нужно, я сам поговорю с Исламом. Как мужчина с мужчиной. Расскажу ему про наши подозрения, пусть он сам тряхнет свою мать и Линду. Ислам хоть и резкий, но он честный парень, он позор в своём доме терпеть не будет.

Амир на секунду прикрыл глаза, крепче сжав телефон раненой рукой. Логика Тимура была понятна, но риск оставался слишком велик. Если Ислам сейчас вспылит, не имея твёрдых доказательств, он может натворить глупостей, и тогда позор Линды всё равно падет на всю их родню, а Амир окажется крайним.

— Пока не надо этого делать, — твёрдо сказал Амир, останавливая Тимура. — Не вмешивайте Ислама раньше времени. Раз Хава поёт под дудку Линды, значит, ниточки тянутся оттуда. Я ещё раз сам поговорю с Линдой. Но уже не по телефону. Я заставлю её посмотреть мне в глаза. Спасибо вам, парни. Я на связи.

Он нажал отбой. Внутри него вместо утренней растерянности снова начала закипать холодная, расчётливая реши-

мость. Он понял, что прятаться и ждать больше нельзя. Нужно было дождаться окончания рабочего времени, поехать к Линде и вытрясти из неё правду, пока этот грязный слух не докатился до ушей Ислама.

Положив трубку, Амир несколько минут стоял, глядя на строящиеся корпуса. Напряжение не отпускало его, но деятельная мужская натура требовала твёрдых шагов. Он понимал, что в Грозном, с его

масштабами работы и завязавшимися узлами в личной жизни, оставаться без колёс больше нельзя. Бегать по городу на такси, завися от чужих маршрутов, в его ситуации было непозволительной роскошью.

Он опять позвонил ребятам, теперь уже с совершенно другой просьбой — ему нужно было срочно купить машину.

Аслан, услышав это, сразу же перебил его своим привычным широким гостеприимством:

— Амир, брат, зачем спешить? У меня во дворе вторая машина стоит, я её почти не использую. Возьми её, катайся сколько нужно, пока со своими делами не разберёшься! Нашёл из-за чего переживать.

Амир тепло улыбнулся в трубку, чувствуя, как в очередной раз согревает эта чистая дружеская поддержка, но твёрдо отказался.

— Баркалла, Аслан, ценю твою помощь, — спокойно ответил он. — Но мне и так нужен был автомобиль. Я ведь приехал в Грозный надолго, проект огромный. Я и так со-

бирался в ближайшее время взять хорошую машину, просто откладывал. А сейчас время пришло. Помогите лучше выбрать и быстро оформить, вы местный рынок и салоны знаете лучше меня.

Тимур, который был рядом с Асланом, перехватил телефон:

— Отличное решение, Амир. Мужчина в Грозном должен быть на своих колёсах. Мы с Асланом прямо сейчас прозвоним пару надёжных людей и посмотрим варианты. Какую машину ты хочешь? Опиши, а мы к концу твоего рабочего дня подберём лучшее, что есть в городе, приедем и заберём тебя.

Амир коротко описал свои предпочтения, рассчитывая на надёжный, мощный автомобиль, который подойдёт и для поездок по строящимся объектам, и для долгих дорог. Договорившись созвониться после четырёх, он убрал телефон в карман. Теперь, зная, что к вечеру у него появится собственный автомобиль, он почувствовал себя гораздо увереннее. Это была его личная территория, его свобода движений.

Аслан и Тимур подобрали для него идеальный вариант, который безотказно работает на авторитет мужчины, — глянцево-черную Toyota Camry в последнем кузове, на максимальной комплектации, с мощным двигателем и просторным кожаным салоном.

Амир ушел чуть раньше с работы, оставив прорабу последние указания, и на такси быстро добрался до места. Он встретился с ребятами в выбранном ими автосалоне, где но-

венький седан уже ждал своего владельца на парковке, сверкая в лучах прохладного осеннего солнца.

— Валлахи, отличный выбор, брат, — Аслан довольно похлопал по капоту машины, когда Амир подошел к ним. — Настоящая рабочая классика для Грозного. Строгая, надежная, вид имеет как надо. И для твоих поездок по объектам самое то.

Тимур протянул Амиру ключи с фирменным брелоком:

— Мы уже все проверили, документы готовы, осталось только твою подпись поставить. Поздравляю с покупкой, Амир. Пусть возит на благо.

Амир крепко обнял друзей, искренне благодаря их за оперативность. Оформление заняло не много времени. Когда все бумаги были подписаны, он сел за руль, отрегулировал под себя сиденье и завел двигатель. Машина отозвалась ровным, мощным и тихим урчанием. Наличие собственных колес мгновенно вернуло Амиру то самое утерянное чувство контроля над своей жизнью. Теперь он не зависел ни от кого.

Он опустил боковое стекло и посмотрел на стоящих рядом Аслана и Тимура:

— Баркалла сий долуш доттгIий (Спасибо, благородные друзья). Без вас я бы до ночи тут провозился. А теперь мне пора. Я еду к Линде.

— Давай, брат, — серьезно кивнул Аслан. — Будь тверд, но держи себя в руках. Помни про бинт на руке. Если что — мы на связи, прилетим в любую секунду.

Глава 7

Черная «Тойота» плавно тронулась с места и выехала в плотный поток машин. Амир крепко сжимал руль, направляясь к дому Линды. Он набрал её номер через беспроводную связь автомобиля:

— Линда, салам алейкум. Спускайся во двор. Я стою у твоего подъезда на черной Камри. Поговорим в машине. И на этот раз никаких «милый» и отговорок — живей.

В трубке послышалось её испуганное, частое дыхание. На этот раз Амир не оставил ей выбора. Через пять минут дверь подъезда открылась, и Линда, кутаясь в свое дорогое московское пальто, небьющимся шагом направилась к его новой машине.

Линда набрала в лёгкие побольше воздуха и широко улыбнулась, отчаянно делая вид, что между ними абсолютно ничего не произошло. Она наигранно, неестественно весело сказала:

— Ой, Амирчик, какая красивая машина! Ты просто отлично в ней смотришься!

Амир от этой фальшивой, глянцевой улыбки не выдержал. Внутри него со звоном лопнуло последнее терпение. Он резко выскочил из машины, в два шага обогнул капот, схватил Линду за рукав дорогого пальто и буквально втолкнул её в салон автомобиля.

Захлопнув за ней дверцу, он мгновенно вернулся на водительское сиденье, заблокировал замки и зло, почти прошипел ей прямо в лицо:

— Садись, бессовестная!

Линда от такой неожиданной, грубой мужской силы испуганно сжалась в глубоком кожаном кресле. Её столичная спесь и наигранное веселье слетели в одну секунду. Она прижалась к двери, со страхом глядя на его волевое лицо, на котором сейчас ходили желваки, и на забинтованную правую руку, крепко сжимавшую руль.

В салоне новой машины воцарилась душная, звенящая тишина, прерываемая лишь ровным, тихим урчанием мотора.

— Амир, ты с ума сошёл? Мне же больно! — пискнула она, потирая руку, но её голос заметно дрожал.

— Больно?! — Амир медленно повернулся к ней, и в его карих глазах горела такая холодная, беспощадная ярость, что Линда невольно втянула голову в плечи. — Тебе больно? А мне каково, Линда? Ты думала, я приеду к тебе с цветами после того грязного спектакля, который вы с тётей устроили ночью? Думала, я проглочу эту ложь про спальню и снотворное?

Он подался чуть вперёд, нависая над ней и не давая ей вставить ни единого слова из её привычного бесконечного потока болтовни:

— Мои друзья сегодня утром были у Хавы. Мы всё знаем, Линда. Твоя троюродная сестра трясётся от страха на ра-

боте, потому что у неё, в отличие от тебя, осталась хоть какая-то совесть. Она наизусть заучила твой московский текст, но в глаза смотреть не может! А теперь отвечай мне, прямо сейчас: кто всё это придумал? Твоя алчная мать из Москвы руководила? Или твоя тётя здесь решила подсуетиться чтобы выгодно пристроить тебя замуж за перспективного архитектора? Говори правду, иначе я сейчас прямо в таком виде привезу тебя к Исламу, и ты сама будешь объяснять своему брату, почему его мать врёт про нашу свадьбу!

Вдруг Линда как-то странно дернулась, а потом стала медленно заваливаться в сторону Амира.

?

Сначала Амир подумал, что это очередная игра, проверенный московский трюк с симуляцией обморока, чтобы разжалобить его и уйти от ответа. Но когда он одной рукой стал поддерживать её, чтобы оттолкнуть обратно на сиденье, то почувствовал настоящую, пугающую тяжесть. Тело Линды полностью обмякло, лишившись всяких сил.

Амир резко притормозил, прижавшись к обочине проспекта. В этот же миг голова Линды безвольно упала ему на плечо. Её лицо стало неестественно бледным, губы слегка посинели, а дыхание было едва заметным, прерывистым и поверхностным.

Весь его гнев мгновенно испарился, уступив место липкому, холодному страху. Это была не игра. Амир затряс её за плечи, пытаясь привести в чувство:

— Линда! Линда, очнись! Что с тобой?!

Она не реагировала. Амир лихорадочно приложил пальцы к её шее — пульс был ниточным, слабым и запредельно частым. В салоне новой машины, ещё пахнущей дорогой кожей, повис леденящий ужас. Всего минуту назад он кричал на неё, требуя правды, а сейчас она умирала у него на руках посреди Грозного. Капкан, в который его загнали, внезапно превратился в настоящую смертельную зону, и Амир понял: если с Линдой сейчас что-то случится в его машине, доказать свою невиновность ни Исламу, ни закону он уже точно не сможет.

Он лихорадочно заблокировал руль, включил аварийку и потянулся за телефоном.

Отбросив телефон на пассажирское сиденье, Амир до упора нажал на газ. Черная «Камри» рванула с места, лавируя между машинами. Времени вызывать скорую и ждать не было — счет шел на минуты. Нарушая правила, с бешено бьющимся сердцем, он мчался по улицам Грозного в сторону ближайшей клинической больницы.

Визжа тормозами, он закрутил руль на полной скорости и припарковался прямо у дверей неотложки.

Выскочив из салона, Амир влетел в приёмный покой, крича на весь коридор: «Скорее! Носилки сюда! Человеку плохо, она без сознания!» Медперсонал среагировал мгновенно. Двое санитаров и дежурный врач с каталкой выбежали вслед за ним к машине. Амир распахнул пассажирскую дверь, и

врачи бережно переложили безвольное, бледное тело Линды на носилки.

— Что с ней? Что она принимала? Был сильный стресс? — на ходу засыпал вопросами доктор, пока каталку стремительно катили по белому коридору в сторону реанимации.

— Сильный стресс, мы разговаривали, и она резко отключилась, — тяжело дыша, ответил Амир. Голова у него шла кругом. Мысль о том, что Линда могла тайно принять тот же препарат, которым они опоили его накануне, или её сердце просто не выдержало дикого страха перед разоблачением и гневом Ислама, не давала ему покоя.

Двери реанимационного отделения с грохотом захлопнулись перед самым его носом, оставив Амира одного в гулкой, пахнущей антисептиками тишине коридора. Он обессиленно опустился на кушетку, запустив пальцы в волосы. На забинтованной руке снова заныли разбитые костяшки. Черная ловушка Линды затянулась еще туже: теперь она лежала в критическом состоянии, а он остался один на один с врачами, у порога больницы, и вопросов к нему у её родственников теперь станет в сто раз больше.

Прошло около сорока минут, которые показались Амиру вечностью. Он мерил шагами узкий коридор приёмного покоя, то и дело поправляя сползающий бинт на разбитой руке. Наконец тяжелые двери реанимации распахнулись, и к нему вышел уставший дежурный врач, на ходу снимая медицинскую маску.

— Вы кем ей приходитесь? — строго спросил доктор, внимательно оглядывая Амира с ног до головы.

— Жених… — через силу, наступив на собственную гордость, глухо соврал Амир, понимая, что постороннему человеку диагноз никто не скажет. — Что с ней, доктор?

Врач вздохнул и перевел дух:

— Мы стабилизировали её, сейчас она на аппаратах. У вашей невесты тяжелый пароксизмальный приступ на фоне врожденного порока сердца — аномалии проводящих путей. Судя по всему, в Москве она обследовалась, но скрывала это. Сильнейший психоэмоциональный стресс, испуг, резкий выброс адреналина — и сердце просто пошло вразнос, выдало двести сорок ударов в минуту. Мозг отключился из-за нехватки кислорода. Еще бы минут десять в пробке — и вы бы её не довезли. Наступила бы клиническая смерть.

Амир почувствовал, как по спине пробежал ледяной пот. Линда действительно была на волосок от гибели прямо в его новой машине.

— Сейчас угроза жизни миновала, мы сбили ритм медикаментозно, — продолжал врач. — Но ей нужен абсолютный покой. Никаких потрясений. И нам нужны её медицинские карты. Кто-то из её местных родственников может приехать?

Амир медленно кивнул, понимая, что этот момент настал. Ему придется звонить её тёте и Исламу. Прятать Линду больше не было смысла, да и карты её обследований могли быть только у них дома. Ложь о «свадьбе», подстава со снотвор-

ным, а теперь еще и реанимация — всё сплелось в один безумный, смертельно опасный клубок.

Он вышел на крыльцо больницы, вдохнул холодный осенний воздух и достал телефон. Ему нужно было сначала набрать Аслана с Тимуром, чтобы они были рядом, а затем — сделать самый тяжелый звонок Исламу.

Тимур и Аслан приехали в больницу очень быстро. Аслан, едва войдя в приёмный покой и оценив обстановку, сразу отвёл Амира в самый дальний угол коридора. Его лицо было предельно серьёзным.

— Амир, слушай меня внимательно, — негромко, но очень чётко сказал Аслан. — Нельзя говорить, что она села к тебе в машину и вы там разговаривали. Если Ислам узнает, что она добровольно села к тебе в салон наедине, для него это станет ещё одним железным поводом заявить, что ты обязан на ней жениться. Для него это знак, что у вас всё зашло слишком далеко.

Амир нахмурился, понимая всю опасность ситуации:

— А как тогда объяснить врачам и Исламу? Врач же видел, что я вытащил её из своей машины.

— Скажем, что ей стало плохо во время разговора на улице, — быстро распределил роли Аслан. — Якобы вы случайно пересеклись на проспекте возле торгового центра, просто стояли на тротуаре, и она внезапно упала в обморок. Вызывать скорую ты не стал, потому что испугался, что она умрёт прямо там, на асфальте. Поэтому ты среагировал как муж-

чина: поднял её, перенёс в свою машину, которая была припаркована рядом, и сам привёз её на ней в больницу. Понял? Ты просто спас жизнь девушке на улице, и никакой личной беседы в салоне не было!

Тимур согласно кивнул, подтверждая план:

— Да, брат, Аслан прав. Это переведет тебя из статуса «жениха, который катает её по городу» в статус случайного спасителя. Держись этой версии.

Не успели они закончить, как стеклянные двери приёмного покоя с грохотом распахнулись. В коридор буквально влетел Ислам, а за ним, тяжело дыша и прижимая платок к лицу, шла тётя Линды. Ислам был бледным, его глаза горели диким, встревоженным огнём, а кулаки были сжаты. Заметив Амира, он тяжёлым, размашистым шагом направился прямо к нему.

— Что вы делали вместе и где вы были?! — с ходу, яростно выдохнул Ислам, надвигаясь на Амира. Его голос дрожал от сдерживаемого гнева.

Тимур и Аслан мгновенно шагнули вперед, плечом к плечу встав рядом с Амиром. Амир сохранял полное внешнее спокойствие, хотя внутри у него всё натянулось до предела. Он четко, слово в слово сказал всё так, как и велел Аслан:

— Мы случайно столкнулись на проспекте у торгового центра. Просто поздоровались, и она прямо на тротуаре упала без сознания. Я испугался, что она умрет до приезда скорой, поэтому поднял её, перенес в свою машину и сразу при-

вез сюда.

— Значит, ты своими руками положил её к себе в машину?!

— глаза Ислама буквально налились кровью. В чеченском обществе прикосновение к чужой девушке, даже ради спасения, — это тяжелейший, граничащий с позором момент, который переворачивает всё.

Тимур дернулся было что-то сказать, не выдержав такой несправедливости, но Аслан жестко остановил его рукой, приказывая молчать. Вмешиваться сейчас было нельзя.

— Почему не попросил помощи у женщин?! Там что, женщин не было?! — Ислам почти задыхался от ярости, его лицо перекосило. — Ты, значит, взял её на руки?!

Он с силой сжал кулаки и сделал резкий круг на пятке, расхаживая по кафельному полу приемного покоя, как раненый зверь. Для него, выросшего в строгих традициях, этот поступок Амира, пусть и продиктованный смертельной опасностью, стирал последние сомнения: Амир распоряжался Линдой как своей женщиной. Ловушка, которую Амир так пытался обойти, захлопнулась с другой стороны. Ислам теперь был окончательно убежден, что Амир обязан ответить за это перед всем их родом.

В этот момент из дверей реанимации снова показался дежурный врач. Увидев накалившуюся обстановку и раскрасневшегося Ислама, он строго прикрикнул:

— Тихо! Вы где находитесь? Прекратите этот шум, здесь

больница! Кто из вас близкие родственники?

Тётя Линды, которая до этого тихо плакала в стороне, испуганно встрепенулась и сделала шаг вперед, отвлекая внимание Ислама от Амира.

Дежурный врач строго окинул взглядом мужчин, и в коридоре на секунду повисла тишина.

— Вы родственники? — обратился он к Исламу и его матери. — У пациентки тяжелейший приступ на фоне врожденного порока сердца ,приступ мы сбили, но состояние остается крайне нестабильным. Любое лишнее движение, любой шок для неё сейчас смертельно опасны. Нам нужны её медицинские карты из Москвы. У неё есть с собой какие-то документы или выписки?

Услышав слова врача, тётя специально громко заскулила, запричитала на весь коридор и картинно схватилась за сердце, давая понять, что ситуация критическая и сейчас речь идёт исключительно о жизни и смерти. Она намеренно сгущала краски, переводя всё внимание Ислама с разборок об адатах на спасение сестры. Её хитрый, расчетливый ум мгновенно сообразил: сейчас нужно любой ценой увести разгневанного сына из больницы, пока он не набросился на Амира и не испортил их идеальный брачный капкан.

— О Аллах, Ислам, ты слышишь, что доктор говорит?! — сквозь слезы закричала она, хватая сына за рукав ветровки. — Наша девочка умирает! Документы дома, в её чемодане, я видела какую-то папку из московской клиники! Сынок,

умоляю, поезжай быстрее домой, привези эти карты! Каждая минута на счету!

Ислам, чьи глаза всё ещё были налиты кровью, тяжело задышал. Мужская ярость внутри него столкнулась с суровой реальностью — его кузина лежала за дверями реанимации, подключенная к аппаратам . Он бросил на Амира последний, полный глухой угрозы взгляд, словно говоря: «Мы ещё не закончили», резко развернулся на пятке и быстрым, тяжелым шагом направился к выходу из больницы. Тётя, продолжая всхлипывать и сетовать на судьбу, засеменила следом за ним, но перед самой дверью на секунду обернулась и бросила на Амира короткий, торжествующий взгляд. Она понимала, что поступок Амира на улице окончательно привязал его к Линде в глазах Ислама.

Когда двери приёмного покоя закрылись за родственниками, Амир обессиленно прислонился спиной к крашеной больничной стене. Голова снова начала гудеть.

— Валлахи, Амир, эта змея всё рассчитала, — тихо, сквозь зубы процедил Аслан, опуская руку, которой до этого сдерживал Тимура.

— Тётя специально устроила этот концерт, чтобы Ислам тебя прямо здесь не разорвал. Они теперь уверены, что ты у них в руках. Ты привез её, ты дотронулся до неё — для Ислама дело закрыто.

Тимур подошел ближе, его лицо было бледным от злости:

— Братья, нам нельзя здесь оставаться. Ислам уехал за

документами, но он вернется. Нам нужно увозить Амира отсюда прямо сейчас. Нужно думать, как ломать их сценарий, пока Линда лежит в реанимации.

Амир молча достал телефон. На экране светилось то самое ночное сообщение от Мархи. Осенний вечер за окнами больницы становился всё холоднее, а тупик, в который его загнали, казался теперь абсолютно непробиваемым.

Они припарковали машины у Чернореченского водохранилища и спустились на набережную. Вокруг царила глубокая осенняя ночь, ледяной ветер пробирал до костей, срывая последние сухие листья с деревьев. Все трое долго молчали, всматриваясь в черную, тяжелую мглу застывшей воды, которая в темноте казалась бездонной. Каждый думал о своем, но над всеми ними висел один и тот же неразрешимый вопрос чести и жизни.

Наконец тишину нарушил Тимур. Он повернулся к Амиру, и его голос прозвучал на удивление серьезно, без тени заграничного легкомыслия:

— Амир… Если ставить на кон жизнь, то лучше, конечно же, жениться. В конце концов, это просто штамп, бумага. Можно на крайний случай потом развестись, когда всё утихнет и Линда поправится. Зато ты снимешь обвинения Ислама, спасешь её от гнева брата и сам останешься цел. Из двух зол выбирают меньшее.

Амир даже не повернул головы, продолжая смотреть на темную воду, но его челюсти сжались так, что заходили жел-

ваки.

Аслан резко обернулся к брату и жестко перебил его:

— Ты что говоришь, Тимур? Какой «развестись»? Ты десять лет в Европе прожил и забыл, где находишься? В Чечне не бывает «просто жениться и развестись», особенно в такой ситуации. Если Амир сейчас пойдет на поводу у этой лжи и возьмет Линду в жены, он признает, что виновен во всем, в чем его обвиняют. Ислам и вся их родня будут смотреть на него как на человека, которого они дожали, сломали через колено. А главное — Марха. Ты подумал о Мархе?

Если Амир женится на Линде, Марха никогда, ты слышишь, никогда больше не посмотрит в его сторону. Для нее он навсегда останется предателем и подлецом. Наш уговор на даче был не для того, чтобы сдаваться при первой трудности.

Тимур виновато опустил голову, признавая правоту кузена. Аслан был прав: этот брак стал бы для Амира духовной смертью.

Амир наконец глубоко вздохнул, и ледяной осенний воздух немного остудил бушующую внутри него бурю. Он посмотрел на свои разбитые, забинтованные костяшки пальцев, а потом перевел твердый, решительный взгляд на друзей.

— Аслан прав, — тихо, но со стальной уверенностью произнес Амир.

— Женитьбы не будет. Я не сделаю этого ни ради Линды,

ни ради ее матери, ни из-за страха перед Исламом. Если я подпишусь под их ложью, я потеряю себя. Мы должны найти Хаву и заставить её говорить правду Исламу. Линда сейчас в реанимации, она беспомощна, её сценарий замер. Это наше единственное время, чтобы действовать.

Утром во вторник Аслан и Тимур снова приехали в торговый центр, рассчитывая продолжить жесткий разговор с Хавой. Они были полны решимости надавить на её совесть и выяснить, чего именно она так панически боится.

Однако у стойки администрации их встретила совершенно другая, незнакомая девушка.

— Салам алейкум, — нахмурился Аслан, предчувствуя неладное. — А где Хава? Она же должна быть на смене.

Девушка-администратор удивленно посмотрела на мужчин и пожала плечами:

— Ваалейкум ассалам. Хава больше здесь не работает. Вчера вечером, сразу после окончания смены, она написала заявление и уволилась с работы по собственному желанию. Забрала вещи и ушла. Где она сейчас, мы не знаем.

Аслан и Тимур переглянулись. Внутри всё похолодело. Они вышли на парковку и тут же набрали Амира, который в этот момент находился на строительном объекте, силой заставляя себя проверять отчеты прорабов.

— Амир, плохие новости, — глухо сказал в трубку Тимур. — Мы искали Хаву, но не нашли. Она уволилась с работы. Линдина тетя сработала на опережение. Видимо, Хава вчера

в панике рассказала ей, что мы приходили к ней в торговый центр. Тетя поняла, что девчонка — слабое звено и может расколоться, поэтому они её просто спрятали. Заставили уйти с работы и, скорее всего, увезли куда-то из города. Ключ к нашей правде исчез.

Амир стоял посреди шумящей строительной площадки, оглушённый новостью об исчезновении Хавы. Капкан захлопывался со всех сторон. Тётя Линды действовала с пугающей, профессиональной быстротой.

Но это было ещё не всё. Едва Амир успел попрощаться с ребятами и опустить телефон, как на экране высветилось новое сообщение от Аслана, который продолжал собирать информацию через свои каналы:

«Брат, ещё кое-что. Из Москвы утренним рейсом экстренно прилетела мать Линды. Тётя сразу вызвала её из-за реанимации. Она уже в больнице, сейчас сидит рядом с дочерью в палате. Теперь эта алчная женщина тоже здесь, и они с тётей координируют каждый шаг. Будь готов к худшему».

Амир тяжело опёрся о бетонное ограждение, чувствуя, как внутри закипает глухое бессилие. Прилёт матери Линды означал только одно: штаб заговорщиков укомплектован полностью. Эта женщина, которая в Москве мерила его исключительно деньгами и статусом, теперь вцепится в него мёртвой хваткой. Защищая «честь» дочери и свои корыстные интересы, она костьми ляжет, но заставит Ислама довести дело до конца. Линда была под надёжным прикрытием

матери и врачей, Хава надёжно спрятана, а Ислам заблокирован их коллективной ложью .

Амир понимал, что время работает против него.

Оставаться больше на работе он не мог. Всё вокруг давило, бетонные стены строящегося объекта словно сжимались, лишая воздуха. Амир сел в машину и поехал, пока сам не зная куда. Ему нужно было ещё раз всё обдумать, остаться наедине с гулом мотора и своими мыслями, вдали от чужих глаз.

Так он ехал очень долго, безцельно петляя по проспектам и выезжая на окраины Грозного. Город за окном Камри жил своей привычной, суетливой жизнью, а внутри Амира рушился целый мир. Наконец он затормозил и остановился у обочины на какой-то пустынной улице.

В салоне воцарилась тишина. Амир положил голову на руль, чувствуя, как дикая, свинцовая усталость наваливается на плечи. И вдруг впервые в его голову закралась страшная, капитулирующая мысль: может, Тимур и прав? Может, действительно стоит пойти на поводу у этой лжи, фиктивно жениться, а потом тихо развестись, когда этот кошмар утихнет? Потому что сейчас, со всей своей мужской логикой и принципами, Амир просто не видел выхода из этой ситуации. Хава исчезла, мать Линды прилетела, Ислам ослеплён яростью, а его честное слово весило слишком мало против их слаженного, грязного спектакля. Бороться дальше казалось безумием — он бился головой о глухую стену.

Но как только он на секунду допустил мысль о согласии, перед его глазами вдруг возник образ Мархи.

Он вспомнил тот самый первый вечер в полупустом кафе. Вспомнил её — мокрую от проливного дождя, в тяжёлом тёплом свитере, с длинными густыми волосами, с которых капли падали на пожелтевшие клавиши. Вспомнил, как она, прикрыв глаза, израненной душой выплёскивала в старый инструмент свою неистовую, пронзительную мелодию дождя. Вспомнил её чистый, строгий взгляд и тот тонкий, едва уловимый шлейф жасмина, который окутал его на солнечной аллее сквера всего пару дней назад.

Сердце Амира болезненно сжалось от дикой боли и несправедливости этого мира.

Он отчетливо понял: если он сейчас сдастся и наденет кольцо Линде, он своими руками растопчет то самое святое и чистое, что только что нашёл в Мархе. Она никогда не простит ему этого. Он потеряет право даже просто дышать с ней одним воздухом в этом городе.

Предать Марху ради спасения собственной шкуры от Ислама было выше его сил. Амир поднял голову, крепко, до хруста в суставах, сжал руль раненой рукой и посмотрел вперёд. Назад дороги не было. Нужно было идти до конца, чего бы это ни стоило.

Глава 8

Пока Амир метался по городу в поисках выхода, Марха переживала эти дни так, словно внутри неё медленно гас разгоравшийся свет.

Всё воскресенье она провела в звенящей тишине пустой квартиры. Телефон молчал. Обида, смешанная с глубоким женским разочарованием, жгла её изнутри. Её строгая девичья гордость бунтовала против этой неопределённости. Зачем нужно было караулить её у гимназии, так бережно просить разрешение на звонки, а потом просто исчезнуть, оставив её один на один с собственными мыслями? Мархе казалось, что с её чувствами безнаказанно поиграли.

В воскресенье вечером, устав от этого мучительного ожидания, она решительно достала телефон и написала то самое короткое сообщение: «Амир, ассаламу алейкум. Надеюсь, у тебя всё хорошо. Больше не беспокою».

Отправив его, она твёрдо решила, что больше не будет думать ни об Амире, ни о его нерешённых делах и загадочных проблемах. Мужчина, который по-настоящему заинтересован в девушке, не заставит её сомневаться и ждать сутками. Прошлое с Тимуром уже научило её быть осторожной, и наступать на те же грабли Марха не собиралась. Когда ночью от Амира пришёл ответ про «сложные обстоятельства», она лишь устало покачала головой — для неё это прозвучало как

очередная попытка потянуть время.

С самого утра в понедельник Марха с головой включилась в работу. Чтобы полностью вытеснить Амира из своего разума, она пошла на сознательный шаг — взяла дополнительно ещё двух учениц на частные уроки после работы. Те три часа, что она теперь проводила с девочками, разучивая сложные гаммы и ставя им правильную позицию пальцев на клавишах, требовали от неё предельной концентрации.

Марха загрузила свой распорядок дня до предела. Домой она теперь возвращалась поздно, уставшая и измотанная, но это было именно то, чего она так отчаянно искала. Она сделала всё, чтобы у неё физически не оставалось времени думать о всяких глупостях, чужих тайнах и парне, который так стремительно ворвался в её жизнь под проливным дождём и так же быстро исчез в тумане своих непонятных проблем. Музыка и дети снова стали её надёжным щитом от несправедливости внешнего мира.

На следующий день Амир, зная, что Марха работает до четырёх , подъехал к гимназии чуть раньше и стал караулить её на своей новой чёрной «Камри». Он не собирался к ней подходить, ведь ему, запутавшемуся в паутине чужой лжи, по-прежнему решительно нечего было ей сказать. Он просто хотел увидеть её — хотя бы издалека, поймать взглядом её светлый палантин, чтобы заглушить ту дикую, невыносимую боль, что рвала его сердце.

Но ни в четыре, ни в пять часов Марха так и не вышла из

дверей гимназии.

Амир сидел в салоне машины, крепко сжимая руль забинтованными пальцами, и внутри него росла глухая тревога. «Что же произошло?» — лихорадочно думал он. Мысли одна за другой сменяли друг друга. Может, что-то случилось с её бабушкой в селении, к которой уехала её мама? Ведь Марха сама говорила, что пожилая женщина сильно приболела.

Простояв у ворот гимназии ещё долгие полчаса, Амир не выдержал. Он завёл двигатель и поехал к её дому. Подъехав к знакомому подъезду, он поднял взгляд на второй этаж — в окнах квартиры света не было. Марха ещё не возвращалась. Оставлять её двор Амир уже не находил в себе сил. Он просто сидел в машине и смотрел на её тёмные окна, укрывшись в вечерних осенних сумерках Грозного.

Он не знал, сколько времени прошло. Стрелки часов неумолимо двигались вперёд, город вокруг затихал, а он всё сидел в полумраке салона, абсолютно опустошённый, зажатый в тиски между реанимацией Линды и своей чистой, но теперь такой недосягаемой мечтой.

И вдруг в свете редких дворовых фонарей он увидел знакомый силуэт. Это была Марха. Она шла медленно, уставшая после тяжёлого рабочего дня и двух дополнительных уроков, о которых Амир даже не подозревал. Она сильнее куталась в свой плащ от прохладного ночного воздуха, держа в руках сумку с нотными тетрадями.

В этот же миг сердце Амира забилось очень быстро, со-

вершив бешеный, оглушительный кувырок в груди. Вся его напускная холодность и расчетливая мужская сдержанность рухнули перед этим простым, живым присутствием. Она была так близко — всего в нескольких метрах от него....и так далеко одновременно.

Марха вдруг замедлила шаг перед самым крыльцом, остановилась и, запрокинув голову, посмотрела в темное осеннее небо. Легкий ночной ветерок шевельнул края ее светлого палантина. Сверху, кружась в холодном воздухе, лениво опускались первые редкие и крупные хлопья мокрого снега — предвестники скорой зимы.

Одно из них упало прямо ей на щеку, и Марха едва заметно, грустно улыбнулась, словно этот первый снег напомнил ей о чем-то безвозвратно утерянном. Она стояла так около минуты, дыша прохладой, абсолютно одна в безмолвном дворе, и в этой ее хрупкой, застывшей фигуре было столько глубокого, величественного одиночества, что у Амира перехватило дыхание.

В этот момент он с пронзительной, режущей ясностью осознал, насколько чудовищно несправедлива вся его жизнь. Вот она — девушка, ради которой он готов перевернуть Грозный, стоит в десяти шагах от его машины. Но невидимая стена из московской лжи, реанимации и Ислама делала ее недосягаемой, словно они находились на разных планетах.

Марха вздохнула, опустила голову и потянулась к ручке тяжелой двери подъезда.

Амир больше не мог контролировать себя. Рассудок, твердивший «уезжай, тебе нечего сказать», отключился, уступив место бешеному стуку сердца. Он резко толкнул дверцу новой «Камри» и вышел в холодную ночную темень двора. Подошвы его ботинок глухо хрустнули по первому мокрому снегу.

— Марха, — тихо, но отчетливо позвал он. Его бархатистый голос прозвучал в тишине двора почти умоляюще.

Девушка вздрогнула и застыла у самой двери. Она медленно обернулась на голос, и ее чистые, серьезные глаза встретились с его воспаленным, полным боли взглядом. В тусклом свете дворового фонаря Марха увидела Амира — статного, бледного, с растрепанными ветром волосами и забинтованной правой рукой, которую он судорожно прижимал к груди.

Вся та броня из дополнительной работы и строгих решений «больше не думать о нем», которую Марха так усердно выстраивала последние два дня, дала глубокую трещину.

Марха стояла неподвижно, затаив дыхание, и просто смотрела на него. Весь мир вокруг них словно застыл, покрываясь первыми хлопьями мокрого снега. Человек, ради которого только и могло теперь биться её сердце, стоял прямо перед ней, в её дворе, в этой холодной ночной темноте. Все её строгие запреты, обиды и попытки загрузить себя уроками до изнеможения рассыпались в прах от одного его взгляда. Она понимала, что обманывала саму себя — вычеркнуть его

из души было невозможно.

Амир сделал полшага вперёд, бережно сохраняя между ними расстояние, и ещё раз тихо назвал её имя:

— Марха…

Но она почти не расслышала своего имени. В её ушах, заглушая свист осеннего ветра, вдруг явственно зазвучали звуки музыки.

Это не была обычная мелодия. В её сознании, рождаясь откуда-то из глубины пережитого за эти дни неведения, заиграла та самая неоконченная пьеса, которую она сегодня тщетно пыталась вызвать в пустой квартире. В этих воображаемых аккордах больше не было бушующей ярости ливня, как в кафе . Теперь музыка лилась тяжело, тягуче, наполненная пронзительной грустью, недосказанностью и какой-то щемящей, благородной болью.

Марха смотрела на его осунувшееся, бледное лицо, на бинт, скрывающий правую руку, и её музыкальное сердце безошибочно подсказывало: Амир не играет с ней. Ситуация, в которую он попал, действительно разрывает его на части, и эта музыка в её голове была отражением его собственной израненной души.

Она медленно опустила руку с ручки двери, сделала шаг навстречу и посмотрела на него своим чистым, серьёзным взглядом, в котором сквозь девичью гордость проступило глубокое, бесконечное понимание.

В голове Амира в этот миг образовалась абсолютная, зве-

нящая пустота. Всё его красноречие, все аргументы и те немногие слова, которые он так мучительно подбирал, колеся по осеннему городу, бесследно исчезли. Разум словно отключился, оставив лишь одно-единственное знание. Он не мог больше вспомнить ни одного слова, кроме её имени, и губы его дрогнули, когда он почти в третий раз чуть не произнёс: «Марха…»

Но звук замер, так и не сорвавшись с губ.

Так они и стояли молча под падающим мокрым снегом, просто глядя друг на друга. Между ними оставалось несколько метров холодного ночного воздуха, но взгляды сплелись так прочно, что никакие слова им уже были не нужны. Марха слушала свою безмолвную, горькую музыку, рождавшуюся в её сердце, а Амир тонул в чистоте её глаз, чувствуя, как вся накопленная за эти дни грязь, ложь Линды и угрозы Ислама отступают перед этой минутой.

В этом глубоком чеченском молчании, полном строгой сдержанности и одновременно оглушительной, звенящей нежности, было сказано гораздо больше, чем в любых самых громких признаниях. Они стояли на виду у засыпающего двора, два человека из совершенно разных миров, которых судьба намертво связала под проливным дождём.

И этот первый, крупный снег, ложащийся на её светлый палантин и его тёмную куртку, казался единственным свидетелем их негласного, чистого договора — верить друг другу вопреки всему.

Очнувшись наконец от этого оглушительного безмолвия, Амир с трудом вернул себе голос.

— Я напишу… прости, — хрипло, едва слышно выговорил он.

Больше сдерживать себя он не мог. Боясь окончательно выдать свою слабость и сломать ту невидимую, чистую дистанцию, которая их разделяла, он резко развернулся. Быстро, почти бегом Амир дошёл до своей чёрной «Камри», прыгнул за руль, нажал на газ и уехал, скрывшись в пелене первого мокрого снега.

Марха ещё долго стояла на крыльце, проводив его взглядом до тех пор, пока красные габаритные огни машины полностью не растворились в ночной мгле двора. Ледяной ветер пробирал до костей, но внутри неё всё горело. Тонкая, пронзительная и величественная музыка в её голове всё ещё звучала, с каждым мгновением обретая всё более чёткие, завершённые формы. Марха встрепенулась и поспешила в подъезд, почти взлетая по ступеням на свой второй этаж, — ей нужно было успеть сесть за инструмент, чтобы по горячим следам перевести эту рождённую под снегом мелодию в ноты. Её неоконченная пьеса наконец нашла своё истинное, выстраданное завершение.

Зазвонил телефон это была Линда, она просила приехать срочно к ней, что она хочет ему все рассказать.

Амир быстро закрыл за собой дверь палаты, мгновенно вытащил из кармана телефон и, не привлекая внимания,

незаметно включил диктофон. Каждый шорох и каждое слово сейчас имели цену его жизни. Он подошел ближе к кровати, глядя на её бледное лицо.

— Говори быстро, Линда. У нас почти нет времени, — тихо, но со стальной твердостью произнес он.

Линда тяжело сглотнула, её глаза наполнились настоящими, горькими слезами:

— Моя мама… она полностью разорена, Амир. Всё, что мы демонстрировали в Москве — наши дорогие вещи, поездки, статус — всё это уже полгода как в долгах. Мама ввязалась в одну очень плохую строительную аферу, доверилась не тем людям и потеряла абсолютно все наши сбережения. На квартиру в Москве наложен арест. Нам не на что возвращаться.

Амир застыл, а Линда, торопливо дыша, продолжала сдавать свой штаб:

— Когда ты уехал в Грозный на этот колоссальный, многомиллионный объект, мама поняла, что ты — наш единственный билет на спасение. Твои перспективы, твоё имя, твоя будущая карьера... Она знала, что твоя семья обеспечена. Мама созвонилась с тётей здесь, в Грозном, и они всё разработали. Тот ужин...

Хава ничего не знала сначала, её просто попросили уйти. Это тётя добавила тебе в чай сильное успокоительное, которое ей прописал врач от бессонницы. Они знали, что ты отключишься, и специально рассчитали время, чтобы тётя

устроила этот крик перед Исламом. Они использовали его горячий нрав, чтобы связать тебя обязательствами чести.

Она судорожно схватила Амира за край куртки своей слабой, дрожащей рукой:

— Но я не знала, что они зайдут так далеко! Они запугали Хаву, заставили её уволиться и уехать к родственникам в горное село, потому что Хава плакала и хотела всё рассказать Исламу. Мама сейчас прилетела, чтобы лично дожать твоего начальника через Ислама и объявить о свадьбе. Амир, я очень боюсь… Моё сердце не выдержит этого позора, если Ислам узнает, что его собственная мать сделала его посмешищем и заставила угрожать невиновному человеку. Пожалуйста, забери меня отсюда, я хочу уехать во Францию к отцу, он обещал помочь с лечением, но мама не пускает меня…

Линда надеялась, что это ее оправдает в глазах Амира.

В этот самый момент в коридоре за дверью послышался стук каблуков и знакомый, уверенный женский голос, разговаривающий с врачом. Мать Линды возвращалась в палату.

Амир плавно отступил от кровати, быстро нажал кнопку сохранения на диктофоне и спрятал телефон в карман. На его лице больше не было растерянности. Теперь у него в руках было то самое сокрушительное оружие, которое могло в один миг разбить весь этот фальшивый московский заговор.

Дверь палаты распахнулась, и на пороге появилась мать Линды. Увидев Амира, она на секунду застыла, а на её лице отразилось искреннее удивление — она никак не ожидала за-

стать его здесь, в отделении интенсивной терапии. Её проницательный, цепкий взгляд мгновенно переместился на бледное лицо дочери, на котором ещё не остыли следы недавнего страха и слез, а затем перевёлся куда-то в сторону, задержавшись на верхней полке медицинского шкафа у стены.

Амир, сохраняя предельное внешнее спокойствие, сухо поздоровался:

— Ассаламу алейкум. Я просто хотел узнать, как чувствует себя Линда, поэтому заскочил к ней на минуту.

Он вежливо, но холодно пожелал Линде скорейшего выздоровления, развернулся и быстрым шагом вышел из палаты, надеясь, что его диктофонная запись осталась в тайне.

Однако мать Линды была слишком опытной и хитрой женщиной, чтобы поверить в этот «случайный визит». Сердце её бешено заколотилось от дурного предчувствия. На ходу вытаскивая из сумочки свой мобильный телефон, она стремительно вышла вслед за ним в коридор. Проводив взглядом его статную фигуру, пока он не скрылся за углом у лифта, она тут же опустила глаза к экрану смартфона и запустила специальное приложение.

Мать Линды включила звук и услышала абсолютно всё, что только что наговорила её дочь: и про долги в Москве, и про снотворное в чае, и про несчастную Хаву, которую они силой упрятали в горах. Её лицо мгновенно исказилось от дикой, бешеной злости, а пальцы до белизны сжали корпус телефона.

Она не зря тогда, заходя в палату, посмотрела в сторону шкафа. Перед тем как уйти к главврачу, эта расчетливая женщина тайно установила там скрытую мини-камеру, подключенную к её телефону, чтобы полностью контролировать всё, что происходит вокруг её больной дочери. Она хотела обезопасить свой план от любых случайностей, но в итоге её собственная дочь сдала Амиру весь их заговор с потрохами. Камера записала не просто разговор — она зафиксировала, как Амир держал в руках телефон, а значит, у него теперь тоже есть эта запись.

Мать Линды стояла посреди больничного коридора, тяжело дыша. Весь их идеальный московский капкан, который они с тётей так тщательно выстраивали вокруг Амира и Ислама, теперь висел на волоске от сокрушительного краха. Если Амир покажет эту запись Исламу, их обеих ждёт не просто позор — их ждёт страшный гнев обманутого парня.

Мать Линды стояла в коридоре, буравя взглядом пустой поворот, где только что скрылся Амир. Её звали Айза, и в определённых кругах это имя когда-то знали очень хорошо.

Ещё в бурные годы своей молодости Айза занималась далеко не легальными вещами. Она начинала с крупной контрабанды золота и ювелирных изделий, перевозя ценности через границы по поддельным документам. В её характере всегда доминировали ледяной расчёт, хитрость и полное отсутствие страха перед законом.

Собственно, именно по этой причине много лет назад от

неё ушёл муж — интеллигентный чеченец, который не смог выдержать её криминальных авантюр. Он забрал свои документы и уехал во Францию, навсегда оборвав с ней связь и оставив Линду на воспитание матери.

Сколотив на контрабанде огромное, теневое состояние, Айза со временем решила легализоваться. Она переехала в Москву и вложила грязные деньги в крупный строительный бизнес. Но привычки из прошлого никуда не делись — всё законное ей быстро приедалось, казалось слишком медленным и пресным.

Жажда лёгких и быстрых миллиардов снова толкнула её в аферу, которая на этот раз обернулась полным крахом и огромными долгами. И теперь, глядя на экран телефона, Айза понимала: Амир со своей диктофонной записью встал на пути её последнего шанса выжить. Она привыкла решать проблемы жёстко, и правила Грозного её не пугали — она знала, как ими манипулировать.

Айза быстро набрала номер своей сестры (тёти Линды):

— Твоя Хава оказалась права, девчонка нас чуть не сдала! — процедила Айза в трубку, быстрыми шагами возвращаясь в палату к Линде. — Амир только что был здесь. Он записал её бредни на диктофон. Наша дурочка во всём призналась.

— О Аллах, Айза, что нам делать?! — испуганно запричитала тётя на том конце провода. — Если Ислам услышит эту запись, он нас обеих из города вышлет, он не простит нам такой позор!

Айза сбросила вызов и, тяжело дыша от ярости, быстро вышла на лестничную клетку хирургического корпуса, подальше от посторонних ушей. Весь их идеальный брачный капкан висел на волоске от краха. Но Айза не была обычной испуганной женщиной — её криминальное прошлое контрабандистки мгновенно включило холодный, безжалостный расчёт.

Она открыла зашифрованный мессенджер и набрала номер человека, который за долгие годы доказал ей абсолютную, пёсью преданность в выполнении любых, самых грязных поручений, касающихся Чечни. Этот человек выполнял для неё силовые задачи ещё со времён контрабанды золота.

В трубке раздался короткий гудок и низкий, безэмоциональный мужской голос.

— Слушаю, Айза.

— У нас чрезвычайная ситуация, — ледяным тоном, чеканя каждое слово, произнесла она. — Московский архитектор, Амир. Он только что выведал у Линды всю правду и записал её признание на диктофон . У него на руках железобетонная улика, которая уничтожит всё. Его телефон не должен попасть к родственникам. Запись должна исчезнуть.

Она замолчала на секунду, проверяя экран своего смартфона, где через приложение скрытой камеры отображались данные геолокации Амира:

— Я скидываю тебе все его координаты, марку и номер автомобиля. Он только что выехал с парковки больницы. Дей-

ствуй. Телефон мне нужен чистым.

— Понял. Сделаю, — коротко бросил исполнитель и отключил связь.

Айза медленно опустила руку с телефоном, и на её лице снова появилась та самая маска ледяного, сытого спокойствия. Она знала , что её цепной пёс осечек не выдаёт.

Амир тем временем плавно выехал за ворота больничного городка на своём новом черном седане . На душе у него впервые за эти дни было спокойно — он держал в кармане запись, которая очистит его имя перед Исламом и вернёт доверие Мархи. Он уверенно нажал на газ, направляясь к проспекту, абсолютно не подозревая, что по его следу в эту самую минуту уже пущена тень из криминального прошлого Айзы.

Амир уверенно вёл автомобиль по ночным улицам Грозного. Город постепенно засыпал под редкими хлопьями мокрого снега, неоновые вывески отражались в глянцевом капоте машины.

Он бросил быстрый взгляд на часы на панели приборов и подумал, что уже слишком поздно звонить ребятам. На часах была глубокая ночь. Будить Аслана и Тимура после их тяжёлого дня не хотелось. Он принял твёрдое решение: утром они встретятся и вместе решат, как правильно и мудро использовать эту запись, чтобы раз и навсегда снять все вопросы Ислама.

Амир припарковался у своего дома, поднялся в квартиру

и запер дверь. В комнатах стояла тишина, но на этот раз она больше не давила на него. Напряжение, сковывавшее его последние дни, наконец-то отпустило.

Амир заварил себе свежий чай и сел у окна, глядя на кружащийся в свете фонарей снег.

Усталость навалилась на тело, но мысли были удивительно светлыми. Он приехал домой и стал представлять, как уже завтра поедет к Мархе. Представлял, как дождётся её у гимназии , как подойдёт, больше не пряча глаз, и признается ей в своих чувствах.

Он расскажет ей всё как есть, от первого до последнего слова, потому что между ними не должно быть тайн. Амир улыбнулся, думая о том, что об этой всей истории с Линдой и её капканом он забудет как о страшном сне. Всё позади. Правда у него в руках, друзья рядом, а впереди — только Марха и её музыка. С этими тёплыми мыслями Амир наконец-то уснул глубоким, спокойным сном.

Он даже не догадывался, что в эту самую минуту во дворе его дома, прямо под окнами, бесшумно затормозила неприметная машина. Фары погасли. Сидящий за рулём человек в тёмной куртке достал телефон, сверил присланный Айзой номер черного седана с тем, что стоял на парковке.

Человек в тёмной куртке бесшумно скользнул в тёмный подъезд. Он поднимался по ступеням легко и плавно, словно тень, не издав ни единого шороха. Остановившись перед дверью квартиры Амира, он на секунду замер, прислушива-

ясь к мёртвой тишине, царившей внутри.

Затем он достал из кармана набор тонких инструментов. Его движения были отточены до автоматизма годами опасной криминальной работы. Инструменты мягко вошли в скважину, раздался едва слышный, едва уловимый щелчок — и человек беззвучно и профессионально открыл замок двери.

Дверь медленно, без единого скрипа приоткрылась.

Нападающий бесшумно скользнул в спальню. Амир спал глубоким, спокойным сном после нескольких суток невыносимого напряжения. Профессионал Айзы не собирался устраивать шумных разборок — его главной задачей было полное уничтожение компромата

В блёклом свете уличного фонаря, пробивающемся сквозь штору, он сразу заметил мобильный телефон, лежавший на прикроватной тумбочке. Мужчина осторожно, не издав ни звука, приблизился к кровати, протянул руку в тонкой перчатке и аккуратно взял аппарат.

Поскольку телефон был защищён графическим ключом, исполнитель Айзы действовал по заранее подготовленному алгоритму. Из внутреннего кармана куртки он достал компактное портативное устройство — специальный электронный скремблер, генерирующий мощный направленный электромагнитный импульс. Он прижал прибор прямо к корпусу смартфона и нажал кнопку. В темноте пала тихая искра, экран телефона на секунду вспыхнул белым шумом и навсе-

гда погас.

Микросхемы памяти внутри аппарата мгновенно выгорели, превратив диктофонную запись Линды в бесполезный цифровой пепел. Для надёжности он извлёк SIM-карту и карту памяти, сломав их пополам.

Сделав своё дело, человек беззвучно вернул мёртвый телефон на тумбочку. Он ещё раз посмотрел на спящего Амира, убедился, что тот ничего не услышал, и так же бесшумно, словно тень, покинул квартиру, профессионально заперев за собой замок.

Когда на следующее утро Амир проснулся от ярких солнечных лучей, у него на душе всё ещё было тепло от мыслей о Мархе. Он с улыбкой потянулся к тумбочке, чтобы проверить телефон и наконец созвониться с Асланом и Тимуром. Но экран аппарата оставался абсолютно чёрным и ледяным, не реагируя ни на какие нажатия.

Внутри Амира всё похолодело. Он ещё не знал, что его главное оружие против Айзы уничтожено, а спасительный сон превратился в начало нового, ещё более опасного витка этой истории.

Амир лихорадочно нажимал на кнопку включения, но экран телефона оставался безжизненным и холодным. Он попробовал поставить его на зарядку — никакого эффекта. Внутри всё заледенело. Взгляд Амира упал на замочную скважину входной двери, затем на тумбочку… Внимательно присмотревшись, он заметил на полу крошечные пластико-

вые осколки. Это были остатки его SIM-карты и карты памяти.

В этот миг до него дошёл весь ужас произошедшего. В его квартире ночью кто-то был. Действовали ювелирно, беззвучно, профессионально. Они не тронули его самого, им нужен был только компромат Айзы . И они его уничтожили.

Вся его вчерашняя ночная уверенность рассыпалась в прах. Вчера по той же самой причине, что Амир не написал ребятам, он не написал и Мархе. Было слишком поздно. А потом он и вовсе решил, что сначала поставит жирную точку в этой истории, и потом сам, с глазу на глаз, всё расскажет Мархе.

Он так красиво всё распланировал в своей голове, засыпая с её чистым образом перед глазами. Он думал, что кошмар закончился. А теперь всё это кануло в небытие.

Запись Линды стерта . Последнее вещественное доказательство его невиновности превратилось в цифровой пепел. Хава спрятана в горах, её мать Айза полностью контролирует больницу, Ислам ждет ответа , а Мархa… Марха теперь окончательно решит, что он подлец, который сбежал от своего обещания написать.

Амир сидел на кровати, сжимая кулаки так, что забинтованная рука отозвалась резкой болью. Без телефона, без связи, без единой улики на руках, он оказался в абсолютном вакууме. Но ярость, вспыхнувшая внутри него, была сильнее отчаяния. Ему нужно было срочно выбираться из квартиры,

искать Аслана и Тимура.

Война против Айзы и её криминального прошлого вышла на новый уровень, и теперь ему придётся драться без правил.

Амир быстро оделся и буквально выскочил на улицу. Запрыгнув в салон автомобиля, он резко повернул ключ — мотор завелся с пол-оборота. Не дав двигателю нормально согреться в это морозное осеннее утро, он резко дернулся в путь, выжимая газ.

Но Грозный встретил его опасным сюрпризом: за ночь гололёд намертво сковал движение на дорогах. Все машины ехали предельно медленно и осторожно, но Амир был слишком взвинчен. От резких движений руля его автомобиль пару раз опасно занесло на скользком асфальте, но он упрямо продолжал давить на педаль, пытаясь прорваться сквозь поток к дому Аслана.

Однако по мере того, как колеса крутились по обледенелой трассе, его мысли наконец начали проясняться, а пелена паники спадать.

Перед глазами всплыли детали: ювелирно вскрытый замок, уничтоженная скремблером память телефона, ледяной тон Айзы. И вдруг Амир четко и ясно осознал: он столкнулся с настоящей, профессиональной и смертельно опасной бандитской разборкой.

Айза включила свои старые криминальные связи из прошлого, и против него играют люди, для которых человеческая жизнь ничего не стоит.

Вслед за этим открытием пришло второе, еще более болезненное осознание: он не имеет права втягивать в этот криминальный ад своих друзей. Аслан и Тимур — честные, благородные ребята, они пошли за ним ради мужской чести и справедливости, но подставлять их под пули наемников Айзы из-за своих ошибок Амир не мог. Это было бы малодушием.

От этой внезапной, оглушительной мысли он резко нажал на тормоз прямо посреди дороги.

На глухом гололёде автомобиль мгновенно потерял сцепление с дорогой. Машину опять сильно повело боком, немного занесло, и она с глухим, отчетливым стуком задела впереди ехавший автомобиль.

Черный седан Амира замер, уткнувшись бампером в чужое крыло.

В салоне воцарилась тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием Амира.

Ситуация завязалась в самый страшный узел: он посреди обледеневшей дороги, без связи, только что совершил аварию, за его спиной охотятся профессиональные преступники Айзы, а ехать к единственным друзьям ему теперь запрещала собственная совесть.

За рулём пострадавшей машины оказался молодой парень, чеченец, который, оценив ситуацию и общую суматоху на обледенелой дороге, с пониманием вошёл в положение Амира. Видя, что повреждения пустяковые, а сам Амир

сильно взволнован, парень повёл себя по-мужски благородно. Они не стали вызывать ни инспекторов, ни страховщиков, чтобы не перекрывать и без того парализованное гололёдом движение.

Амир дал ему свои данные и взял номер парня, записав его на клочке бумаги. Они договорились, что как только тот доедет до сервиса и ему оценят ущерб, Амир сразу же привезёт нужную сумму наличными.

Чтобы окончательно снять все вопросы и объяснить свою рассеянность, Амир ещё и показал ему свой сдохший телефон, наглядно продемонстрировав, что остался в это утро без связи и возможности нормально ориентироваться. Парень понимающе кивнул, пожелал удачи на дороге, и они разъехались.

Оставшись один в салоне автомобиля, Амир медленно поехал дальше, держась в крайнем ряду. Встреча с этим отзывчивым парнем немного вернула ему самообладание, но главная, суровая мысль жгла разум: он наедине с бандитской разборкой Айзы и не имеет права подставлять Аслана и Тимура.

Он ехал, всматриваясь в зеркало заднего вида, и внезапно принял новое решение. Раз друзьям звонить нельзя, а телефон мёртв — ему нужно было срочно купить мобильник и восстановить СИМ карту. Ему была нужна связь, чтобы хотя бы дождаться звонка от пострадавшего в ДТП парня и расплатиться.

Амир припарковал машину возле ближайшего официаль-

ного офиса своего мобильного оператора. Внутри него теплилась отчаянная надежда: если он сейчас восстановит SIM-карту, к нему вернётся его прежний номер, он сможет зайти в свои резервные копии или облачное хранилище, и, возможно, аудиозапись Линды продублировалась туда автоматически.

Он зашёл в салон связи, подошёл к менеджеру и показал сломанные пополам кусочки пластика:

— Салам алейкум. Мне нужно срочно восстановить SIM-карту. Телефон ночью сломался, чип повреждён.

Молодой сотрудник за стойкой вежливо кивнул:

— Ваалейкум ассалам. Да, конечно, без проблем. Пожалуйста, ваш паспорт. Номер оформлен на вас?

Амир полез в карман за паспортом, и в этот момент его рука внезапно застыла. Внутри всё оборвалось.

Этот номер... Московский номер, которым он пользовался последний год, был оформлен не на него. Когда они только начинали встречаться, эту престижную «золотую» SIM-карту с красивым сочетанием цифр ему подарила Линда. Договор на оказание услуг связи был оформлен на её имя, ну или на имя её матери, Айзы . В Москве Амир как-то не задумывался об этом, ведь он просто исправно платил за связь.

А по строгим законам и правилам безопасности сотовых операторов в России, выдать дубликат карты могут исключительно законному владельцу паспорта, на которого оформлен договор, либо человеку с нотариальной доверенностью .

Сотрудник салона посмотрел в базу данных компьютера, сверил данные и сочувственно покачал головой.

— Извините, брат, но я не могу выдать вам карту. Этот номер зарегистрирован на женщину. Без её личного присутствия с паспортом восстановить эту SIM-карту технически и юридически невозможно.

Амир медленно вышел из салона связи на морозный осенний воздух, и хлопья мокрого снега снова начали падать ему на лицо. Ловушка Айзы и её криминального прошлого оказалась ещё более продуманной и изощрённой, чем он думал на дорогах .

Айза знала, что даже если Амир попытается восстановить симку, у него ничего не выйдет, потому что юридически номер принадлежал их семье . Он остался без старого номера, без записи и без возможности доказать кому-либо свою правоту.

Ему ничего не оставалось, кроме как вернуться к стойке, быстро купить новый надежный смартфон из тех, что были на витрине, и оформить на свой паспорт совершенно новую, чистую SIM-карту.

Теперь у него в руках был работающий аппарат, но внутри него царила абсолютная пустота. Этот номер телефона никто не знал.

У Амира не было возможности восстановить из облака список контактов, ведь для авторизации система требовала код, подтверждения на тот самый старый, заблокированный

московский номер. Он не помнил наизусть цифры номеров Аслана и Тимура, и уж тем более не знал наизусть номер Мархи — они ведь только-только познакомились.

Он сел в машину, положил включенный телефон на пассажирское сиденье и крепче сжал руль. Связь с миром вернулась, но он по-прежнему оставался в полной изоляции.

Единственный номер, который он сейчас помнил наизусть, записанный на клочке бумаги в его кармане — это был номер того самого молодого парня, которого он утром задел на гололёде.

Амир медленно вёл автомобиль по заснеженному Грозному, крепко сжимая руль забинтованной рукой.

Мысли о Мархе он силой заставил отступить на второй план — сейчас было не время для личных признаний и романтики, пока над ним висела эта смертельная угроза . Ему нужно было действовать, и действовать жёстко.

В голове Амира крутилась одна единственная, навязчивая мысль: он должен снова встретиться с Линдой.

Запись уничтожена, но сама Линда — жива. Она всё ещё оставалась главным и единственным свидетелем, который мог подтвердить его невиновность .

Раз её мать Айза пошла на криминальный налёт, значит, они панически боятся, что вся эта грязная история выплыве-
Линда вчера в реанимации плакала и просила прощения, её мучила совесть на фоне смертельной болезни. Амир понимал: если он сможет ещё раз пробраться к ней без свидете-

лей, он заставит её подтвердить свои слова, но на этот раз он сразу запишет видео или добьётся, чтобы она сама во всём призналась брату Исламу.

Но как это сделать? Второго шанса Айза ему не даст. После его вчерашнего визита охрана в реанимации наверняка усилена, а сама Айза или тётя теперь караулят Линду посменно, не отходя от кровати ни на секунду . Прийти туда открыто в рабочее время — значит сразу нарваться на скандал и звонок Исламу.

Амир остановил машину у обочины, недалеко от больничного городка, и внимательно посмотрел на часы. Дождаться темноты? Найти обходной путь через врачей? Или использовать то, что Айза уверена в своей полной победе после уничтожения его телефона?

Он сидел в салоне, лихорадочно просчитывая каждый шаг, зная, что цена ошибки теперь — его собственная жизнь .

Амир сидел в машине, глядя на падающий снег, и его сердце разрывалось от боли. Больше всего на свете он думал о том, как обезопасить друзей. Аслан и Тимур — люди чести, они так просто не оставят его в беде и пойдут до конца, если узнают про ночной налет. Но рисковать их жизнями в этой грязной бандитской разборке Айзы он не имел права.

В голову не приходило абсолютно ничего, кроме одной горькой, тяжелой лжи. Чтобы выключить ребят из игры и спасти их, Амир принял решение: он скажет им, что смирил-

ся и решил, что будет правильно жениться на Линде.

А насчёт Мархи скажет со всей напускной холодностью, что, в принципе, они не так давно знакомы и между ними ничего серьезного не было. Это было чудовищно трудно, но это был единственный способ заставить Аслана и Тимура отступить и не подставляться под пули наемников.

С этой тяжелой мыслью Амир позвонил тому парню:

— Салам алейкум, брат, — спокойно начал Амир, когда в трубке ответили. — Это Амир, который утром задел твою машину на гололёде. Это мой новый номер, запиши его. Я звоню узнать, доехал ли ты до сервиса? Сколько насчитали мастера? Я готов привезти деньги.

На том конце провода молодой чеченец ответил уважительно и вежливо:

— Ваалейкум ассалам, Амир. Да, я как раз только что из бокса вышел. Мастера посмотрели крыло, сказали, тут ремонта и покраски ровно на пятнадцать тысяч рублей.

— Хорошо, я сейчас подъеду и отдам всю сумму, — быстро сказал Амир. — Скинь мне адрес сервиса сообщением.

Амир нажал отбой, завёл двигатель и поехал по указанному адресу.

Через полчаса он припарковался у автосервиса на окраине района. Молодой парень уже ждал его на улице, прохаживаясь у своей задетой машины. Они обменялись крепким мужским рукопожатием.

— Салам алейкум. Меня Муса зовут, — представился па-

рень.

— Ваалейкум ассалам. Амир, — ответил он, доставая из кармана приготовленные деньги. — Вот, здесь ровно пятнадцать тысяч, как договаривались. Ещё раз баркалла, Муса, что вошёл в положение и по-человечески всё решил на дороге.

Муса взял деньги, пересчитал и кивнул с уважением:

— Дела реза хийла, Амир. Всё чётко. Слушай, ты утром про реанимацию спрашивал в хирургическом корпусе. У тебя там кто-то близкий лежит?

-Там лежит моя девушка, Муса, у тебя есть там знакомые?

— Знаешь, Амир… Твой утренний сдохший телефон и эта авария — точно знак от Всевышнего. Я сам учусь в медицинском институте и прямо сейчас прохожу практику именно в этой больнице, как раз в отделении хирургии и интенсивной терапии!

Амир даже подался вперёд от неожиданности и продолжил, понизив голос:

— Но её родственники категорически против наших отношений. Они караулят её палату и никого из посторонних не подпускают. Мне просто жизненно необходимо тайно её увидеть, поговорить с ней буквально пять минут без лишних глаз.

Муса, будучи молодым парнем, сразу проникся этой историей. В его глазах вспыхнуло чистое мужское понимание — дела сердечные и строгие запреты родственников в Чечне

были делом знакомым.

— Понимаю тебя, брат, — серьёзно ответил Муса. — Раз такое дело, я помогу. Завтра утром у нашей группы как раз начинается очередная смена в том крыле. Я найду для тебя лишний белый халат и медицинскую маску. Проведу тебя через служебный вход вместе с практикантами, охрана даже не глянет. Как раз во время утреннего обхода врачи отвлекут её мать в коридоре, и у тебя будет время зайти в третью палату.

Они детально обсудили план на завтрашнее утро, пожали друг другу руки, и Амир вернулся в свой автомобиль. Первая часть задачи была решена. Но теперь на его пути стояло последнее, самое страшное и горькое дело на сегодня — встретиться с Асланом и Тимуром, чтобы хладнокровно соврать им в лицо и навсегда вывести братьев из-под смертельного удара бандитских разборок Айзы .

Они встретились в том же небольшом ресторане, где ещё недавно сидели вместе с Асланом. Но на этот раз за столом царила совсем другая атмосфера.

Амир сидел напротив друзей с абсолютно холодным, непроницаемым лицом. Он выложил на скатерть свой новый, пустой смартфон, коротко объяснив, что старый сломался, и сразу же пошёл в лобовую атаку, не давая ребятам вставить ни слова.

— Парни, я всё обдумал, — глухо, но твёрдо произнёс Амир, глядя куда-то мимо них. — Нам нужно прекратить эти поиски Хавы. Я смирился. Подумал и решил, что будет

правильно жениться на Линде. От ответственности я бегать не буду. А насчёт Мархи... Ну, в принципе, мы ведь не так давно знакомы. Там ничего серьёзного и не было. Просто мимолётная встреча.

Аслан и Тимур застыли, поражённые этой внезапной, дикой переменой. Ещё вчера на даче в горах Амир сокрушался, разбивал кулаки в кровь и клялся, что не поддастся на ложь Айзы ради чистого образа Мархи. А теперь он сидел перед ними — чужой, отстранённый, добровольно надевающий на себя брачный капкан.

Аслан хмурился, чувствуя, что здесь кроется какая-то тайна, а Тимур просто молча смотрел на Амира, внутри которого всё кричало от боли за эту вынужденную ложь, спасающую жизни друзей .

Разговор не затянулся. Амир сослался на дела и уехал первым, оставив ребят в полном недоумении.

Глава 9

Тимур ехал в своей машине по заснеженному Грозному. Он крепко сжимал руль, а в его голове роем кружились тяжёлые, путаные размышления. На душе было скверно. Долгие годы за границей отучили его от таких резких и сложных человеческих узлов.

«Я ведь уступил ему...» — думал Тимур, всматриваясь в обледенелую дорогу. Он посчитал тогда, что его собственные чувства к Мархе не так достойны быть, как глубокие, выстраданные чувства Амира. Амир казался ему настоящим мужчиной, готовым умереть за неё. А оказалось, что для Амира всё это было не так серьёзно! Просто мимолётное увлечение, от которого он так легко отказался ради Линды.

У Тимура всё это никак не укладывалось в голове, мысли не клеились. В его разуме то и дело всплывали воспоминания о том, как трогательно тогда на даче Амир рассказывал о Мархе, как бережно хранил её образ в сердце у камина. Не мог человек так притворяться. Но сухие, равнодушные слова Амира в ресторане разбивали эту уверенность вдребезги. Тимур чувствовал себя обманутым, но больше всего его ранила мысль о самой Мархе, которая сейчас сидела в гимназии и даже не подозревала, что её снова предали.

Тимур резко развернул машину прямо посреди проспекта, выкрутив руль на скользком асфальте, и поехал к Мархе.

Внутри него кипела буря. Ему хотелось немедленно увидеть её, защитить, оградить от той грязи, которую вылил на их общее прошлое Амир.

Но по мере того как автомобиль приближался к её кварталу, скорость Тимура падала. Внезапно он вспомнил, что ему скоро уезжать и его ждёт Эмма. За границей осталась его налаженная, понятная жизнь. Там, в Европе, всё было устроено, и Эмма ждала его возвращения.

Тимур сжал руль до побелевших костяшек. Ведь в тот вечер, после побега Мархи из ресторана, он тогда почти был готов поставить отношения с Эммой на паузу, остаться в Чечне подольше и всерьёз рассмотреть свои чувства к Мархе. Ему казалось, что детская привязанность перерастает во что-то огромное и настоящее.

Но после знакомства с Амиром, после его честного, пронзительного рассказа на даче у камина, Тимур проявил мужское благородство. Он признал, что Амир достоин её больше, и закрыл на ключ для себя эту тему. Он смирился с ролью простого друга детства.

А теперь, после этих новых признаний Амира, когда тот цинично назвал Марху «мимолётным знакомством», этот ключ буквально срывался с замка. Запрет, который Тимур сам на себя наложил, перестал действовать. Раз Амир выходит из игры и выбирает Линду, значит, Марха снова свободна. И Тимур имеет полное право бороться за неё, даже если для этого придётся перечеркнуть всё, что связывало его

с Эммой.

Машина Тимура медленно затормозила у обочины в паре кварталов от гимназии Мархи. Он заглушил мотор и остался сидеть в темноте салона, глядя на падающий снег. Ключ сорван, но готов ли он прямо сейчас ворваться в её жизнь с этой грязной новостью про Амира?

Тем временем ночь опустилась на Грозный. Амир в своей пустой квартире не спал, проверяя карманы куртки. Наступал четверг — решающее утро, когда студент-практикант Муса должен был тайно провести его в реанимацию к Линде за последней, единственной правдой.

Этим утром Мархa проснулась с удивительным чувством облегчения.

Зимнее солнце робко пробивалось сквозь морозные узоры на окнах, освещая её тихую комнату. Она встала, подошла к инструменту и посмотрела на аккуратно исписанные нотные листы.

Вчера ночью, ведомая той щемящей, величественной мелодией из её заснеженного двора, она наконец-то полностью перевела свою пьесу в ноты. Музыка, которую она так долго не могла завершить, была закончена. В ней больше не было боли от недосказанности с Тимуром — эта пьеса дышала чем-то новым, чистым и бесконечно глубоким.

Марха бережно собрала листы. Она знала, для кого звучала эта музыка в её голове.

Вопреки всем своим строгим логическим решениям

«больше не думать об Амире», её женское сердце отказывалось верить в его равнодушие. Она вспомнила его бледное лицо, его забинтованную руку и то, с какой пронзительной нежностью он почти трижды произнёс её имя. «Я напишу… прости» — эти его последние слова всё ещё эхом отзывались в её душе.

Она взяла телефон. Вчера на её новый, рабочий мобильный пришло уведомление о пропущенном вызове с незнакомого номера, но когда она перезванивала, телефон был выключен. Мархa почему-то была уверена, что это был именно он, Амир, который остался без связи в круговороте своих сложных обстоятельств.

Накинув светлый палантин, она взяла термокружку с горячим чаем, готовые ноты в сумке — Мархa вышла из дома, чувствуя странное, необъяснимое волнение.

В это морозное утро четверга она шла на работу в гимназию с твёрдым предчувствием того, что сегодня их судьба должна окончательно решиться. Она абсолютно не подозревала, что Тимур уже сорвал свой внутренний замок и ищет встречи с ней, а сам Амир в эту самую секунду паркует машину у больничного городка, готовясь пойти на смертельный риск ради её доверия.

Амир припарковал автомобиль в паре кварталов от больничного городка и быстрым шагом направился к условленному месту — неприметной арке между боксами автосервиса и хозяйственным блоком клиники. Утренний морозный

воздух обжигал лёгкие.

Муса уже ждал его. В руках у молодого человека был плотный тёмный пакет.

— Салам алейкум, Амир, — негромко произнёс студент, оглядываясь по сторонам. — Всё в силе. Обход начнётся через десять минут. Вот, переодевайся прямо здесь.

Амир быстро накинул поверх куртки белый медицинский халат, нацепил на лицо стандартную защитную маску и спрятал забинтованную правую руку в глубокий карман.

Муса критически осмотрел его, поправил воротник и удовлетворённо кивнул:

— Отлично. Внешне от старшекурсников-практикантов не отличить. Главное — иди уверенно, смотри в пол или в планшет, если кто-то пройдёт мимо. Держись рядом со мной.

Они беззвучно миновали пост охраны у служебного входа для персонала.

Муса коротко махнул охраннику своим студенческим билетом, и тот, даже не подняв глаз от разгадываемого кроссворда, лениво нажал кнопку турникета. Они вошли в пахнущий антисептиками хирургический корпус и поднялись по длинной лестнице на второй этаж, прямиком к отделению интенсивной терапии.

У Амира бешено колотилось сердце. Он помнил: у него есть всего несколько минут, пока профессура и лечащие врачи отвлекают Айзу в коридоре. Он должен войти в третью палату, заставить Линду повторить слова под запись или вы-

ведать координаты Хавы.

Муса сделал знак рукой, показывая, что путь чист. Профессорский обход как раз сгрудился у соседней ординаторской, громко обсуждая историю болезни какого-то пациента. Айза, судя по всему, отошла вместе с ними, чтобы задать вопросы.

Амир плавно отделился от группы студентов, сделал три быстрых шага, решительно толкнул белую пластиковую дверь с цифрой «3» и мгновенно запер её за собой изнутри.

Но вместо писка мониторов и бледного лица Линды его встретила оглушительная, мертвая тишина.

Палата была абсолютно пустая.

Кровать была идеально заправлена чистым белоснежным бельем. Все капельницы, аппараты искусственной вентиляции и кардиомониторы были отключены и аккуратно отодвинуты к стенам. Никаких вещей, никаких следов присутствия человека. Линда исчезла.

Амир застыл посреди стерильной комнаты, чувствуя, как внутри него всё обрывается и летит в бездонную пропасть. Дикое, сокрушительное разочарование парализовало его.

Айза снова переиграла его, сработав на опережение. Понимая, что после вчерашнего разоблачения Линда может сломаться под давлением совести, её криминальная мать просто тайно вывезла тяжелобольную дочь из клиники под покровом ночи. Последний шанс Амира докопаться до истины и очистить своё имя испарился вместе с этой пустой

больничной койкой.

Вдруг в дверь палаты негромко, но настойчиво постучали снаружи. Это был Муса, подающий сигнал, что оставаться здесь больше нельзя — обход приближался.

В это же самое утро в доме тёти Линды царила не менее напряжённая атмосфера. Ислам ходил по залу из угла в угол, хмурый и раздражённый. Он уже в который раз прямо спрашивал мать, когда наконец окончательно решится вопрос со свадьбой и когда Амир ответит за свои поступки перед их родом. После случая в больнице, когда Амир взял Линду на руки, Ислам не находил себе места от злости и требовал немедленных, решительных шагов.

Но Айза уже проинструктировала сестру, и мать пока успокоила Ислама, сославшись на тяжёлое здоровье Линды.

— Ислам, сынок, успокойся, ради Аллаха, — примирительно говорила тётя, подливая ему чай. — Ты же слышал, что сказал врач. У Линды серьёзный порок сердца, она сейчас в реанимации на аппаратах . Любое потрясение, любые разборки и шум могут её просто убить. Амир никуда не денется, он взял на себя ответственность. Пусть девочка сначала придёт в себя, встанет на ноги, и тогда мы официально соберём старших и закроем этот вопрос. Сейчас главное — её жизнь.

Ислам тяжело вздохнул и сжал кулаки, но вынужден был отступить перед доводами матери. Против болезни сестры он был бессилен.

Он не знал, что пока мать усыпляла его бдительность этими речами, Линду под покровом ночи уже тайно вывезли из больницы по приказу Айзы. Заговорщицы умело использовали горячий нрав Ислама как щит, но саму Линду держали подальше от него, боясь, что она в любой момент может расколоться и выдать их криминальное московское прошлое и долги .

Тем временем Амир, бледный как полотно, вышел из пустой третьей палаты. Муса быстро увёл его по служебной лестнице вниз, подальше от профессорского обхода. Оказавшись на морозном воздухе за корпусами больницы, Амир стянул маску и тяжело задышал.

Капкан Айзы захлопнулся намертво. Линда исчезла, Хава спрятана, Ислама кормят ложью про «тяжёлое состояние», а Амир остался без единой улики. И теперь, посреди этой заснеженной среды, у него оставался только один путь — ехать к той, ради которой его сердце продолжало биться вопреки всему этому аду.

Тимур не смог больше сдерживать бурю, бушевавшую внутри. Запретный замок, который он сам наложил на свои чувства, был окончательно сорван словами Амира .

Утром в четверг он припарковал машину у ворот гимназии и, набрав номер Мархи, попросил её срочно выйти на улицу всего на пару минут.

Марха, удивлённая его внезапным появлением и встревоженным голосом, накинула плащ и спустилась на крыльцо.

На улице кружились редкие хлопья первого снега.

Когда она подошла, Тимур посмотрел на неё взглядом, полным отчаяния и проснувшейся мужской нежности.

Он не стал ходить вокруг да около и заговорил быстро, горячо, боясь, что она уйдёт:

— Марха, выслушай меня, пожалуйста! Я знаю, что совершил глупость в том ресторане с английским языком, знаю, что обидел тебя . Но я должен сказать... Ещё в Москве, когда я только собирался лететь на родину, я действительно думал о тебе только как о подруге детства. Просто тёплые воспоминания из прошлого . Но всё изменилось, когда мы встретились здесь, в Грозном. Когда ты показывала мне город, когда твои глаза светились гордостью за наши улицы... Когда мы сидели в кафе, и я смотрел на тебя — я вдруг понял, что той маленькой девочки больше нет. Перед всеми этими годами за границей и перед Эммой я вдруг ясно осознал: моя настоящая жизнь, моё сердце — они остались здесь, с тобой .

Марха застыла, потрясённая его внезапным, искренним признанием. Музыка в её голове, которая ещё утром звучала так чисто и завершённо вдруг тревожно оборвалась на высокой ноте.

Тимур сделал шаг ближе, протягивая к ней руки:

— Я готов отменить своё возвращение в Европу, Марха! — взволнованно продолжал Тимур, делая шаг ближе . — Вчера мы с моим двоюродным братом Асланом сидели в ресторане с тем самым архитектором, Амиром. Оказывает-

ся, Аслан его близкий товарищ . И когда я заговорил о тебе, Амир сам, своими губами сказал нам, что между вами ничего не было! Он назвал вашу встречу «мимолётным знакомством», от которого он легко отказывается, потому что прямо сейчас женится на своей московской невесте Линде! Он сам вышел из игры, Марха! Дай мне один единственный шанс всё исправить .

В этот самый момент к обочине у ворот гимназии с тихим шуршанием колес по обледенелой дороге припарковался автомобиль Амира. Амир, только что переживший крах в пустой реанимации , вышел из салона, на ходу снимая маску, и замер как вкопанный.

Через кованые прутья забора он отчетливо увидел их двоих. Тимур стоял перед Мархой, взволнованно признаваясь ей в любви, а Марха смотрела на него, держа в руках сумку с той самой музыкальной пьесой, которую она написала этой ночью ради Амира .

Амир стоял у кованого забора, и каждое слово Тимура доносилось до него сквозь морозный воздух, словно удары наотмашь. Он видел взволнованное лицо друга детства Мархи, видел её саму — хрупкую, замершую под падающим мокрым снегом.

А потом он услышал то, что окончательно выбило почву у него из-под ног. После небольшой, мучительной для Амира паузы, Марха тихо, но отчётливо произнесла:

— Тимур, я тоже…

Дальше этого слышать Амир не мог. В его сознании эти три слова прозвучали как окончательный, беспощадный приговор. Вся его борьба, ночной налёт на квартиру, пустая палата реанимации и дикое желание защитить друзей и сохранить её доверие — всё это в один миг потеряло всякий смысл.

Он решил, что Марха ответила Тимуру взаимностью, выбрав своё чистое прошлое вместо запутавшегося в грязной лжи Амира.

Развернувшись, он бросился прочь, почти не разбирая дороги, стремясь только к одному — скрыться, исчезнуть из этого двора, где его сердце только что было разорвано на части.

А Марха, совершенно не подозревая, что Амир был в шаге от неё и слышал этот обрывок фразы, продолжала стоять перед Тимуром. Она сделала вдох и спокойно продолжила:

— …тоже не должна была на тебя обижаться в тот вечер. Просто всё это вышло слишком неожиданно.

Она мягко, но решительно отступила на шаг назад, давая Тимуру понять, что её слова — вовсе не признание в любви, а лишь прощение старого друга детства .

— Тимур, выслушай меня, — тихо, но со стальной девичьей гордостью заговорила она, удерживая края своего светлого палантина.

— Я благодарна тебе за эти слова и за то, что ты ценишь наше детство . Но то, что ты сейчас сказал про Амира… Моё

сердце отказывается верить в эту ложь . Я видела его глаза два дня назад, у своего подъезда. Мужчина не может так смотреть на девушку, если для него это «мимолётное знакомство» . У него случилась беда, я это чувствую. И даже если он действительно женится на этой Линде — значит, его вынудили обстоятельства, о которых мы ничего не знаем. Но это не значит, Тимур, что моё сердце свободно для кого-то другого. Прости. Мне пора на уроки.

Она сдержанно кивнула уничтоженному её отказом Тимуру, развернулась и быстрыми шагами направилась к дверям гимназии, крепко прижимая к груди сумку с нотами своей новой, законченной под снегом пьесы .

Ключ, который Тимур сорвал со своего сердца, оказался бесполезен — Мархa закрыла эту дверь сама, оставшись верной Амиру даже в момент его полного исчезновения.

Амир тем временем добежал до своей машины, резко рванул дверцу и упал на водительское сиденье. Его забинтованная рука дрожала, а в голове эхом стояло это страшное: «Тимур, я тоже…». Он нажал на газ, уезжая от гимназии в полную неизвестность, абсолютно не зная, что Мархa только что защитила его честное имя и отказала сопернику.

Мархa взволнованно забежала в пустой класс гимназии, тяжело дыша от переполнявших её эмоций. Она сбросила плащ прямо на стул, даже не поправив палантин, и стремительно села за инструмент, открывая крышку пианино.

Слова Тимура о решении Амира жениться на Линде эхом

отзывались в её голове . Марха не винила Тимура — она видела, с какой искренностью и душевным смятением он говорил с ней, как сильно он переживал за неё. Но её музыкальное сердце отказывалось верить в то, что Амир мог так легко назвать их встречу «мимолётным знакомством» . Вся эта недосказанность, утренний морозный снег и образ Амира у её подъезда слились в один мощный, неудержимый поток .

Она положила руки на клавиши, и класс наполнился первыми, пронзительными аккордами её новой пьесы, которую она завершила этой ночью.

Теперь музыка звучала иначе. Строгая зимняя мелодия вдруг взорвалась пассажами, полными невыносимой душевной боли, гордости и отчаянной веры. Это была настоящая битва в звуках — её душа выплёскивала всё то неведение, в котором она находилась, защищая свои чувства перед несправедливостью этого мира .

Пианино ревело и плакало под её руками, заполняя звуками этой прекрасной новой пьесы весь коридор гимназии.

В это же время Амир в полубессознательном состоянии от пережитого шока гнал свой автомобиль прочь от гимназии. В его ушах намертво застрял оборванный финал её фразы: «Тимур, я тоже…» . Последний смысл бороться с бандитским капканом Айзы исчез. Он был уверен, что потерял Марху навсегда, абсолютно не зная, что в эту самую секунду она играет свою лучшую музыку ради него.

Он выехал на окраину города и затормозил у Черноречен-

ского водохранилища — в том самом месте, где они ночью стояли с ребятами, всматриваясь в тёмную мглу.

Амир вышел из машины. Ледяной осенний ветер мгновенно обжёг лицо, срывая редкие хлопья мокрого снега. Он подошёл к бетонному парапету набережной и посмотрел на свинцовую, холодную воду.

Внутри него была такая же мёртвая, леденящая пустота.

Забинтованная рука глухо поднывала , но эта физическая боль была ничем по сравнению с той, что разрывала грудь. Зачем теперь бороться? Зачем доказывать Исламу, что его опоили, если та, ради которой он был готов пойти против бандитского клана Айзы, выбрала другого? Мир казался чудовищно, невыносимо несправедливым.

Он достал из кармана свой новый, пустой смартфон. Тот безмолвно светился в его ладони. Ни одного контакта, ни одного сообщения. Полная изоляция, в которую он сам себя загнал, чтобы обезопасить друзей.

Амир ни единой секундой не винил Тимура. Наоборот, он всё прекрасно понимал. Он ведь видел своими глазами, как искренне и глубоко Тимур был неравнодушен к своей подруге детства, и как благородно он тогда, на даче у камина, переступил через себя и уступил дорогу Амиру.

Амир отчётливо осознавал: если бы он сам вчера в ресторане жестоко не соврал и не сказал, что Марха ему не так уж и важна, то Тимур никогда в жизни не позволил бы себе сделать к ней даже шаг . Тимур пошёл к ней только потому, что

решил, будто Марху цинично бросили. И то, что Амир принял за предательство, на самом деле было чистым и честным порывом Тимура защитить девушку.

От этого осознания Амиру стало ещё тяжелее: он сам, своей вынужденной ложью, запустил это колесо, и винить ему, кроме самого себя и капкана Айзы, было абсолютно некого.

Амир стоял у бетонного парапета Чернореченского водохранилища, подставив лицо ледяному осеннему ветру . Внутри него бушевала буря, но мысли постепенно становились кристально и страшно ясными. Забинтованная рука ныла от холода .

Он остался один на один со своей бедой. Запись стёрта , Линда в реанимации под замком матери , друзья выведены из-под удара его собственной ложью , а Мархa… Мархa теперь строит свою жизнь с тем, кто готов быть рядом без тайн и загадок. Смысла метаться по городу больше не было. Выход оставался только один — мужской, прямой и смертельно опасный.

Амир медленно повернулся, сел в машину и завёл двигатель. Он больше не собирался прятаться. Раз его лишили всех доказательств, он вернётся к тому, с чего всё началось. Он поедет прямо к Исламу. Он расскажет ему всё в лицо — про Айзу, про контрабандное прошлое её матери, про снотворное в чае и про ночной визит наёмника .

Пусть Ислам не поверит, пусть схватится за оружие, но Амир встретит эту бурю с открытым забралом, как подобает

мужчине, которому больше нечего терять.

В это же время в тихом классе гимназии Марха закончила играть последние, оглушительные аккорды своей новой пьесы Звуки пианино медленно растаяли в полумраке коридора. Она опустила руки на колени, тяжело дыша. Музыка забрала всю её слабость, оставив только звенящую, непреклонную уверенность.

Она посмотрела на свои нотные листы и твёрдо решила: она найдёт способ узнать, что на самом деле произошло с Амиром.

А черная машина Амира тем временем уже уверенно двигалась по обледенелому проспекту в сторону дома Ислама, приближаясь к точке невозврата.

Амир не знал, что за ним весь день, не отставая ни на метр по обледенелым улицам, следовал неприметный автомобиль преследователей . Профессионал, нанятый Айзой, четко выполнял приказ своей ледяной хозяйки: стереть запись и полностью изолировать Амира от родственников Линды .

Как только Амир затормозил у дома Ислама, готовый пойти на самый отчаянный и честный шаг в своей жизни, ловушка Айзы захлопнулась .

Он даже не успел потянуться к ручке двери. Из притершейся сзади машины мгновенно выскочили люди с двух сторон. Щелкнули замки, дверцы его автомобиля резко распахнулись, в лицо ударил холодный воздух вперемешку с резким, химическим запахом усыпляющего вещества. Амир по-

пытался рвануться, выставить забинтованную руку для удара, но силы мгновенно оставили его . Перед глазами всё поплыло, Грозный растаял в густом тумане, и дальше наступил полный провал.

Очнулся Амир в абсолютно пустой, полумрачной комнате с голыми бетонными стенами. В помещении было сыро и сквозь небольшое высоко расположенное окно тянуло ледяным осенним холодом.

Голова раскалывалась от тупой боли, во рту пересохло.

Амир попробовал сдвинуться с места, но первая же попытка пошевелиться отозвалась острой, пронзительной болью в руках. Он повернул голову и с ужасом обнаружил, что сидит на жестком стуле, а его запястья крепко, до хруста в суставах, стянуты за спиной толстыми пластиковыми хомутами. Его раненая, наспех перемотанная правая рука ныла сильнее всего — бинт пропитался свежей кровью, а хомут безжалостно врезался в кожу.

Он остался совершенно один, без связи, в каком-то заброшенном строении или подвале на окраине города. Запись Линды стерта , друзья уверены, что он согласился на свадьбу, Марха думает, что он пропал , а Ислам ждет его у себя дома . Айза перешла к открытому криминалу, и теперь Амир был полностью в её власти.

Вдруг тяжелая железная дверь в конце комнаты со скрипом приоткрылась. В полосе блеклого света показался силуэт человека в темной куртке — того самого, кто ночью

вскрыл его замок . И следом за ним, цокая каблуками по холодному бетону, вошла сама Айза. На её лице, не знающем жалости, играла сытая, торжествующая усмешка контрабандистки.

Айза заговорила без лишних вступлений, её голос прозвучал леденящим, деловым тоном, в котором не было ни капли человеческого тепла:

— Амир, ты женишься на Линде. Или…

И она спокойно, с пугающей точностью начала перечислять адреса и маршруты, где бывают его родители. Она называла время, когда его мать выходит в магазин в Москве, описывала дорогу, по которой отец возвращается домой. Эта женщина не шутила.

Её криминальное прошлое контрабандистки сделало её абсолютно безжалостной.

Амир несколько раз яростно дёрнулся, готовый вцепиться ей в глотку от бешеной, удушающей злости. Ему хотелось разорвать эти пластиковые путы, уничтожить её прямо здесь, но каждый раз он делал только себе больно — хомуты до крови въедались в запястья, а раненая правая рука отзывалась дикой, ослепляющей вспышкой боли .

— У тебя есть время подумать, Амир, и мы не спешим, — ледяным тоном добавила Айза.

Они так же быстро вышли, как и зашли, и тяжёлая железная дверь со зловещим стуком захлопнулась. Амир остался один в сыром, холодном полумраке бетонной комнаты.

Сначала его душила бешеная, бессильная ярость. Он злился на себя за неосторожность, проклинал Линду, её мать, этот гололёд и всю несправедливость, что обрушилась на него . Но по мере того как ледяной воздух остужал его гнев, мысли начали кристаллизоваться.

Против профессиональных наёмников Айзы у него не было оружия . И когда на кону стояли самые близкие люди, его гордость, его принципы и даже его любовь к Мархе потеряли всякий смысл .

Амир пришёл к окончательному, тяжёлому решению: он женится. Здоровье и жизнь родителей были для него бесценны. Ради них он был готов пойти под венец с Линдой, признать чужую грязную ложь и навсегда похоронить своё собственное счастье. Он сдался, но это была жертва мужчины, который защищал свою семью.

Амир сидел в сыром полумраке, и в его расколотой от боли голове наконец-то сложился весь масштаб этой чудовищной картины.

Он четко понимал, что помимо него самого, Айзе позарез нужен честный и чистый строительный бизнес его отца в Москве. Она ведь была полностью разорена , её активы арестованы, а легальная, уважаемая фирма его семьи стала бы идеальным прикрытием для её новых теневых афер и помогла бы ей мгновенно закрыть все московские долги .

Женитьба на Амире была для контрабандистки не просто капризом — это был рейдерский захват их семейного дела .

Через часа три дверь снова открылась, со скрипом разрезав глухую тишину подвала. На пороге в полосе холодного света снова появилась Айза со своим преданным исполнителем .

Амир замер вконец. В его глазах больше не было бушующей ярости или бессильного гнева — в них застыла ледяная, мертвая пустота человека, который только что заживо похоронил всё своё будущее, свои чувства к Мархе и собственное мужское достоинство ради безопасности тех, кто дал ему жизнь .

— Я согласен, — глухо, едва ворочая сухими губами, произнёс Амир.

— Я сделаю всё, что вы хотите. Оставьте моих родителей в покое. Он согласился.

Айза довольно, сыто улыбнулась, и этот жест окончательно выдал в ней торжествующую хищницу . Она сделала едва заметный знак рукой своему человеку. Тот подошёл сзади, достал нож и одним резким движением перерезал плотные пластиковые хомуты на его запястьях. Кровь хлынула к затекшим пальцам, раненая правая рука отозвалась дикой, ослепляющей вспышкой боли, но Амир даже не поморщился . Ему было уже всё равно.

— Вот и отлично, Амир. Я знала, что ты благоразумный мальчик, — ласково, но от этого ещё более мерзко произнесла Айза. — Твой телефон, к сожалению, сломался , поэтому сейчас мы поедем к твоему новому автомобилю . Ты сам на-

берёшь Ислама и скажешь ему, что кризис миновал, Линде лучше, и ты готов официально прислать старших, чтобы назначить дату свадьбы. И упаси тебя Аллах дёрнуться. Люди в Москве ждут моего звонка.

Через полчаса Амира, бледного, со следами хомутов на запястьях, высадили у его машины, припаркованной неподалёку от дома Ислама . Наемник Айзы остался караулить в автомобиле сзади.

Амир сидел за рулём своего автомобиля, абсолютно опустошённый, и бессмысленно смотрел на экран новенького телефона. Пальцы едва слушались его, но самое главное — в его расколотой голове сейчас была полная пустота. В салоне повисла душная, звенящая тишина.

Человек Айзы, сидевший на пассажирском кресле рядом с ним, внимательно следил за каждым его движением. Заметив, что Амир замер, он хладнокровно протянул руку и забрал у него смартфон.

— Забыл? — с короткой, циничной усмешкой спросил наёмник.

Амир лишь глухо кивнул. Он действительно не помнил номер Ислама — в суматохе последних дней и после ночного налёта Айзы, лишившего его всех контактов, эти цифры просто стёрлись из памяти. Ислам звонил ему всегда сам, а Амир никогда не заучивал его номер наизусть.

— Ничего, у нас всё записано, — спокойно ответил человек Айзы.

Он быстро достал свой телефон, открыл базу данных, которую они вели на всю чеченскую родню Линды, и сам набрал номер Ислама на новом смартфоне Амира. Нажав кнопку вызова, наёмник включил громкую связь и аккуратно положил аппарат на панель перед Амиром, а сам многозначительно положил руку на карман куртки, напоминая о людях, которые сейчас караулят его родителей в Москве.

В динамике раздались долгие, мучительные гудки, каждый из которых бил Амира по натянутым нервам. Наконец на том конце провода щелкнуло, и раздался тяжёлый, хмурый голос Ислама:

— Салам алейкум. Кто это? Номер незнакомый.

Амир судорожно сглотнул, чувствуя, как ледяной пот катится по спине. Переведя взгляд на забинтованную руку со следами свежих пластиковых хомутов, он заставил себя заговорить ровно и спокойно, хотя внутри него в эту секунду умирало всё человеческое:

— Ваалейкум ассалам, Ислам. Это Амир. Это мой новый номер, запиши его... Я звоню сказать, что всё в порядке. Кризис миновал, Линде уже лучше. Я всё обдумал и готов официально прислать старших из своего рода к вам в дом, чтобы назначить окончательную дату нашей свадьбы.

На том конце провода повисла секундная, удивлённая пауза, а затем Ислам глубоко и облегчённо выдохнул. Вся его былая мужская ярость мгновенно улетучилась, уступив место суровому удовлетворению человека, который отстоял

честь своей семьи:

— Твои слова звучат по-мужски, Амир. Хвала Аллаху, что ты всё понял правильно и не стал бегать от ответственности. Присылай старших, мы будем ждать.

Ислам нажал отбой. Звонок завершился. Наёмник Айзы молча забрал телефон, проверил, что вызов действительно прерван, и с довольным видом кивнул Амиру:

— Вот и молодец. Айза будет довольна. Теперь езжай домой и сиди тихо, жди дальнейших указаний. Помни — Москва на проводе.

Он бесшумно вышел из салона и пересел в припаркованную сзади неприметную машину. Амир остался один в своём автомобиле посреди заснеженного Грозного. Этот звонок окончательно привязал его к Линде и её алчной матери, разрушив последнюю надежду на спасение.

Окрылённый этой новостью, Ислам первым делом бросился в палату к матери. Он вошёл туда с лёгким сердцем, уверенный, что отстоял честь семьи.

— Мама, хвала Аллаху, Амир только что позвонил сам с нового номера, — с порога произнёс Ислам. — Он всё понял. Сказал, что готов официально прислать старших из своего рода, чтобы назначить дату свадьбы. Вопрос закрыт.

Тётя Линды облегчённо вздохнула и победоносно переглянулась с Айзой, которая сидела в кресле у кровати дочери. На лице Айзы скользнула едва заметная, хищная усмешка. Её коварный план сработал без сучка и задоринки: Амир

сломлен, его диктофонная запись стёрта, а честный строительный бизнес его отца в Москве теперь фактически принадлежал ей.

Тем временем Аслан и Тимур находились в городе. Они уже несколько часов подряд пытались дозвониться до Амира, но его старый московский номер по-прежнему оставался глухо заблокирован. Мужское чутьё Аслана подсказывало ему: здесь происходит что-то страшное.

— Не нравится мне всё это, Тимур, — хмуро произнёс Аслан, расхаживая по комнате. — Амир вчера в ресторане был сам не свой, выдал этот бред про то, что Марха для него «мимолётное знакомство», и отключил телефон. Мужчина, который так искренне говорил у камина на нашей даче, не мог за пару часов превратиться в труса и предателя. Он явно пытается уберечь нас от какой-то большой беды. Мы обязаны поехать к нему домой или на строительный объект и найти его лично.

Тимур, чьё сердце всё ещё ныло после гордого отказа Мархи у ворот гимназии, молча кивнул. Он вспомнил её слова: «Если он так сказал в ресторане — значит, его вынудили обстоятельства». Марха верила Амиру слепо, вопреки всему, и Тимур, как благородный человек, понимал, что не имеет права сидеть сложа руки, пока вокруг его товарища сгущаются невидимые тучи.

Когда за Исламом захлопнулась дверь приёмного покоя, Айза обессиленно опустилась на стул возле кровати дочери.

Маска ледяного, уверенного лидера, которую она так привычно носила перед исполнителем и племянником, на мгновение спала с её лица. Она посмотрела на Линду — бледную, опутанную проводами капельниц, — и её холёные пальцы мелко задрожали.

Айза бережно, с неожиданной материнской нежностью взяла Линду за руку.

— Глупая ты моя девочка… — тихо, со слезами в голосе прошептала она, прижимая холодные пальцы дочери к своим губам. — Зачем же ты полезла к нему с этими признаниями? Ты думаешь, я от хорошей жизни всё это затеяла? Нам дышать в Москве не дадут, если мы не закроем эти счета. Нам возвращаться некуда! А тебе нужна операция, РЧА, французские врачи… Я ведь всё это ради тебя делаю, чтобы у тебя будущее было, чтобы ты ни в чём не нуждалась.

Линда приоткрыла глаза, её взгляд был тусклым и полным раскаяния.

— Мама… прости меня, — едва слышно выдохнула она.

— Тихо, молчи, тебе нельзя волноваться, побереги сердце, — Айза заботливо поправила ей одеяло. — Всё уже сделано. Амир согласился. Теперь у нас будут деньги, будет клиника в Париже, ты полностью поправишься, и этот кошмар закончится. Потерпи, родная. Мама обо всём позаботится.

Айза вытерла набежавшую слезу, и её взгляд снова стал жёстким и сосредоточенным. Она любила дочь, но её любовь была опасной: ради спасения Линды она была готова сломать

жизнь Амиру и растоптать любого, кто встанет на её пути.

Тем временем Аслан и Тимур уже подъезжали к кварталу, где жил Амир. Они припарковали машину у въезда во двор и сразу же заметили глянцевый чёрный автомобиль Амира. Тот сидел за рулём, положив голову на руки, абсолютно неподвижный.

— Смотри, его машина там, — Аслан указал пальцем через лобовое стекло. — И он внутри.

Друзья быстро вышли на морозный воздух и направились к нему, ещё не зная, что Амир только что заключил сделку с дьяволом ради спасения своих родителей, и что на заднем сиденье его разума сейчас горит только одна мысль — как заставить Аслана и Тимура поверить в его равнодушие и уехать.

Амир увидел в боковое стекло, как Аслан и Тимур быстрым шагом направляются к его машине. Внутри него всё сжалось от отчаянного страха за них — он краем глаза заметил, что неприметный автомобиль наёмников Айзы всё ещё караулит на выезде из двора, контролируя каждый его вздох .

Времени на сомнения не было. Чтобы спасти родителей и вывести братьев из-под смертельного удара, Амир обязан был сыграть эту роль безупречно. На этот раз друзья должны были поверить ему безоговорочно.

Он глубоко вздохнул, стирая с лица выражение обречённости, натянул рукава куртки пониже, чтобы полностью скрыть следы хомутов на запястьях, и опустил стекло.

?

— Амир, валлахи, ты живой! Мы тебя по всему городу ищем, телефон отключен! — Аслан взволнованно опёрся руками о дверь машины. — Что происходит?

Амир посмотрел на него ровным, ледяным и абсолютно спокойным взглядом. В его глазах больше не было вчерашнего смятения или боли — только глухое, циничное равнодушие. Он даже слегка иронично усмехнулся:

— Парни, хорош меня караулить. Я же вам ещё вчера в ресторане всё ясно сказал . Мой старый телефон сдох, я купил новый .А отключился, потому что хотел побыть один и всё спокойно взвесить без вашего вечного давления про «капканы» и «честь».

Тимур хмуро сделал шаг вперёд, пытаясь разглядеть его лицо:

— Амир, ты сам не свой. Ты уверен в том, что делаешь?

— Абсолютно уверен, — твёрдо, со стальной убедительностью отрезал Амир, глядя Тимуру прямо в глаза. — Я только что сам набрал Ислама и официально подтвердил, что мы засылаем старших и женимся . Я взрослый мужчина, и я умею считать свои интересы. В Москве у нас с Линдой было имя, положение, общие планы . Да, её мать сложная женщина, да, Линда капризная, но это мой круг, моё будущее . Поиграл в благородство здесь, в Грозном, поддался эмоциям — и хватит. Пора возвращаться к реальности.

Он перевёл взгляд на Тимура, и его голос прозвучал под-

черкнуто жёстко, наотмашь:

— А насчёт Мархи… Тимур, я вчера тебе уже говорил . Это было обычное мимолётное увлечение под дождём. Красивая, скромная девочка, приятно было провести время, не более. Между нами ничего не было и быть не могло, мы из совершенно разных миров. Если у тебя к ней старые детские чувства — забирай её, спасай, делай что хочешь . Мне она не нужна, у меня через месяц свадьба. Так что закройте эту тему и не лезьте больше в мою жизнь. Баркалла за дачу, но дальше я сам.

Амир нажал кнопку, и боковое стекло плавно, со звуком окончательного приговора, поднялось вверх, отрезая его от друзей.

Он завёл мотор, включил передачу и, не оборачиваясь, выехал со двора, оставив Аслана и Тимура стоять на обледенелом асфальте.

Его голос и взгляд были настолько холодными, циничными и убедительными, что у ребят не осталось аргументов. Аслан тяжело вздохнул и опустил голову — валлахи, Амир говорил как человек, который сделал свой прагматичный выбор. А Тимур стоял словно громом поражённый. Последние сомнения отпали. Амир только что добровольно отказался от Мархи, швырнув её образ ему под ноги .

Теперь, когда друзья окончательно поверили в его предательство и вышли из игры, Амир остался один на один со своей затаённой раной, медленно уезжая под конвоем наём-

ников Айзы .

Аслан и Тимур долго молча смотрели вслед уезжающему черному автомобилю Амира. Хлопья мокрого снега ложились на их плечи. Ледяной, циничный тон Амира не оставил места для сомнений — на этот раз друзья поверили ему безоговорочно. Они были полностью убеждены, что Амир сделал свой прагматичный выбор в пользу московского статуса, денег и Линды, окончательно предав всё то чистое, о чём говорил на даче .

— Валлахи, я до последнего не хотел в это верить, — глухо произнёс Аслан, качая головой. — Думал, его прижали. А он просто посчитал свои выгоды. Поехали отсюда, Тимур. Нам здесь больше делать нечего.

Тимур молчал. Внутри него всё выгорело от обиды за Мархy. Запретный ключ, который он сорвал утром, теперь окончательно дал ему право действовать . Раз Амир так легко выбросил её из своей жизни, назвав «мимолётным увлечением», Тимур не позволит этой скромной девушке страдать . Он защитит её, даже если она сейчас откажется его слушать .

Они сели в машину и выехали со двора. Аслан поехал к себе, а Тимур направился прямиком к гимназии.

Время близилось к четырём часам дня. Двери гимназии открылись, и на заснеженное крыльцо вышла Мархa. Она бережно прижимала к груди сумку, в которой лежали аккуратно исписанные нотные листы её новой, законченной этой но-

чью пьесы . Её лицо было бледным, а в глазах застыло тревожное, давящее предчувствие беды. Её музыкальное сердце весь день замирало от необъяснимого страха за Амира.

Мархa спустилась со ступенек и вдруг замерла. У ворот гимназии стоял Тимур. Он смотрел на неё взглядом, полным горькой решимости и сочувствия.

Она медленно подошла к забору, кутаясь в светлый палантин .

— Тимур? Ты всё ещё здесь? Что случилось? — её голос дрогнул.

Тимур сделал глубокий вдох, глядя на её чистые, полные тревоги глаза. Он понимал, какой страшный удар сейчас нанесёт, но лгать ей больше не мог:

— Мархa… Ты утром просила меня не верить сплетням об об Амире. Но час назад мы с Асланом лично встретились с ним во дворе его дома . Он купил новую машину, сменил телефон … И он сам, глядя нам в глаза, подтвердил, что официально женится на Линде . А про тебя… Мархa, прости, но он назвал вашу встречу обычной мимолётной ошибкой под дождём, о которой пора забыть . Он уехал. Это его собственный, добровольный выбор.

Мархa застыла. Сухой осенний воздух словно разом исчез из её лёгких. Земля ушла из-под ног, а пальцы, сжимавшие сумку с нотами её выстраданной новой пьесы, судорожно побелели . Весь её мир, вся её слепая, отчаянная вера в Амира рухнули в одну секунду от этих страшных слов друга

детства .

В это же самое время Амир сидел в своей пустой квартире под конвоем наёмников Айзы . Он смотрел в окно на темнеющий Грозный, а по его запястьям, где ещё горели багровые следы от пластиковых хомутов, медленно катилась его собственная, невидимая миру мужская кровь .

Он обезопасил друзей, спас родителей, но прямо сейчас он заживо хоронил свою душу, зная, что в эти минуты Марха, скорее всего, ненавидит его всем сердцем.

Марха стояла, не шевелясь, под падающими хлопьями снега. В ушах стоял сплошной, давящий гул, заглушивший всю музыку, которая ещё утром дарила ей надежду . Мир вокруг стал серым и холодным.

Слова Тимура попали в самое сердце, выжигая дотла всё то чистое и хрупкое, во что она так отчаянно пыталась верить вопреки логике . Амир сам, добровольно, выбрал Линду и назвал их встречу ошибкой.

Слёзы обожгли глаза, но Марха из последних сил сдержала их, упрямо подняв подбородок. Её девичья гордость была растоптана. Ноги стали ватными, и она почувствовала, что если прямо сейчас не обопрётся на кого-то, то просто упадёт на обледенелый тротуар.

— Марха… Позволь, я отвезу тебя домой? — тихо, с глубоким сочувствием попросил Тимур, видя, как стремительно бледнеет её лицо.

Она медленно, едва заметно кивнула. Да, она позволила

ему побыть рядом, потому что ей сейчас было очень плохо, и поддержка близкого друга детства была единственным, что удерживало её на краю этой бездны . Ей до безумия не хотелось оставаться один на один со своим горем в пустой прохладной квартире .

Тимур бережно взял из её ослабевших пальцев сумку с нотами той самой новой пьесы , открыл перед ней дверцу своей машины и помог сесть на пассажирское сиденье.

В салоне было тепло, тихо играла какая-то спокойная музыка, но Мархa ничего не замечала. Она отвернулась к боковому стеклу, безмолвно глядя на мелькающие в сумерках огни Грозного. Точно так же, как и много лет назад в детстве, Тимур оказался рядом в минуту её самой горькой детской обиды. Но тогда всё было проще, а сейчас её взрослая душа была изранена до крови .

Пока автомобиль Тимура медленно пробирался по предвечерним пробкам к её дому , Амир сидел на кухне своей квартиры. Напротив него за столом расположился наёмник Айзы, лениво перебирая чётки .

Амир смотрел на свои запястья, где багровели следы от хомутов . Ему казалось, что он физически чувствует, как в эти минуты рвётся та тонкая, жасминовая нить, которая связывала его с Мархой. Он спас своих родителей, спас Аслана и Тимура, но цена этой победы оказалась равной его собственной жизни .

А в это время в хирургическом корпусе больницы Айза

сидела у кровати Линды и негромко говорила по телефону со своей сестрой — тётей Линды:

— Всё, высылай старших к Исламу. Амир полностью под контролем . Пусть назначают дату свадьбы на ближайшие недели. Чем быстрее мы подпишем документы в Москве по бизнесу его отца, тем скорее увезём девочку в Париж .

Капкан захлопнулся намертво. Заговорщики праздновали победу , Марха искала спасения в поддержке преданного друга , а Амир остался один на один со своим страшным, благородным молчанием .

Пока Тимур вез Марху домой , маховик, запущенный Айзой, уже раскрутился на полную мощность .

Как только Амир сделал тот роковой звонок, тётя Линды немедленно связалась с матерью Амира в Москве . Она в самых красках, с причитаниями и ссылками на «мужское честное слово» их сына, объявила, что вопрос решён и Амир согласен на брак .

Родственники Амира в Грозном уже были в курсе всего происходящего и сейчас вовсю готовились ехать к старшим Линды, чтобы официально назначить дату свадьбы .

В чеченском обществе такие процессы не терпят отлагательств, особенно когда речь заходит об «ответственности» . Уважаемые старейшины из рода Амира, скрепя сердце, собирали традиционные подарки и обговаривали детали визита, чтобы не уронить честь фамилии.

Однако в самой Москве ситуация была далека от празд-

ничной. Родители Амира были, мягко говоря, не очень рады этой новости. Его мать, которая с самого начала видела алчную натуру матери Линды и была категорически против этих отношений, теперь пребывала в глубоком шоке .

Отец Амира, солидный и проницательный бизнесмен, тоже не мог понять, почему его сын, всегда отличавшийся твёрдым характером и рассудительностью, вдруг так внезапно, на расстоянии, принял решение жениться на девушке, от которой сам же сбежал в Грозный .

Родители чувствовали, что здесь кроется какой-то подвох, но Амир во время короткого утреннего звонка, совершённого под дулом невидимого пистолета наёмников Айзы, глухим и чужим голосом оборвал все их расспросы, подтвердив: «Мама, отец, я так решил. Это мой выбор» .

Они и не подозревали, что их благородный сын прямо сейчас меняет собственную жизнь на их безопасность и сохранность семейного бизнеса .

Тем временем машина Тимура аккуратно припарковалась во дворе дома Мархи .Мокрый снег уже плотным слоем ложился на стёкла.

Тимур заглушил мотор, взял с заднего сиденья сумку с нотами её новой пьесы и посмотрел на Марху .Она сидела неподвижно, бледная, уставившись в одну точку. Вся её хрупкая фигура буквально излучала ту самую невыносимую боль, от которой её музыкальное сердце готово было разорваться .

— Мархa, — тихо и с глубоким мужским уважением про-

изнёс Тимур, протягивая ей сумку с нотами. — Я знаю, как тебе сейчас тяжело. Но ты не одна. Я буду здесь, во дворе. Я не уеду и буду сидеть в машине под твоими окнами, пока твоя мама не вернётся из села или пока ты сама не скажешь, что всё в порядке. Если что-то понадобится — просто набери мой номер.

Марха подняла на него свои чистые, полные боли глаза и едва заметно, благодарно кивнула:

— Дела реза хийла хьуна, Тимур (Да будет доволен тобой Аллах, Тимур). Баркалла.

Она взяла сумку, повернулась и скрылась за дверью подъезда .

Поднявшись к себе, она заперла замок, опустилась на стул в прохладной прихожей и только теперь, в полной темноте и одиночестве, дала волю тем самым горьким слёзам, которые сдерживала всё это утро . А за окном, в салоне своего автомобиля, сидел преданный Тимур, охраняя её покой.

Глава 10

Амир прилетел в Москву только в день свадьбы. Это доводило Айзу до исступления, да и Линда была на пределе. Гости уже съезжались, роскошный банкетный зал постепенно заполнялся, а жениха всё не было.

С самых первых дней Амир дал им понять: «Вы заставили меня жениться, но послушной куклой в ваших руках я не стану».

У Айзы был четкий план: сразу после торжества отправить молодоженов в свадебное путешествие, а оттуда — во Францию, на лечение Линды. Но она еще не знала главного. Похоронив свое сердце и любовь в одной глубокой яме и придавив их тяжелым надгробным камнем, Амир принял решение бороться. Бороться и с самой Айзой, и со всем ее окружением.

Теперь он вышел на тропу войны. Его голова была холодной, а мысли больше не путала слепая любовь. Он успел обезопасить тех, кто был ему дорог — родителей, друзей и Марху. Ведь узнай Айза о существовании Мархи, она бы не остановилась ни перед чем. Но сегодня Амир наконец развязал себе руки.

Никаких путешествий не будет. Единственное, что осуществится из их планов — это лечение Линды; он оплатит его. А вот чужие руки, которые Айза уже в блаженстве потира-

ла над бизнесом его отца, Амир твердо намеревался переломать. С этими мыслями он и подъезжал к банкетному залу.

Заметив на парковке машину отца, Амир облегченно вздохнул: родители уже на месте. Хоть это и была Москва, но свадебные адаты для настоящих чеченцев — в отличие от Линды и ее матери — никто не отменял. Амир набрал своих московских друзей, которые уже ждали его, чтобы узнать, где находится комната жениха.

Из-за угла, у заднего входа, к нему уже бежали Виктор и Умалт.

Линда распорядилась так: первые три часа на свадьбе присутствуют старшие и родственники, а затем остается только молодежь. Играть роль скромной чеченской невесты ей совсем не улыбалось. Но уважить старших было жестким условием родителей Амира, ведь ради этого праздника приехали родственники из самой Чечни и из-за границы. И только мама Амира до сих пор никак не могла свыкнуться с горькой мыслью, что Линда станет ее снохой...

Пока Амир собирался с силами в компании друзей, в главном зале всё внимание было приковано к невесте.

Линда выглядела безупречно. Её свадебный наряд был шедевром высокой моды: дорогой, ослепительно красивый, подчеркивающий каждый изгиб её точеной фигуры. Однако для традиционной чеченской свадьбы это платье оказалось непозволительно, вызывающе открытым. Глубокий вырез на спине и обнаженные плечи лишь слегка маскировала

тончайшая, почти невесомая ажурная фата, которая ровным счетом ничего не скрывала от чужих глаз.

Мама Амира, стоявшая среди старших родственниц, посмотрела на будущую сноху долгим, тяжелым и полным немого осуждения взглядом. В её глазах читалась не просто горечь, а глубокая обида за семейную честь перед приехавшими из Чечни и из-за границы родственниками.

Амир же, вопреки ожиданиям Айзы, даже не попытался как-то повлиять на выбор Линды. Будь на её месте Мархa — его хрупкая, любимая пианистка, — он бы с ума сошел от одной мысли, что на неё в свадебном платье посмотрит хотя бы один посторонний мужчина. Для неё он искал бы самое закрытое, скромное и целомудренное платье, ревностно оберегая её от всего мира.

Но здесь... Ему было абсолютно всё равно. Амиру было настолько безразлично происходящее, что он без споров согласился и на проведение свадьбы в Москве, и на любые капризы невесты. В выбор нарядов он даже не вмешивался — эта кукольная показуха его не интересла. Пусть надевает что хочет, ведь эта свадьба с самого начала была лишь сделкой.

Мобильный телефон Амира весь день молчал — и это было неудивительно, ведь практически все, кто мог ему набрать, уже находились здесь, на свадьбе. Но стоило ему об этом подумать, как аппарат в кармане ожил, разразившись громкой трелью.

На экране высветилось имя Аслана.

Сердце Амира мгновенно дернулось, а затем бешено заколотилось в груди. Дыхание перехватило. С трудом взяв себя в руки, он нажал на кнопку приема и поднес трубку к уху.

— Ассаламу алейкум, Амир! — раздался в динамике до боли знакомый, открытый голос друга. — Дружище, я только что из соцсетей узнал, что ты, оказывается, женишься сегодня! Почему ты ничего не сказал?

Амир оцепенел. Горло словно сдавило тисками, он отчаянно не знал, что ответить. Ложь казалась неуместной, а правду сказать он не мог.

— Валлахи, Аслан... — глухо выговорил он, пытаясь подобрать слова.

— Я сам только-только прилетел, замотался совсем, да и... Я подумал, что ты просто не захочешь приехать после всего. Я ведь тогда...

Аслан не дал ему закончить, мягко перебив на полуслове:

— Да ладно тебе, Амир. Забудь. Я всё уже давно оставил в прошлом.

В конце-то концов, это твоя жизнь, и тебе её жить. Если ты рад этому браку, то и я искренне рад за тебя. Поздравляю от души! Ладно, брат, не буду тебя отвлекать в такой день, тебе сейчас не до меня. Будь счастлив!

В трубке раздались короткие гудки.

Амир медленно опустил руку с телефоном. Слова Аслана «если ты рад» отозвались в его душе новой волной глухой, невыносимой боли. Его не просто не винили — его простили

и искренне желали счастья, которого у него больше не было.

Этот короткий звонок сбросил с его плеч часть вины перед другом, но одновременно с этим сделал его сердце еще более тяжелым. Ради безопасности таких людей он пожертвовал всем, и теперь пути назад точно не было.

Пока в Москве гремела чужая свадьба, Тимур возвращался в Голландию с невыносимо тяжелым сердцем. И причиной этой тяжести была Марха. В Чечне он поддерживал её как мог, отдавая все свои силы, но работа в Европе больше не ждала. Вот только его душа и мысли остались там, на родине.

Теперь он знал наверняка: он больше не любит Эмму. И с этим знанием нужно было что-то делать. Жить дальше как ни в чем не бывало, притворяясь счастливым, Тимур просто не имел права. Во-первых, такого обмана не заслуживала сама Эмма. Но сказать ей правду после стольких лет прочных, долгих отношений будет невероятно тяжело.

Если бы он не вернулся в Чечню через десять лет и не встретил Мархy, он бы и дальше считал её всего лишь близкой подругой детства.

Тимур отчетливо помнил их первую встречу после долгой разлуки. Марха показалась ему удивительно красивой, нежной, повзрослевшей. Тогда он испуганно прогнал эту мысль: «Она просто мой друг, я просто отвык от неё». Он долго искал себе нелепые оправдания, цеплялся за иллюзию прошлого. До той самой роковой прогулки по парку.

В тот день, глядя на неё, Тимур вдруг понял, что все его

оправдания рухнули. Он просто не мог оторвать от неё глаз.

В тот же вечер он поехал к Аслану и излил ему душу, признавшись, что больше не в силах бороться с самим собой. И ведь надо же — он пошел именно к Аслану! Тимур ведь прекрасно знал, что Мархa нравилась Аслану еще с малых лет. Для самого Тимура она всегда была названой младшей сестрой. О, как бы он хотел вернуть то время! Лучше бы он никогда не влюблялся в неё, лучше бы продолжал любить той чистой, спокойной братской любовью, как тогда, в детстве...

Его горькие мысли резко оборвал стук двери. В комнату вихрем ворвалась Эмма.

Она с ходу налетела на Тимура, крепко обняв его за шею. По тому, как неистово она целовала его, как прижималась к нему, Тимур физически чувствовал, насколько сильно она соскучилась.

— Почему? Ну почему ты не предупредил меня, что прилетаешь сегодня?! — шутливо и одновременно обиженно причитала Эмма, заглядывая ему в глаза. — Ты же говорил, что тебя не будет еще дня три. Хотел устроить мне сюрприз? Глупый... Ты даже не представляешь, что для меня значит прожить хотя бы один час без тебя!

Каждое её любящее слово кололо Тимура в самое сердце. Он стоял, обнимая её в ответ, но чувствовал себя последним предателем.

Глава 11

Время действительно не лечило.

Три года пролетели как в тумане, превратив жизнь Амира в череду бесконечных совещаний, чертежей и фальшивых улыбок на семейных ужинах.

Секретарь, красивая блондинка, бесшумно занесла документы на подпись, аккуратно положила их на край массивного дубового стола и так же тихо вышла.

Амир даже не повернул головы. Он сидел в своем огромном, роскошном кабинете, отделанном по его собственному архитектурному проекту, и отрешенно смотрел в одну точку на стене.

Завтра была свадьба его близкого друга Аслана. И это известие, словно триггер, вскрыло старые раны.

Амир невольно вспоминал день своей собственной, злосчастной свадьбы. Точнее, её канун. Саму церемонию и банкет он помнил смутно, обрывками — тогда он впервые в жизни напился так, чтобы просто заглушить крик собственной души и не видеть торжествующего лица Линды. Ловушка захлопнулась слишком прочно. Его заставили жениться, лишив права на оправдание.

А сегодня ночью он снова видел во сне Марху.

Она снилась ему часто, но этот сон был особенным, до боли реалистичным. Мархa стояла перед ним точно такой же,

как в их последний совместный день. Они гуляли по осеннему парку, под ногами шуршали мокрые листья.

Амир помнил, как бешено стучало его сердце. В тот день он шел к ней с твердым намерением навсегда поставить точку в отношениях с навязчивой Линдой. Он был уверен: еще немного, и ничто в мире не помешает им с Мархой быть вместе.

Он ведь не ошибся тогда. Он до сих пор помнил её робкий, но такой глубокий взгляд, её искреннюю улыбку. Амир кожей чувствовал, что и Марха питает к нему особые, чистые чувства. Если бы не та проклятая ночь...

Внезапно мысли Амира прервал резкий телефонный звонок. На экране высветилось имя Аслана — виновника завтрашнего дня.

Пока Амир тонул в своих тяжелых воспоминаниях, на другом конце города царила совсем иная атмосфера.

Марха вместе со своей подругой Ларисой зашли в модный бутик, чтобы подобрать наряд для предстоящего торжества. Лариса, обладавшая безупречным вкусом и неуемной энергией, сразу же подбежала к манекену в серебристом платье. Оно мгновенно бросалось в глаза своим изыском, благородным блеском и элегантностью.

— Ты примеряешь именно это платье, даже не спорь! — безапелляционно заявила Лариса.

Марха лишь тихо вздохнула — она слишком хорошо знала подругу и поняла, что это безоговорочное решение, спо-

рить с которым бесполезно.

Когда Марха вышла из примерочной, в бутике на мгновение воцарилась тишина. Серебристая ткань мягко струилась, подчеркивая её тонкую талию и грациозную осанку. Платье на Мархе сидело безупречно. Две девушки-консультантки, напрочь забыв о том, что они вообще-то выбирали другие вещи для покупателей, восхищённо и заворожённо смотрели на Марху.

Лариса так и осталась стоять с открытым ртом, невероятно довольная своим выбором. Чтобы образ был завершенным, к платью тут же подобрали изящные бежевые туфли-лодочки на тонком высоком каблуке.

— Ох, девочки, я в этом наряде больше похожа на невесту, чем на гостью... — смущенно сетовала Марха, разглядывая свое отражение в зеркале.

Но и продавщица, и две случайные покупательницы, оказавшиеся рядом, и уж тем более Лариса даже не дали ей больше и слова сказать. Образ был идеален.

После бутика подруги зашли в салон красоты, чтобы обсудить детали прически. Уже к вечеру, уставшие, но очень довольные, они вышли на прохладный воздух, окончательно договорившись, что завтра утром приедут сюда на макияж и укладку.

Марха еще не знала, что завтра на этой свадьбе она снова окажется под одним куполом с человеком, о котором все эти три года старалась забыть.

Едва Марха успела закрыть дверцу такси и попрощаться с Ларисой как в её сумочке настойчиво зазвонил телефон. На экране высветилось имя, которое заставило её сердце на секунду замереть от неожиданности.

Это был Тимур.

— Марха, привет! — раздался в трубке его бодрый, чуть уставший от перелета, но такой родной голос. — Я в аэропорту, только прилетел. Ты где?

— Привет, Тимур! — Марха искренне улыбнулась, устраиваясь на заднем сиденье машины. — Я еду домой. Ты, как всегда, умеешь удивлять... Почему ты не предупредил, что приедешь?

— Марха, послушай, я до последнего сам не мог понять, получится ли у меня вырваться, — начал оправдываться он, и на заднем плане послышался гул аэропорта. — Мой этот гостиничный бизнес... Я всю неделю был на переговорах в Лондоне. И только в самый последний момент всё решилось. Мы три года не виделись, Марха! Я так хотел увидеть тебя, родителей, да и всех наших. К тому же, не приехать на свадьбу к Аслану? Он бы мне этого в жизни не простил!

Тимур перевел дыхание, и Марха услышала, как хлопнула дверь машины на его стороне.

— Одним словом, не спеши заходить домой. Подожди меня на улице, я уже сел в такси и еду прямо к тебе.

Марха положила трубку, чувствуя, как внутри нарастает волнение. Три года. Ровно столько же времени прошло с того

дня, как её жизнь раскололась на «до» и «после», когда Амир женился на Линде.

Всё это время Тимур строил карьеру в Европе, они общались только по телефону, и вот теперь он возвращается. Да еще и пойдет вместе с ней на ту самую свадьбу, где, как она догадывалась, обязательно будет Амир.

Спустя сорок минут к её дому плавно подкатила машина. Дверь распахнулась, и оттуда вышел Тимур — возмужавший, подтянутый, одетый со строгим европейским лоском, но сохранивший свой привычный, открытый взгляд.

Заметив Марху, он остановился в нескольких шагах от неё, выказывая глубокое уважение. Его лицо озарила искренняя, радостная улыбка.

— Марха, привет! Как же я рад тебя видеть, — искренне произнес он, приложив руку к сердцу в знак почтения. — Три года... Ты почти не изменилась.

Марха скромно опустила глаза, чувствуя, как от его родного голоса на душе становится немного легче после всех тяжелых мыслей.

— Привет, Тимур. С благополучным возвращением. Ты действительно удивил своим приездом. Как родители? Как устроились?

— Все отлично, передавали тебе и твоей семье огромный привет. Сто лет уже в Европе, но по дому все равно скучают, — улыбнулся Тимур.

Он бросил взгляд на пакеты из бутика в её руках и на

фирменные логотипы. — Ого, я вижу, подготовка к свадьбе Аслана идет полным ходом?

— Да, мы сегодня с Ларисой весь день выбирали наряд, — ответила Мархa.

— Отлично. Я сейчас поеду заселяться в гостиницу, нужно скинуть вещи с дороги и немного прийти в себя после перелетов, — Тимур посмотрел на часы. — Завтра я заеду за тобой. Во сколько у тебя всё готово? Вы созвонитесь с Ларисой, а мне просто скинь время, я буду у твоего дома как штык. Поедем на торжество вместе, чтобы тебе не пришлось добираться одной.

Мархa кивнула, соглашаясь. Они попрощались, и Тимур сел обратно в такси. Мархa проводила машину взглядом и пошла к дому, чувствуя, как внутри смешиваются радость от возвращения друга детства и нарастающая тревога перед завтрашним днем. Ведь на свадьбе Аслана она неизбежно столкнется с Амиром.

Когда Тимур сказал, что Мархa совсем не изменилась, он, конечно же, сильно лукавил. Ему до безумия хотелось сказать совсем другие слова: «Мархa, ты всегда была красивой, но сейчас, спустя три года, ты стала еще прекраснее. Твоя красота расцвела, и от тебя просто невозможно отвести взгляд».

Ему хотелось продлить эту мимолетную встречу у машины, говорить с ней как можно дольше, придумывать любые пустяковые темы — лишь бы просто стоять рядом и вдоволь

насмотреться на её черты, по которым он так отчаянно тосковал вдали от дома.

Но Тимур вовремя одернул себя. Он слишком хорошо помнил прошлое.

Помнил тот день перед его отъездом в Европу, когда он набрался смелости и открыл ей свое сердце. Марха тогда мягко, но твердо отказала ему. Тимуру потом еще очень долго было невыносимо стыдно за свое признание. Ему казалось, что он нарушил какую-то невидимую границу их чистой детской дружбы, поставив Мархy в неловкое положение.

И теперь, вернувшись в Грозный взрослым и состоявшимся мужчиной, он твердо пообещал себе, что больше никогда не повторит той ошибки. Он не станет навязываться и разрушать то, что у них осталось. Ведь даже просто быть другом для Тимура — иметь возможность оберегать её, помогать, просто изредка видеть её улыбку и приходить на помощь — уже было огромным, бесценным счастьем.

Поэтому он спрятал свои истинные чувства за привычной сдержанной улыбкой, вежливо попрощался и сел в такси, увозя с собой в гостиницу щемящее чувство в груди.

Тимур устроился на заднем сиденье такси, глядя на проплывающие за окном улицы Грозного. Ехать сейчас к двоюродному брату, когда там царила безумная предсвадебная суматоха, он категорически не хотел.

О своем приезде он решил пока вообще никому не гово-

рить — особенно самому Аслану. Тимур слишком хорошо знал своего двоюродного брата и друга в одном лице, и его семью: узнай Аслан или его мама, что он уже в городе, они бы ни за что на свете не дали ему даже подумать о том, чтобы поселиться где-то еще, и силой привезли бы к себе домой. А обременять и без того занятых хозяев в канун торжества Тимуру не позволяло воспитание.

Вскоре машина затормозила у центральной гостиницы. Получив электронный ключ на стойке регистрации, Тимур поднялся на свой этаж и зашел в номер.

Как человек, который последние годы с головой ушел в этот бизнес в Европе, он просто не мог отключить режим управленца. Его профессиональный взгляд уже при самом входе начал автоматически замечать детали: подмечал мелкие недочеты в интерьере и одновременно выделял то, что было сделано действительно достойно и на высоком уровне.

Остановившись посреди комнаты, Тимур тихо усмехнулся и мысленно сделал сам себе замечание:

«Так, стоп. Перестань. Забудь о работе хотя бы на эти дни и будь просто обычным постояльцем».

Он скинул тяжелое пальто, поставил чемодан и подошел к окну, из которого открывался вид на вечерний город. Завтрашний день обещал быть непростым. Ему предстояло не просто красиво выглядеть на свадьбе друга, но и весь день находиться рядом с Мархой, бережно охраняя её покой и скрывая чувства, которые, как он думал, за три года разлуки

должны были утихнуть, но на самом деле вспыхнули с новой силой.

Наводя порядок в номере, Тимур никак не мог избавиться от мыслей, которые преследовали его последние три года. Он слишком отчетливо помнил тот тяжелый разговор перед своим отъездом в Европу. Помнил, как невероятно холодно тогда Амир сказал про Мархy: "Да у нас и не было ничего серьезного, так, мимолетное увлечение".

Тимур тогда так и не смог поверить, что это правда. Он видел, какими глазами Амир смотрел на нее в парке, и знал, что Марха не стала бы открывать сердце случайному человеку. В тех словах Амира сквозило какое-то фальшивое, напускное безразличие, которому Тимур тогда так и не нашел логического объяснения. За три года эта загадка так и осталась неразрешенной.

Весь вечер сидеть в четырех стенах гостиничного номера Тимуру, конечно же, не улыбалось. Немного подумав, он достал телефон и набрал номер Амира. К его удивлению, Амир был искренне и глубоко рад, услышав голос старого друга. Вся его напускная холодность прошлых лет словно испарилась.

Они сразу же договорились о встрече. Амир коротко бросил в трубку: "Скидывай адрес, я сейчас сам за тобой заеду".

Уже через двадцать минут черный внедорожник Амира тормозил у отеля. Когда Тимур вышел на улицу, мужчины шагнули навстречу друг другу. Забыв о былых недомолвках,

они радостно обнялись несколько раз, крепко хлопая друг друга по плечам и словно до конца не веря, что они снова видятся здесь, в Грозном, после стольких лет разлуки.

— Ну ты и партизан, брат! Почему не предупредил? — с искренней улыбкой спросил Амир, заводя двигатель. — Ладно, сейчас всё расскажешь. Поехали в ресторан, тут недалеко, посидим в спокойной обстановке, поужинаем как в старые добрые времена.

Они приехали в уютный тихий ресторан с закрытыми кабинками. Заказав кавказские блюда и чай, мужчины устроились друг напротив друга. В воздухе повисло то самое приятное чувство ностальгии, но Тимур понимал: рано или поздно разговор коснется того, что произошло три года назад.

— Амир, я всё хотел у тебя спросить, что же все-таки тогда произошло между тобой и Мархой? — Тимур отставил чашку с чаем и прямо посмотрел на друга. — Ведь тогда, на даче у Аслана, ты так рассказывал о ней... Я искренне поверил, что между вами нечто гораздо большее, чем мои чувства к ней. Хотя, признаюсь, после того нашего разговора, когда ты повторил, что точно женишься на Линде, что это твой осознанный выбор, а с Мархой было лишь мимолётным увлечением... Я ведь тогда поехал к ней.

Тимур сделал паузу, погружаясь в воспоминания.

— Я рассказал ей о своих чувствах. И о том, что ты мне наговорил. Вспомнил и ту ночь в ресторане, откуда она тогда убежала от меня, и когда вы с ней под дождем впервые

встретились.

Амир сидел напротив него, бледный, застывший как натянутая стрела. Внутри него всё перевернулось. От дикого, нечеловеческого нетерпения он почти выкрикнул, подавшись вперед:

— И что?! Что она сказала?!

Поняв по ошеломленному взгляду Тимура, насколько странно и дико прозвучал этот выкрик, Амир попытался сдать назад, лихорадочно соображая, как замять свою вспышку.

Откуда Тимуру было знать, что три года назад, в тот самый злополучный день, Амир стоял за углом её дома? Он приехал тогда, чтобы во всем признаться, и случайно услышал их разговор. Он отчетливо слышал, как Тимур признавался ей в любви, и как Мархa тихо ответила: «Я тоже, Тимур...». Тогда Амир не стал дослушивать. Сердце предательски разбилось, он кинулся прочь, сел в машину и уехал, посчитав себя окончательно преданным.

И вот сейчас, спустя три года, Амиру, словно мазохисту, безумно, до тошноты хотелось снова получить эту жгучую боль от подтверждения её слов. Уже тише, с нарочитым, вымученным спокойствием, он переспросил, пряча дрожь в голосе:

— И... что же ответила Марха?

Тимур был искренне удивлен такой бурной реакцией Амира, но, так ничего и не поняв, спокойно ответил:

— Она сказала... Она сказала, что «тоже» не должна была в тот вечер в ресторане так эмоционально реагировать на мой разговор на английском. И одним словом... Марха, видимо, уже тогда сильно любила тебя. Она просто не могла поверить в то, что я ей пересказал с твоих слов. Она мне вежливо отказала, Амир. Сказала, что видит во мне только брата и друга детства.

Воздух в кабинке ресторана словно испарился. Лицо Амира мгновенно изменилось, покрывшись мертвенной бледностью. Вся его картина мира, выстроенная на боли, обиде и уверенности, что Марха легко забыла его с Тимуром, рухнула в одно мгновение. Она любила его. Она ждала его. Она отказала Тимуру.

Амир сжал кулаки под столом с такой бешеной силой, что отчетливо хрустнули суставы пальцев. Глаза его потемнели от осознания того, какую чудовищную, непоправимую ошибку он совершил, не дослушав тогда её фразу до конца.

Тимур снова удивлённо и с подозрением посмотрел на друга, замечая, как тяжело и прерывисто тот стал дышать.

Амир молчал очень долго. В кабинке ресторана повисла такая тяжелая тишина, что было слышно лишь приглушенное гудение кондиционера. Он смотрел на свои сжатые кулаки, и перед его глазами проносились три года его разрушенной, пустой жизни.

А затем он заговорил. Быстро, глухо, словно лавина сорвалась с гор — он торопился высказать всё, боясь, что если

остановится хотя бы на секунду, то больше никогда не найдет в себе сил открыть правду.

Амир рассказал Тимуру обо всем. О том, как Линда, её мать и тётя заманили его в ту грязную ловушку . О том, как у него не осталось ни одной улики, чтобы доказать свою невиновность, да Тимур и сам это знал. Он признался, что тогда, три года назад, им двигал не эгоизм, а дикий, сковывающий страх. Он безумно боялся подвергнуть опасности жизни самого Тимура, своего друга Аслана и, конечно же, своих родителей — ведь влиятельная семья Линды не остановилась бы ни перед чем, чтобы избежать позора. Ради их безопасности Амир сломал себя и согласился на эту проклятую свадьбу.

— А теперь... теперь уже ничего не исправить, Тимур, — Амир горько усмехнулся, подняв на друга полные боли глаза. — Знаешь, что самое страшное? В тот день я ведь приехал к её дому. Хотел всё рассказать. И я услышал, как ты признаешься ей в любви. Услышал её слова: «Я тоже, Тимур...». Я решил, что Марха сделала свой выбор в твою пользу. И просто сбежал. Я не дослушал её, понимаешь? Я сам всё разрушил.

Амир тяжело, со свистом вздохнул, будто с его груди сняли огромный бетонный волун, который давил на него все эти годы. Он расправил плечи, попытался вернуть лицу маску безразличия и добавил:

— Но теперь всё. Что сделано, то сделано. В конце кон-

цов, я вполне доволен своей жизнью. У меня есть работа, масштабные проекты, имя...

Здесь он, конечно же, снова был не совсем искренним. Какая могла быть удовлетворенность жизнью, если каждый вечер он возвращался в дом, где его ждала чужая, нелюбимая женщина, а каждую ночь ему снились карие глаза Мархи в дождливый осенний вечер? Но мужская гордость не позволяла ему разрыдаться перед другом.

Тимур сидел напротив него, бледный и абсолютно ошарашенный услышанным. В его голове никак не укладывалось, через какой ад Амиру пришлось пройти в одиночку.

Я сегодня видел её, — негромко произнес Тимур, нарушая повисшую тишину.

— Кого? — быстро спросил Амир.

Этот вопрос сорвался с его губ автоматически, хотя с первой же секунды он прекрасно, до боли в груди понял, о ком именно идет речь. Сердце забилось так словно сейчас выскочит из груди, а в голове завертелся вихрь мыслей.

— Марху, — подтвердил Тимур, внимательно наблюдая за реакцией друга.

От этих слов у Амира внутри всё сжалось. На мгновение ему показалось, что стены ресторанной кабинки давят на него, лишая возможности дышать. Прошлое, которое он так тщательно пытался похоронить за три года, ворвалось в этот вечер с новой, сокрушительной силой. Амир не мог сообразить, как себя вести: закричать, расспросить обо всем или

продолжить играть роль человека, «довольного своей жизнью».

Но, проявив железную силу воли, он все же справился с эмоциями. Лицо его на секунду окаменело, а затем он заставил свой голос звучать ровно.

— И... как она? — спросил Амир, стараясь, чтобы этот вопрос прозвучал как обычное, вежливое проявление интереса, хотя руки под столом снова предательски сжались в кулаки.

Тимур тяжело вздохнул, крутя в руках чашку с остывшим чаем. Он видел, каких усилий Амиру стоило это напускное спокойствие.

— Она всё такая же, Амир. Красивая, скромная... но в глазах какая-то грусть, которой раньше не было, — тихо ответил Тимур. — Я встретил её у дома, она возвращалась из бутика. Завтра она будет на свадьбе у Аслана. Мы договорились, что я заеду за ней, и мы поедем вместе.

Амир почувствовал, как к горлу подступил ком. Завтра. На глазах у сотен гостей он должен будет увидеть её, стоять рядом, делать вид, что они чужие люди, пока Линда, которая наверняка пойдет с ним, будет собственнически держаться рядом с ним.

Они ещё немного посидели, но разговор больше не клеился. В воздухе слишком плотно зависли призраки прошлого и несказанные вовремя слова. Сославшись на то, что завтра тяжелый день и нужно быть в форме, Амир подозвал офи-

цианта и попросил счёт.

На парковке Амир предложил Тимуру поехать к нему, но Тимур вежливо отказался. Ему сейчас жизненно необходимо было побыть одному. В его голове просто не укладывалось всё то, что рассказал Амир, и эту шокирующую правду нужно было как-то переварить.

Амир высадил друга у отеля. Они попрощались, и Тимур скрылся за стеклянными дверями лобби.

Оставшись один в салоне автомобиля, Амир понял, что не может сейчас ехать домой. Меньше всего на свете ему хотелось видеть Линду, отвечать на её пустые вопросы и притворяться благополучным мужем. Ему нужно было время, чтобы привести мысли в порядок.

Он пустил машину по ночным, залитым огнями улицам Грозного. Амир крепче сжал руль и изо всех сил старался себя образумить. Внутренний голос буквально отчитывал его, переходя на крик:

«Ты же три года жил с ней в одном городе! Ходил по тем же улицам, дышал тем же воздухом! Так что с тобой сейчас случилось?! Ты ведь прекрасно знал, где она живёт, где работает! Но ты даже не попытался поехать, не попытался просто по-человечески объяснить, почему ты так поступил... Почему бросил её без объяснений! Так что с тобой происходит сейчас? Очнись, парень! Завтра ты увидишь её. И рядом с ней будет Тимур.

Ты сам выбрал этот путь, так держи удар!»

Но как бы Амир ни кричал на самого себя, сердце отказывалось подчиняться разуму. Осознание того, что Марха все эти годы любила его и была ни в чем не виновата, выжигало всё внутри.

Марха сидела в кресле перед огромным зеркалом салона красоты, пока стилист бережно разбирал её волосы для будущей прически. Она изо всех сил старалась не думать о предстоящем дне, но мысли, словно навязчивый шепот, не хотели её отпускать.

В первые дни после того разговора с Тимуром три года назад она просто не могла поверить в случившееся. Всё казалось каким-то жутким сном. А потом... потом интернет безжалостно расставил всё по местам. Заголовки в соцсетях пестрили новостями о том, что молодой, перспективный архитектор из богатой семьи скоро обзаведется семьей.

Марха помнила, как дрожали её пальцы, когда она нашла профиль Линды в Инстаграме. Картинки чужой, роскошной жизни ослепляли: дорогие курорты, белоснежные яхты, элитные рестораны и, наконец, кадры с их пышной свадьбы в Москве. На одном из видео Амир кружился в танце с Линдой. Она была настоящей светской львицей — безупречной, уверенной в себе, яркой.

?

Именно тогда к Мархе пришло горькое, отрезвляющее осознание: он просто выбрал её, Линду. Выбрал свой привычный, богатый круг.

«А что же тогда было у него со мной? — раз за разом задавала себе вопрос Марха, глядя на свое бледное отражение в зеркале. — Почему я так слепо поверила в его искренность? Я ведь не была маленькой наивной девочкой... Хотя кого я обманываю? Наверное, именно такой я и была».

После осознания пришла всепоглощающая обида, переросшая в глухую ненависть. Марха злилась на него, злилась на себя за свои разбитые надежды, за ту дождливую осень, которая казалась ей сказкой. Она погрузилась в работу, брала дополнительных учеников, лишь бы заглушить эту ментальную боль.

А что теперь?

Спустя три года она поймала себя на мысли, что уже не знает, что именно чувствует. Ненависть утихла, оставив после себя лишь пепелище. Но и того самого долгожданного, спасительного равнодушия, к которому она так стремилась, почему-то не было. Внутри не осталось пустоты — там жило странное, необъяснимое смятение. И сейчас, накануне встречи, её сердце колотилось как сумасшедшее, а руки покрывались холодной дрожью. Она не знала, что это — остатки прежней любви, старая обида или просто страх взглянуть в глаза человеку, который перевернул её жизнь.

— Марха, ты меня слышишь? — голос Ларисы, которая сидела в соседнем кресле, выдернул её из плена воспоминаний. — Посмотри на себя! Ты просто невероятная. Макияж закончен. Пора надевать платье!

Марха застегнула молнию на серебристом платье и аккуратно обула бежевые туфли-лодочки. Платье сидело безупречно, подчеркивая её хрупкость и благородную осанку. Волосы были туго зачесаны назад и собраны в гладкий, изящный пучок, который открывал шею и делал образ по-особенному утонченным.

— Валлахи, Марха... Ты не просто красивая, ты ослепительная! — восхищенно прошептала Лариса, поправляя свой наряд.

В этот момент телефон Мархи зазвонил. Тимур сообщил, что его машина уже подъехала к салону.

Девушки вместе вышли из дверей здания. Тимур стоял у открытой дверцы автомобиля в строгом, идеально скроенном костюме-тройке. Увидев Марху, Тимур буквально застыл на месте. Все правила сдержанности, которые он твердил себе после тяжелого ночного разговора с Амиром, едва не разлетелись в прах. Перед ним стояла девушка, которую он тайно любил все эти годы, и сейчас она была прекрасна, как никогда.

Тимур вовремя взял себя в руки, скрыл восхищение и почтительно склонил голову, приложив руку к сердцу:

— Марха, привет. Выглядишь очень достойно. Этот цвет тебе невероятно идет. И тебе привет, Лариса, рад тебя видеть.

— Привет, Тимур! — бойко ответила Лариса, сглаживая возникшую неловкость. — Спасибо, что заехал за нами.

Марха, садись назад, я сяду впереди.

Лариса намеренно заняла переднее пассажирское сиденье, чтобы Марха устроилась сзади — так было правильно и уважительно по отношению ко всем. Тимур бережно придержал дверь, проследив, чтобы подол серебристого платья не задел порог. Сам он сел за руль, и машина плавно тронулась, направляясь к банкетному залу, где уже собирались сотни гостей.

Пока автомобиль вез их сквозь городской поток, у банкетного зала вовсю гремела предсвадебная музыка.

Амир приехал одним из первых, как лучший друг жениха. Он стоял у входа, одетый с иголочки, но его лицо казалось каменным. Рядом с ним крутилась Линда, которая то и дело поправляла свой броский макияж и собственнически держалась рядом, пытаясь привлечь внимание фотографов. Амир не слышал ее щебетания. Он смотрел на дорогу, и каждая подъезжающая машина заставляла его сердце бешено колотиться. Он знал, что Тимур приедет не один.

И вот, к парковке плавно подкатил знакомый автомобиль Тимура. Амир замер, перестав дышать.

Амир стоял на крыльце, не отрывая взгляда от припарковавшейся машины. Он видел, как с водительского места вышел Тимур, обошел автомобиль и открыл переднюю пассажирскую дверь. Из салона с улыбкой вышла Лариса.

Вдруг в голове Амира пронеслась шальная, спасительная мысль: «Марха не приехала... Её там нет». От этой мысли

ему мгновенно стало легче дышать. На секунду показалось, что многотонный груз свалился с плеч — ведь он до ужаса, до дрожи в коленах боялся этой встречи. Он боялся увидеть в её глазах то, что сам же и разрушил.

Но облегчение длилось всего мгновение.

Тимур развернулся, сделал несколько шагов назад и уверенно потянул за ручку задней двери.

И... вышла она.

В эту самую секунду осеннее солнце вдруг вспыхнуло и стало ярче во много раз, ослепляя Амира. Время словно замедлило свой ход, а звуки шумной предсвадебной суматохи вокруг полностью исчезли. Марха сделала шаг на асфальт, и её изысканное серебристое платье мягко переливчато засияло в лучах света.

Она выглядела настолько благородно, элегантно и недосягаемо прекрасно, что Амиру, сделалось немного дурно. Земля на миг ушла у него из-под ног, а к горлу подкатил сухой ком. Она была точь-в-точь как в его вчерашнем сне, только еще более реальная и ослепительная.

Линда, стоявшая рядом, что-то увлеченно щебетала, крепче сжав его локоть, но Амир не слышал ни слова. Всё его существо было приковано к девушке в серебристом платье. Внутренний голос панически кричал: "Соберись! На тебя смотрят люди!"

Сделав глубокий, болезненный вдох, Амир проявил всю свою железную мужскую гордость и буквально собрал волю в

кулак. Его лицо снова превратилось в непроницаемую маску, хотя внутри него в эту минуту бушевал настоящий пожар.

Тем временем Тимур, Лариса и Марха, не спеша, направились в сторону центрального входа, где стоял Амир. Марха шла, скромно опустив взгляд на свои бежевые туфли-лодочки, еще не замечая, кто именно ждет гостей на крыльце.

Когда они поднялись на ступеньки, Тимур первым нарушил молчание, приветливо кивнув:

— О, Амир, ассалламу 1алейкум! Линда! Привет.

Взгляд Мархи поднялся именно в эту секунду. Едва её глаза встретились с потемневшим, застывшим взглядом Амира, как в её голове внезапно зазвучала музыка. Это была та самая мелодия, которая молчала в её душе долгие три года. С того самого злополучного момента, когда она, прижимая к груди законченную пьесу, которую написала специально для Амира, стояла посреди улицы под холодным дождем и слушала страшные слова Тимура. Слова о том, что она для Амира — всего лишь небольшое, мимолетное приключение.

Эта музыка, рожденная когда-то из чистого вдохновения и любви, сейчас отозвалась в мыслях горьким, оглушающим аккордом.

Амир стоял прямо перед ней, высокий, статный, в безупречном костюме. Но всё его превосходство таяло под её прямым, раненым взглядом. На мгновение время для них двоих остановилось прямо на глазах у шумной толпы гостей. На его локте по-прежнему собственнически лежала ру-

ка Линды, которая при упоминании своего имени натянуто улыбнулась и окинула Мархy оценивающим, холодным взглядом светской львицы.

Лариса, стоявшая чуть позади, мгновенно почувствовала, как воздух между ними буквально наэлектризовался, и осторожно коснулась плеча Мархи, напоминая о необходимости сохранять самообладание.

Вдруг на место тому непонятному, зыбкому чувству, что терзало и мучило её со вчерашнего вечера, пришло совсем другое — сильное, отрезвляющее. Это была волна старой, глубокой обиды и праведной злости.

Музыка в голове мгновенно оборвалась, уступив место ледяной решимости. Марха вспомнила всё: свои слезы, те кадры из чужого Инстаграма, его трусливое молчание и предательство.

В одно мгновение она взяла себя в руки. Лицо Мархи стало абсолютно равнодушным, маска спокойствия вышла безупречной — как будто она никогда в жизни не знала и не видела раньше этого человека.

Она слегка склонила голову, одарила Амира совершенно чужой, дежурной вежливой улыбкой, спокойно произнесла общее приветствие и точно так же, не замедляя шага, прошла мимо него внутрь банкетного зала. Лариса и Тимур последовали за ней.

Амир остался стоять на крыльце, словно громом пораженный. Этот её ледяной, безразличный взгляд и формальное

приветствие ударили по нему сильнее, чем если бы она при всех устроила скандал. Ему показалось, что из него заживо вырвали сердце. Она смотрела на него как на пустое место. Как на незнакомца.

Линда, заметившая, как резко побледнел её муж, недовольно дернула его за рукав:

— Амир, ты чего застыл? Кто это вообще такие? Какая-то деревенская скромница в блестящем платье... Пойдем в зал, жених скоро приедет.

Амир с трудом расслышал её голос. Внутри него всё кричало от боли, но самое страшное было впереди — им предстояло провести весь вечер в одном помещении.

Амир дождался, пока основная волна гостей зайдет внутрь, и поспешил скрыться из виду. Ему нужно было остаться наедине со своими мыслями, подальше от оценивающих взглядов. Как лучший друг Аслана, он имел доступ в специальную комнату для жениха.

Она была расположена невероятно удачно: архитектурная планировка позволяла Амиру через панорамное тонированное стекло видеть абсолютно всё, что происходит в праздничном зале, оставаясь при этом совершенно невидимым для окружающих.

С минуты на минуту кортеж должен был привезти невесту, и в зале нарастало предвкушение. Гости занимали свои места, и Амир сквозь стекло неотрывно следил за серебристым платьем, мелькавшим в. глубине зала.

Марха садилась за стол вместе с Тимуром и Ларисой.

Линда, зашедшая в комнату вслед за мужем, снова попыталась собственнически схватить его за локоть. Это стало последней каплей для натянутых до предела нервов Амира. Он резко, но тихо, чтобы не привлекать чужого внимания, отстранился и сделал ей жесткое замечание.

— Линда, ты живёшь в Грозном уже три года, но так и не научилась элементарным манерам, — в его голосе проступил лед. — Не бери меня постоянно под руку на людях. Сколько раз тебе говорить? Мы же с тобой чеченцы, соблюдай приличия и наши обычаи.

Линда, выросшая в Москве и привыкшая к совершенно другому поведению в обществе, недовольно фыркнула. Её эго было задето. Она обиженно поджала губы, резко развернулась и на высоких каблуках вышла из комнаты, направившись в зал к своей кузине и подруге, чтобы излить им душу.

Амир наконец остался один. Он подошел ближе к стеклу, оперся руками о подоконник и устремил тяжелый, полный тоски взгляд на Марху. Из этой комнаты он мог смотреть на неё открыто, не пряча своих истинных чувств.

Тимур встал из-за стола, что-то негромко сказал Мархе и уверенным шагом направился в сторону комнаты жениха. Амир даже не успел отойти от панорамного стекла, как дверь позади него открылась.

— А, ты тут, — сказал Тимур, заходя внутрь и осматривая просторную комнату. Он подошел ближе к Амиру и встал

рядом, тоже бросив взгляд на шумящий внизу зал. — Аслан очень хотел, чтобы я тоже поехал в составе кортежа за невестой. Но из-за того, что я должен был встретить и привезти Марху с Ларисой, я не поехал. А ты почему остался?

Амир на секунду замер. Внутри него поднялась горькая, ироничная волна. Ему до безумия хотелось сказать правду. Хотелось прямо посмотреть в глаза другу и выкрикнуть: «Потому что причина у нас с тобой одна, Тимур! Потому что Марха должна была приехать сюда. И я физически не мог заставить себя уехать отсюда, зная, что она переступит этот порог».

Но вместо этого Амир лишь сильнее сжал челюсти, сохраняя внешнее хладнокровие, и глухо ответил:

— Я остался здесь встречать гостей. Кто-то же должен был контролировать процесс на месте.

Тимур внимательно посмотрел на профиль Амира, чувствуя, что за этим простым объяснением кроется гораздо больше, но развивать тему не стал.

В этот момент с улицы донеслись громкие звуки автомобильных сигналов и выстрелов — кортеж с невестой наконец подъехал к банкетному залу, и внизу началась суматоха.

Тимур прищурился, глядя на тонированное стекло, и его лицо озарила мягкая, ностальгическая улыбка. Он говорил это Амиру, делясь воспоминаниями о своем грозненском детстве, в которое Амир, будучи москвичом, конечно же, не был вхож.

— Да уж, Аслан всегда любил, чтобы всё было с размахом, — негромко проговорил Тимур, погружаясь в мысли. — Помню, как мы детьми бегали по дворам... Я, Аслан, Мархa. Лазали по деревьям, гоняли голубей в сквере рядом. Нас связывала общая улица.

И, знаешь, Аслан ведь еще тогда, в детстве, выделял Марху. Ему безумно нравилась эта девочка. Это я к ней относился просто как к подруге, чуть ли не как к парню-другу по играм, а он уже тогда смотрел на нее иначе.

Тимур повернулся к Амиру и похлопал его по плечу:

— Ладно, пошли. Кортеж приехал. Надо поддержать брата.

Они вышли из комнаты жениха и спустились в огромный, сверкающий огнями зал. Амир шел молча, и слова Тимура тяжелым эхом отзывались в его голове. Значит, Аслан тоже когда-то был неравнодушен к Мархе... Как странно и больно переплелись их судьбы.

Внизу уже всё пришло в движение. Линда, заметив Амира, сразу же отделилась от своей компании и с недовольным видом направилась к нему, чтобы снова встать рядом.

А на другом конце зала, среди сотен гостей, за праздничным столом сидела Мархa. Она держала спину идеально ровно, скромно опустив глаза, а её серебристое платье мягко мерцало в свете массивных люстр.

Банкетный зал взорвался мощными аккордами народной музыки. На сцене, приковывая к себе все взгляды, стояла

знаменитая Макка Межиева. Она пела своим неподражаемым, зычным и сильным голосом, который проникал в самое сердце и заставлял кровь бежать быстрее.

По старинной традиции зал мгновенно разделился: парни выстраивались в одну сторону, а девушки — в другую. В центре образовался широкий круг для чеченского ловзара. Энергичный ведущий с микрофоном в руках умело управлял процессом. Он громко приглашал молодых людей и девушек присоединиться к общему ряду и уже несколько раз уважительно назвал имена Мархи и Ларисы.

Отказываться дальше просто не было смысла — это сочли бы неуважением к празднику Аслана. Девочки переглянулись и с достоинством заняли свои места в стройном ряду девушек.

Как только Марха встала в ряд, её серебристое платье снова заиграло фантастическими бликами под светом сотен ламп. Ослепительно красивая, сдержанная и статная, она мгновенно приковала к себе внимание мужской половины зала. Несколько молодых людей уже вовсю интересовались Мархой, перешептываясь между собой и пытаясь разузнать, чья это родственница и свободна ли она.

Лариса, как верная подруга, взяла весь удар на себя: она едва успевала отвечать на сыпавшиеся со всех сторон вопросы парней, строго соблюдая рамки приличия, но при этом умело оберегая покой Мархи.

Тимур стоял на противоположной стороне, среди мужчин.

Он внимательно наблюдал за происходящим, и в его душе боролись два чувства: гордость за Мархy и глухая, ревностная тревога при виде того, сколько внимания она привлекает.

Но самый страшный пожар сейчас бушевал в душе Амира. Он стоял

чуть поодаль, напрочь забыв про существование Линды. Его взгляд, полный скрытой ярости и невыносимой тоски, был намертво прикован к парням, которые пытались оказать Мархе знаки внимания.

Пока в зале гремел ловзар под зычный голос Макки Межиевой . Аслан вместе с несколькими молодыми мужчинами своего возраста незаметно зашел через задний вход в комнату для жениха. Друзья с шутками и поздравлениями расселись за просторным столом, а сам жених, слегка уставший от официальной суматохи, подошел к панорамному окну и устремил взгляд на зал.

Там, на красиво оформленной сцене, стояла его невеста. Милая, скромная девушка. Аслан с глубокой нежностью и теплотой посмотрел на нее, чувствуя, как внутри разливается спокойное семейное счастье.

Затем он лениво начал осматривать зал, изучая многочисленных гостей, и вдруг его взгляд намертво приковала девушка в серебряном платье.

Она стояла в ряду девушек, грациозная, с туго зачесанными назад волосами Ткань платья благородно переливалась

при каждом ее сдержанном движении. Аслан замер, всматриваясь в ее черты. Он не узнал в этой ослепительной женщине Марху .

Они ведь не виделись с того самого момента, как его семья переехала с их общей улицы. В его памяти она осталась маленькой, шустрой девчонкой, с которой они гоняли голубей. Но сейчас от этой незнакомки в серебре веяло такой элегантностью, что Аслан невольно восхитился.

Он повернулся к парням, сидящим за столом, и, кивнув на окно, спросил:

— Эй, парни, подкатите ближе. Кто-нибудь знает, что это за гостья в серебряном платье стоит рядом с Ларисой? Чья она родственница?

Аслан еще не знал, что эта «незнакомка» — та самая девочка из его детства,из-за которой он когда-то крутился во дворах, и что прямо сейчас внизу из-за нее беззвучно ломаются судьбы двух его лучших друзей.

Все мужчины встали из-за стола, с любопытством подошли к окну и начали разглядывать зал. Несколько секунд они молча вглядывались в танцевальный круг, а затем принялись качать головами. Почти все в один голос ответили, что видят её впервые и не знают, чья она.

Только Леча прищурился, подошел поближе к самому стеклу и внимательно пригляделся.

— Подождите-ка... Я её знаю, — уверенно сказал он, указывая рукой на девушку в серебре. — Она преподает музыку

у моего племянника. Я пару раз ездил в школу забирать его с занятий. Мархой зовут.

Аслан, который в этот момент уже собирался отойти и сесть обратно за стол, вдруг резко выпрямился.

— Марха? — громко переспросил он, и его голос заметно изменился.

Он мгновенно развернулся и быстро, почти в один шаг, снова подошел к панорамному окну. Сердце жениха забилось быстрее от нахлынувших детских воспоминаний. Маленькая Марха с их улицы!

Неужели эта ослепительная, грациозная женщина в серебряном платье — та самая девчонка, которая когда-то так сильно нравилась ему в детстве.

Мужчины в комнате удивленно переглянулись, заметив такую резкую перемену в поведении Аслана. Через секунду один из друзей, широко улыбнувшись, хлопнул его по плечу:

— Эй, парень, ты вообще-то женишься сегодня, забыл? Твоя невеста вон на сцене сидит!

Комната тут же взорвалась дружным мужским смехом. Друзья принялись по-доброму подкалывать жениха, но втайне каждому из них теперь было безумно интересно повнимательнее рассмотреть эту загадочную Марху, которая заставила самого жениха так разволноваться в день собственной свадьбы.

Впрочем, помня о приличиях и мужском достоинстве, они старались не подавать виду и изо всех сил делали равно-

душные лица, чтобы не показать свою слабость перед остальными.

Аслан продолжал молча смотреть сквозь стекло на Мархy. В этот самый момент ведущий в зале подошел к тамаде ловзара, чтобы согласовать имя первого парня, который выйдет танцевать с девушкой в серебряном платье.

Дверь комнаты жениха снова отворилась, и внутрь уверенным шагом зашел Амир. Заметив друга у панорамного окна, он направился прямо к нему. Они сегодня еще не успели толком поговорить из-за всей этой праздничной суматохи.

— О, Амир! Рад тебя видеть, брат, — Аслан обернулся и крепко пожал ему руку. Но тут же в его голосе прозвучал дружеский укор: — Слушай, а почему ты утром не приехал к дому, чтобы вместе со всеми поехать в кортеже за невестой? Я ведь ждал тебя.

— Я немного опоздал, дела задержали, — соврал Амир, стараясь, чтобы его голос звучал максимально естественно. Ему было невыносимо признаться, что он просто не находил в себе сил явиться раньше и посмотреть в глаза счастливому другу, пока его собственная жизнь лежала в руинах.

Аслан понимающе кивнул и снова отвернулся к стеклу. Амир невольно проследил за направлением его взгляда и мгновенно понял, что Аслан смотрит на Мархy, стоявшую внизу в своем ослепительном серебряном платье.

Внутри Амира снова вспыхнуло то самое жгучее, болез-

ненное чувство. Вспомнив вчерашний ночной разговор в ресторане, когда Тимур мимоходом упомянул о детской влюбленности Аслана, Амир тихо, с едва уловимой хрипотой спросил:

— Узнал её?

Аслан, который понятия не имел, что Амир вообще в курсе его детских чувств, удивленно округлил глаза и искренне покачал головой:

— Не узнал, представляешь! Мы же с детства не виделись, целых тринадцать лет прошло. Хотя в детстве на одной улице жили, в одни и те же игры играли, гоняли вместе повсюду...

Я запомнил её совсем маленькой девчонкой. Вот только когда Леча сейчас пригляделся и сказал, что её зовут Марха и она преподает музыку, до меня наконец дошло, что это она! Валлахи, как время летит. Из маленькой соседской девочки выросла такая статная, невероятная красавица.

Слова Аслана, полные искреннего, чистого восхищения, заставили Амира еще сильнее сжать зубы. Он смотрел вниз, на Мархy, вокруг которой в зале уже вовсю перешептывались другие молодые люди, и чувствовал, как земля медленно уходит у него из-под ног.

В этот момент ведущий в зале объявил начало круга для молодежи. Через тонированное стекло мужчины увидели, как в центр зала под одобрительные возгласы вышел статный парень, который, как оказалось, очень хорошо и уверенно танцевал. Сделав круг почета, он с глубоким уважением вы-

казал знак, приглашая Марху.

Марха, плавно отделившись от ряда девушек, вошла в танцевальный круг. Наступила секундная тишина, а затем зал взорвался аплодисментами.

Ее танец с первых же секунд буквально завораживал. Марха, как музыкант, тонко чувствовала каждое движение музыки, каждый удар барабана и перелив гармони. Она двигалась невероятно грациозно, без всех этих «новых штучек» и лишних, напыщенных жестов, которые сейчас часто перенимала молодежь.

Её танец был очень нормативным, строгим и благородным. Это был настоящий танец гордой, статной горянки — казалось, она не идет, а плавно, величественно плывет, словно лебедь по зеркальной глади воды. Серебристая ткань платья струилась вслед за её мягкими движениями рук, подчеркивая безупречную осанку.

В комнате жениха все мужчины прильнули к стеклу, завороженные этим зрелищем.

— Ма ша Аллах, вот это я понимаю — чеченский танец, — восхищенно выдохнул Леча. — Какая грация, какое воспитание.

Аслан молча кивал, не в силах скрыть гордости за то, что эта девушка — подруга их детства. Тимур, стоявший внизу у самого края круга, смотрел на Марху с благоговением и скрываемой нежностью, ловя каждый её взгляд.

А Амир... Амир стоял у окна, едва дыша. С каждым плав-

ным движением её рук, с каждым её царственным шагом его сердце разрывалось на части. В его голове снова и снова стучала мысль: «Она могла быть моей. Этот лебедь плыл бы для меня».

Он смотрел на неё с такой бешеной, отчаянной любовью и болью, что пальцы, упершиеся в подоконник, побелели от напряжения. В эту минуту он отчетливо понял, что три года брака с Линдой были лишь фальшивой декорацией, а настоящая жизнь — чистая, гордая и недосягаемая — танцевала сейчас там, внизу, в серебряном платье.

Танец завершается, и Марха под аплодисменты возвращается на свое место.

Под громкие финальные аплодисменты Марха грациозно завершила свой танец и с легким поклоном вернулась на свое место к ряду девушек. Лариса тут же восхищенно сжала ее ладонь, а молодые люди вокруг зашушукались с новой силой.

В этот момент ведущий ловзара снова поднял микрофон, и из мужского ряда уверенным, статным шагом вышел Тимур.

За эти года в Европе он ничуть не растерял кавказскую выправку. Расправив широкие плечи, Тимур с безупречным благородством и гордо поднятой головой сделал круг почета. Он танцевал уверенно, сильно, и в каждом его движении чувствовалась мужская харизма. Достигнув девичьей стороны, он выказал знак уважения и пригласил Марху на танец.

Марха снова вышла в круг. И этот танец стал совсем другим. Они знали друг друга с самого детства, понимали каждое мимолетное движение и полувзгляд. Их пара смотрелась невероятно гармонично: сильный, надежный Тимур в строгом темном костюме и хрупкая, царственная Марха, чье серебристое платье словно озаряло весь зал. Музыка вела их, и со стороны казалось, что они давным-давно рождены для этого совместного танца.

Наверху, в комнате жениха, Аслан довольно улыбнулся и хлопнул ладонью по подоконнику:

— Ну дает Тимур! Красиво идут. Смотри, Амир, как они подходят друг другу. Валлахи, отличная пара была бы.

Эти слова Аслана стали для Амира острым ножом, который с силой провернули в груди. Он стоял у окна, стиснув зубы до скрежета. Вся его выдержка, вся его железная воля, которую он собирал в кулак, в эту секунду начали трещать по швам.

Видеть, как Марха танцует с другим, пусть даже с их общим другом детства, было выше его сил. Амир вспомнил, как Тимур в ресторане признался, что Марха отказала ему из-за любви к Амиру. И сейчас Амир понимал: Тимур оберегает её, Тимур рядом с ней, а он, законный мужчина, который должен был защищать это сокровище, заперт в этой комнате со своим фальшивым браком.

Амир резко развернулся от окна, не в силах больше на это смотреть.

— Я спускаюсь в зал, — глухо, с трудом сдерживая ярость в голосе, бросил он Аслану и парням.

Не успела Марха вернуться на свое место после танца с Тимуром, как заиграли новые аккорды, и её тут же пригласили на третий танец подряд . Аплодисменты в зале не смолкали, но ведущий ловзара, заметив, что девушка уже заметно устала, решил мягко вмешаться, чтобы соблюсти приличия.

— Парни, парни, баркал! Давайте проявим уважение, дадим немного отдохнуть нашей гостье и пригласим других девушек, которые тоже ждут своего череда, — с улыбкой произнес он в микрофон.

Такое повышенное, исключительное внимание к одной и той же девушке просто не могла не заметить Линда. Она уже какое-то время стояла в толпе гостей со своей кузиной и с каждым новым выходом Мархи мрачнела всё сильнее. Вся её столичная спесь и уверенность в собственной неотразимости таяли на глазах.

И тут её взгляд упал на Амира.

Он только что спустился из комнаты жениха и теперь шел по залу. На его лице не осталось и следа от привычного безразличия. Амир двигался медленно, словно под гипнозом, и его потемневшие, полные отчаянной тоски глаза были намертво прикованы к Мархе .

Он не видел никого вокруг — ни гостей, ни танцующих, ни собственной жены. В этом взгляде читалось всё: и три года его личного ада, и безумная, неутихшая любовь.

Линду это буквально взбесило . Кровь бросилась ей в лицо, а пальцы, сжимавшие дорогую сумочку, побелели. Она слишком хорошо знала своего мужа, чтобы понять: этот взгляд предназначался не просто красивой гостье. Это был взгляд на женщину, которая владела его душой.

Резко отделившись от подруг, Линда на высоких каблуках решительно двинулась наперерез Амиру, намереваясь у всех на глазах перехватить его и устроить сцену.

Тем временем Мархa, слегка запыхавшись, отступила назад к Ларисе. Она поправляла край своего серебристого платья и внезапно почувствовала, как к ней приближается опасность. Подняв глаза, она увидела идущего к ней Амира, а следом — разъяренную Линду.

Тимур, который стоял неподалеку и внимательно следил за обстановкой вокруг Мархи, мгновенно увидел приближающуюся бурю. Его профессиональная привычка контролировать кризисные ситуации и природная мужская проницательность сработали безошибочно.

Он заметил и Амира, который шел с каменным лицом и безумным взглядом, и Линду, чье лицо перекосило от ярости. Тимур слишком хорошо помнил вчерашнее ночной признание Амира в ресторане.

Он понимал, что если эти двое сейчас столкнутся лицом к лицу посреди переполненного зала, на глазах у сотен гостей и старших родственников, случится непоправимый скандал, который навсегда погубит репутацию Мархи и испортит сва-

дьбу Аслана.

Не теряя ни секунды, Тимур сделал уверенный шаг вперед и заслонил собой Марху, полностью перекрывая ей обзор и отрезая от нее Амира.

В ту же секунду Амир поравнялся с ними, но уперся взглядом в широкие плечи друга. Сзади к нему уже подлетела Линда, тяжело дыша от гнева и едва сдерживая крик.

Тимур сохранил абсолютное, ледяное спокойствие. Он посмотрел на Амира твердым, предупреждающим взглядом, а затем перевел взор на его жену, вежливо, но очень холодно приложив руку к сердцу:

— Амир, Линда, добрый вечер еще раз, — негромко, но властно произнес Тимур, удерживая их на расстоянии. — Прекрасная свадьба, не правда ли? Амир, Аслан просил тебя зайти к нему в комнату через пару минут, там нужно решить какой-то организационный вопрос с музыкантами. Пойдем, я как раз собирался проводить Линду к ее подругам, чтобы вы не отвлекались на дела.

Этот маневр Тимура был безупречен. Он не просто защитил Марху, но и дал Амиру четкий знак: «Остановись, ты губишь ее».

Линда, почувствовав жесткий отпор со стороны статного друга Амира, на секунду замешкалась, но тут же перевела свой ядовитый взгляд на выглядывающую из-за плеча Тимура Марху в серебристом платье.

Этот короткий, но твердый взгляд Тимура подействовал

на Амира как ледяной душ. Осознание реальности вернулось к нему мгновенно: он понял, что его минутная слабость едва не вылилась в чудовищный позор для Мархи прямо посреди переполненного зала . Чеченское воспитание и мужская гордость взяли верх над бушевавшими внутри эмоциями.

Амир заставил себя остановиться в шаге от Тимура. Его лицо снова превратилось в непроницаемую маску. Повернувшись к кипящей от злости жене, он наклонился и тихо, но очень жестко сказал Линде на ухо всего несколько слов:

— Хватит устраивать цирк на глазах у моих друзей и старших.

Позоришь меня и себя. Ступай к своей кузине и сиди там смирно, пока я не вернусь.

Линда от неожиданности и скрытой в его голосе угрозы даже открыла рот, потеряв все свои заготовленные колкие слова. Прежде чем она успела прийти в себя и что-то возразить, Амир резко развернулся и быстрым, размашистым шагом пошел обратно в комнату жениха, скрываясь на лестнице.

Линда осталась стоять посреди зала, бледная от унижения. Чтобы не привлекать еще больше внимания гостей, ей не оставалось ничего другого, кроме как круто развернуться на каблуках и, высоко подняв голову, направиться в противоположный конец зала, к своей кузине.

Тимур облегченно и незаметно выдохнул, расправив плечи. Опасность сплетен и скандала на сегодня была предот-

вращена. Он медленно повернулся к Мархе, которая все это время стояла за его спиной, стараясь сохранять абсолютное внешнее спокойствие, хотя её пальцы крепко сжимали серебристую ткань платья.

— Всё в порядке, Марха, — негромко и успокаивающе произнес Тимур, заглядывая ей в глаза. — Пойдемте с Ларисой к нашему столу, скоро начнется официальное поздравление от родственников.

Марха лишь молча кивнула, благодарная другу детства за его защиту, но музыка, которая замолчала в её голове три года назад, теперь снова глухо и тревожно отзывалась в самом сердце.

Когда в банкетном зале утихли громкие аккорды народной музыки, операторы на свадьбе вместе с ведущим подошли к столам и попросили гостей взять слово для поздравления, чтобы записать праздничные пожелания для свадебного видеоальбома.

В зале воцарилась приятная суматоха, гости начали передавать друг другу микрофон, произнося теплые слова в адрес Аслана и его молодой невесты.

Лариса, сидевшая рядом с Мархой, сразу же оживилась и зашептала подруге:

— Марха, нам тоже обязательно нужно будет сказать! Мы ведь Аслана с самого детства знаем. Ты, как музыкант, должна сказать самое красивое и поэтичное пожелание.

Марха вздрогнула от этих слов, её мысли всё еще были

заняты недавней сценой в зале. Она посмотрела на микрофон, который операторы постепенно проносили по рядам, и почувствовала, как к горлу снова подкатывает волнение.

Говорить на публику, когда на тебя направлены объективы камер, а где-то там, за тонированным стеклом или в глубине зала, ловит каждое твое слово Амир — было настоящим испытанием.

Тимур, заметив легкую растерянность Мархи, ободряюще улыбнулся и тихо произнес:

— Не переживай, Марха. Если хочешь, я возьму микрофон первым, скажу поздравление от нашей улицы, а вы с Ларисой просто добавите от себя.

В это же время в комнате жениха Аслан и остальные мужчины тоже прильнули к экрану монитора, куда операторы выводили прямой сигнал с камер, чтобы жених мог слышать все поздравления своих гостей.

Амир стоял чуть позади Аслана. Сердце его бешено колотилось — он понимал, что очередь поздравлений неминуемо дойдет до стола, где сидит Марха, и он наконец снова услышит её голос. Голос, который не слышал долгие три года.

Когда микрофон наконец оказался в руке Мархи, в зале на мгновение стало тише. Она заговорила очень теплым, приятным, бархатным голосом, от звука которого у Амира наверху, у монитора, перехватило дыхание .

— Я знала Аслана в детстве, но я не знаю его сейчас взрослым,— Марха искренне улыбнулась, глядя в камеру операто-

ра. — Поэтому я обращаюсь к тому мальчику, который стоял горой за младших, который вместе с нами выхаживал раненую ласточку...Я помню тебя именно таким. А еще я помню, как ты всегда смотрел в мои нотные тетради и с улыбкой говорил: «Как ты тут вообще что-то понимаешь?» Не знаю, Аслан помнишь ли ты? Помнишь ли как я сказала, что на своем концерте сыграю для тебя?

Марха сделала небольшую паузу, и серебристая ткань её платья мягко блеснула в свете софитов.

— Концерта пока у меня не было, но я сегодня сыграю для тебя. И для этой милой девушки, которая решила оставить свой отчий дом и, положившись на тебя, пошла за тебя замуж. Счастья вашей семье.

По залу прокатилась волна тронутых, одобрительных возгласов.

Аслан в комнате жениха широко улыбнулся, его глаза повлажнели от воспоминаний о ласточке и нотных тетрадях.

А Амир стоял рядом, бледный как полотно. Его сердце разрывалось от боли и восхищения. В её словах было столько чистоты и благородства. Но самое главное — она собиралась играть. Неужели она исполнит ту самую пьесу, которую три года назад написала для него, но так и не сыграла.

В это время к столу Мархи уже подошел распорядитель торжества, чтобы проводить её к белоснежному роялю, стоявшему на небольшом подиуме у сцены.

Линда стояла бледная как полотно, едва сдерживая дрожь

в руках.

Она прекрасно понимала, что прямо сейчас этим огромным залом безраздельно владеет Мархa.

Так просто, без всяких видимых усилий, без пафоса и столичного лоска, эта скромная чеченка в серебристом платье приковала к себе внимание сотен людей, заставив их затаить дыхание. И это бесило Линду до глубины души.

Её эго светской львицы было жестоко раздавлено. Внутренний голос Линды в ярости твердил одну и ту же мысль: "Да кто она вообще такая? Просто деревенщина!"

Хотя Марха родилась, выросла и жила в самом Грозном, для Линды, привыкшей к закрытому элитному клубу Москвы, абсолютно все за пределами Садового кольца казались провинциальной деревенщиной.

А в это время Марха с безупречной осанкой поднялась на подиум и грациозно опустилась на банкетку перед белоснежным роялем. В зале воцарилась абсолютная, звенящая тишина. Все взгляды были устремлены на её тонкие пальцы, замершие над клавишами.

В комнате жениха у монитора Амир почти не дышал. Он узнал первые аккорды, едва они сорвались с инструмента.

Это была её музыка. Мелодия их дождливой осени, которую она написала для него, но которая молчала долгие три года.

Рояль под её руками зазвучал так глубоко, чисто и пронзительно, что у многих гостей на глазах навернулись слезы.

Звуки музыки заполнили каждый уголок зала, проникая в самое сердце Амира и заставляя его душу кричать от раскаяния.

Звуки рояля заполняли комнату жениха, проникая сквозь тонированное стекло и окутывая мужчин удивительной, живой прохладой осеннего дождя.

Музыка Мархи дышала, страдала и звала за собой. В ней не было фальши — только чистая, обнаженная душа, которая все эти три года безмолвно кричала о своей боли.

Аслан, завороженный игрой подруги своего детства, подался ближе к окну. Он слушал каждую ноту, и его лицо выражало глубокое, искреннее потрясение.

Повернувшись к другу, Аслан тихо, почти шепотом сказал Амиру:

— Эта музыка... она как будто живая. Амир, ты когда-нибудь слышал что-то подобное?

Этот простой, восхищенный вопрос Аслана ударил по Амиру сильнее любого обвинения. Каждый аккорд, срывающийся из-под тонких пальцев Мархи, заживо выжигал его изнутри. Это была его музыка. Пьеса, которую она когда-то написала для него, вкладывая в нее свои первые робкие чувства.

И сейчас она дарила это сокровище всему залу, отдавала Аслану и его невесте, навсегда вычеркнув Амира из числа тех, кому эта мелодия принадлежала.

Слова друга заставили Амира окончательно замкнуться

в своей невыносимой боли. Он стоял, словно окаменевшее изваяние, не в силах даже вздохнуть.

Губы его побелели, а в горле стоял сухой, удушливый ком. Чтобы не выдать себя перед Асланом и парнями, Амир еще глубже спрятал руки в карманы брюк, сжимая кулаки так, что ногти вонзились в кожу. Он не мог произнести ни слова. Если бы он открыл рот, из его груди вырвался бы крик отчаяния.

А внизу, в ослепительном сиянии софитов, Марха продолжала вести свою безупречную, завораживающую партию, заставляя всю свадьбу замереть в трепете, пока Линда в дальнем углу зала буквально сгорала от бессильной злости.

Тимур стоял совсем рядом у рояля, не отрывая взгляда от Мархи. Отсюда, с расстояния вытянутой руки, он отчетливо видел едва уловимые тени настроения музыки на её лице. Каждая смена темпа, каждый драматический переход в минор отражались в легком движении её бровей, во вздрагивании ресниц и в том, как на мгновение замирало её дыхание.

Эта музыка была её исповедью, и Тимур, слишком хорошо знавший её с детства, читал эту исповедь как открытую книгу.

В этих звуках не было праздника. В них была глубокая, бережно хранимая тоска по человеку, которого она пыталась возненавидеть, но так и не смогла забыть.

Слушая этот плач рояля и глядя на ослепительную Марху в серебристом платье, Тимур понимал, что он окончательно

погибает. Три года в Европе, амбициозные проекты, сотни новых лиц — всё это рухнуло и превратилось в прах под первыми же аккордами её пьесы.

Он любил её. Любил так сильно и безнадежно, что эта любовь сейчас буквально душила его. Он понимал, что Марха никогда не посмотрит на него так, как смотрела на Амира, и что её сердце навсегда отдано другому. Но даже зная это, Тимур не мог заставить себя отвернуться.

Он погибал от осознания собственного бессилия, но был готов сгореть в этом пламени до конца, лишь бы просто стоять рядом и защищать её покой.

Марха взяла последний, оглушительный и пронзительный аккорд. Звук рояля медленно растаял под сводами огромного зала. На секунду воцарилась абсолютная, звенящая тишина, а затем банкетный зал буквально взорвался громом аплодисментов.

Гости вставали со своих мест, Макка Межиева восхищенно покачала головой, а Аслан у монитора в комнате жениха победоносно ударил кулаком по столу.

Марха медленно опустила руки на колени. Она тяжело дышала, словно только что пробежала длинную дистанцию. Подняв глаза, она первым увидела Тимура.

Прежде чем встать и, слегка приложив руку к сердцу, поклониться залу в ответ на бурные овации, Марха посмотрела на друга детства. Её лицо оставалось бледным, а в глазах читалась глубокая, невыносимая усталость от пережитого на-

пряжения.

Она тихо, одними губами, сказала стоявшему рядом Тимуру:

— Отвези нас с Ларисой скорее отсюда, я хочу домой.

Эта музыка забрала у неё последние силы. Выплеснув в зал всю свою трехлетнюю боль, Марха поняла, что больше не сможет выносить присутствие Амира, этот фальшивый праздник и ядовитые взгляды Линды. Ей нужно было немедленно скрыться, спрятаться в тишине своего дома, чтобы прийти в себя.

Тимур мгновенно всё понял. Его сердце сжалось от боли за неё, но он среагировал без малейшего промедления. Коротко и уверенно кивнув, он отступил назад, давая ей возможность спуститься с подиума.

— Лариса, собирайся, мы уезжаем, — негромко, но не терпящим возражений тоном бросил Тимур подошедшей подруге.

Лариса, заметив состояние Мархи, не стала задавать лишних вопросов. Девушки быстро забрали свои сумочки из-за стола.

Тимур шел впереди, уверенно прокладывая им путь сквозь толпу гостей, которая всё еще бурно обсуждала невероятное выступление. Он делал всё, чтобы они покинули зал максимально незаметно, не привлекая внимания старших родственников и не провоцируя лишних сплетен.

Наверху, в комнате жениха, Амир у панорамного окна

резко подался вперед. Сквозь тонированное стекло он с ужасом увидел, как фигура в серебристом платье стремительно направляется к выходу в сопровождении Тимура и Ларисы. Они уезжали. Она уходила из его жизни снова, оставляя его в этом душном, фальшивом мире.

Внутренний голос Амира панически закричал, что если он отпустит её сейчас, то потеряет навсегда.

Амир уже сделал резкий шаг к двери, готовый ринуться за ними вслед на парковку, наплевав на приличия, Линду и весь этот праздник. Но в самый последний момент, уже взявшись за дверную ручку, он периферийным зрением увидел, что несколько мужских глаз пристально смотрят на него. Парни, сидевшие за столом в комнате жениха, на мгновение затихли, удивленные его резким, судорожным движением и безумным выражением лица.

Этот оценивающий взгляд со стороны подействовал как ледяной душ. Амир замер.

Он остановился, отчетливо понимая, что не может так поступить. Если он сейчас бросится догонять чужую гостью на глазах у всех, это станет несмываемым пятном на её репутации. В Грозном слухи разлетались мгновенно.

Его минутная слабость обернулась бы для Мархи волной сплетен и косых взглядов со стороны родственников, а этого он допустить не мог. Прежде всего из-за самой Мархи, ради безопасности и чести которой он три года назад уже принес в жертву собственное счастье.

Амир медленно убрал руку от двери и с трудом заставил свои плечи расправиться. Сердце глухо и болезненно стучало в груди, отдаваясь в висках.

Сквозь тонированное стекло он проводил взглядом удаляющуюся к парковке троицу. Тимур бережно открыл дверцу автомобиля, Мархa в своем ослепительном серебристом платье села на заднее сиденье, Лариса устроилась впереди. Машина плавно тронулась с места, её красные габаритные огни прорезали наступившие осенние сумерки и вскоре окончательно растворились в городском потоке.

Она уехала. Зал внизу продолжал шуметь, Макка Межиева запела новую песню, гости смеялись, а Амир чувствовал себя заживо погребенным в этой роскошной комнате. Но в его душе, охваченной пожаром, вместе с болью зажглась глухая, отчаянная решимость. Он больше не будет молчать. Завтра этот кошмар должен закончиться.

Лариса без умолку болтала всю дорогу, изо всех сил стараясь разбавить тяжелую, звенящую паузу, повисшую в салоне автомобиля. Она в деталях обсуждала угощения, платье невесты, гостей — делала всё, чтобы отвлечь подругу. Мархa молча смотрела в окно на мелькающие огни Грозного, изредка кивая в ответ.

Сначала Тимур повёз Марху.

Когда машина плавно затормозила у её дома, в душе Тимура разыгралась настоящая буря. Ему безумно хотелось сначала отвезти Ларису, чтобы остаться с Мархой один на

один хотя бы на несколько минут. Ему хотелось спросить, что это была за музыка, почему она так внезапно захотела уехать и что на самом деле связывает её с Амиром. Ему хотелось сказать ей столько слов поддержки, напомнить, что он рядом.

Но чеченские традиции и строгое воспитание не оставили ему выбора. Оставить девушку в машине наедине с парнем, который не является ей близким родственником, было недопустимо. Вопреки своим эгоистичным желаниям, Тимур поступил как истинный чеченец, ставя её честь и покой выше собственных чувств.

Он вышел из машины, почтительно придержал дверцу, помогая Мархе выйти и следя, чтобы она не запуталась в подоле своего изысканного серебристого платья.

— Баркал, Тимур. Спасибо, Лариса, — тихо, с глубокой признательностью произнесла Марха, кутаясь в пальто от прохладного осеннего воздуха.

— Дала аьтто бойла, Марха. Отдыхай, ты сегодня сотворила чудо за роялем, — мягко ответил Тимур, приложив руку к сердцу.

Марха скрылась в подъезде дома, а Тимур вернулся за руль. Салон машины вдруг показался ему пустым, несмотря на присутствие Ларисы. Он тронул машину с места, понимая: завтрашний день принесет новые испытания, ведь Амир вряд ли оставит всё как есть после того, что услышал в ресторане.

Марха почти влетела в квартиру, едва дыша, и когда мама открыла ей дверь, силы окончательно покинули девушку.

— Марха? Что случилось? — удивилась мама, встревоженно вглядываясь в бледное лицо дочери.

— Ничего, мама, всё хорошо, — Марха попыталась улыбнуться, разуваясь трясущимися руками. — Просто у меня сильно разболелась голова. Ты же знаешь, я не люблю такие шумные места, долго там находиться для меня тяжело.

Мама понимающе покачала головой, но женское любопытство взяло верх. Ей, как и любой женщине, хотелось узнать подробности о празднике парня с их бывшей улицы. Пока Марха снимала пальто, стараясь не помять серебристое платье, мама принялась расспрашивать, как всё прошло:

— Ну расскажи хоть в двух словах, красивая ли была невеста? Из какой она семьи? А Аслан... каким он стал? Сильно изменился за эти тринадцать лет?

Марха прошла на кухню, чтобы налить себе воды и хоть немного потянуть время. Голос мамы доносился словно сквозь вату. Ей нужно было отвечать на простые вопросы, но перед глазами до сих пор стопором стоял каменный, полный боли силуэт Амира и широкие плечи Тимура, защитившие её посреди зала.

— Невеста очень милая, скромная девочка, — тихо ответила Марха, делая глоток. — А Аслан... возмужал, конечно. Но в душе, кажется, остался тем же парнем. Он очень обрадовался, когда узнал, что я пришла. Я даже сыграла для них

на рояле, как когда-то обещала ему в детстве.

Мама слушала с улыбкой, расспрашивая еще о каких-то мелочах — о родственниках, о Ларисе, о том, много ли было гостей. Марха отвечала машинально, мечтая только об одном: поскорее зайти в свою комнату, снять это ослепительное платье, которое сегодня принесло ей столько потрясений, и остаться в темноте наедине со своими мыслями.

Марха зашла в свою комнату, аккуратно сняла серебристое платье и рухнула на кровать без сил. Ей не хотелось включать свет. Темнота приятно окутала её, и девушка мгновенно провалилась в глубокий, тяжелый сон, словно спасаясь от всех потрясений этого бесконечного дня.

Она проснулась поздно ночью от сильного шума за окном — шёл густой, проливной дождь. Крупные капли с силой стучали по стеклу и подоконнику, навевая воспоминания о той далекой осени три года назад. Марха лежала неподвижно, прислушиваясь к шуму ливня. В комнате было прохладно. Головная боль отступила, но на её место пришла удивительная, звенящая ясность мыслей.

Она вспомнила, как сегодня её пальцы касались клавиш рояля, и как музыка вырывалась из самого сердца. Она сыграла ту пьесу. Сыграла её на глазах у Амира, отдав её другим людям. И сейчас, под аккомпанемент ночного дождя, Марха вдруг почувствовала, что этот танец и эта музыка словно провели невидимую черту. Равнодушия не было, но та слепая, разрывающая душу обида, кажется, наконец уступила

место чему-то новому.

Вдруг внизу, у самого подъезда, послышался тихий звук закрывающейся автомобильной дверцы, а следом — мягкий шорох шин по мокрому асфальту. В Грозном ГИБДД редко патрулировало тихие дворы в такой ливень, и этот звук заставил Марху насторожиться. Она медленно подошла к окну и робко выглянула во двор, залитый потоками воды.

Там, прямо напротив её подъезда, мягко шурша шинами по лужам, припарковался крупный, массивный внедорожник нового поколения. Мархa не узнала его, но хищный, строгий силуэт автомобиля всё равно заставил её сердце тревожно сжаться. В таком дорогом авто в этот глухой час мог приехать только один человек.

Дверца машины распахнулась. Из салона вышел мужчина. Он не стал раскрывать зонт, несмотря на стену проливного дождя. Подняв воротник темного пальто, он сделал несколько шагов вперед и остановился, а потом поднял голову как в ту ночь, когда они не были ещё знакомы и она назвала его "пешеход без зонта".

Он не пытался зайти внутрь, не сигналил, просто стоял там, внизу, словно безмолвное изваяние своего собственного раскаяния.

Марха застыла у подоконника, прижав ладонь к груди. Вся её злость, сменившаяся ледяным равнодушием на свадьбе, вдруг снова пошатнулась от этого немого ночного присутствия.

На часах уже было одиннадцать часов вечера . Внезапно тишину темной комнаты нарушил мягкий вибросигнал смартфона. Экран загорелся, осветив бледное лицо Мархи.

На телефон пришло сообщение, и, открыв его, она поняла, что оно было далеко не единственным. За то время, пока она спала, накопилось несколько уведомлений.

Тимур написал уже три сообщения — в них читалась его искренняя, сдержанная забота. Он спрашивал, всё ли в порядке и дошла ли она спокойно до квартиры. Лариса тоже прислала весточку, беспокоясь и спрашивая, как она себя чувствует после столь внезапного ухода со свадьбы. Но её внимание привлек незнакомый номер. Это было очень длинное, развернутое сообщение, которое, как оказалось, было от Аслана . Молодожен нашел минуту в свой праздничный вечер, чтобы написать подруге детства.

Он горячо благодарил её за теплые слова, за невероятную, трогательную музыку и за то, что она вообще пришла на его торжество. Аслан писал, как он был искренне рад её присутствию, ведь он сам даже не пригласил её лично, закрутившись в предсвадебных хлопотах и мыслях. Он добавил, что очень хорошо, что Лариса проявила инициативу и сделала это за него. Его слова дышали такой искренней дружеской теплотой, что Марха невольно улыбнулась, чувствуя, как утихает буря в её душе.

Она перевела взгляд с экрана телефона обратно на залитое дождем стекло. Внизу, на мокром асфальте двора, в туск-

лом свете фонаря всё так же стоял Амир. Дождь безжалостно мочил его плечи, а он продолжал неотрывно смотреть на её окно второго этажа, словно ждал какого-то знака или ответа. Телефон в руках Мархи снова тихо завибрировал.

Амир стоял под проливным дождем и неотрывно смотрел вверх. Внезапно он увидел слабое свечение телефона в темном окне второго этажа. Несмотря на то, что света в комнате не было, эта маленькая искорка дала ему понять: возможно, она не спит.

Сердце Амира бешено заколотилось. Не раздумывая больше ни секунды, дрожащими от холода пальцами он отыскал её имя в контактах и позвонил. В тишине ночной комнаты телефон Мархи ожил, озарив стены ярким светом. На экране высветилось его имя.

Она поднесла трубку к уху и услышала его дыхание. У Амира голос был хриплый — ледяной осенний ливень уже сделал свое дело.

«Он же простынет, дурачок...» — болезненным эхом подумала Марха,

чувствуя, как вопреки всей логике и обидам в груди разливается глухая, щемящая тревога за него. Но, собрав остатки воли, она ответила на звонок.

— Да, Амир, я слушаю, — сказала Марха, стараясь, чтобы её голос прозвучал как можно суше.

— Марха, выйди... — хрипло попросил он . А потом наступила тишина.

В трубке было слышно только тяжелое, прерывистое дыхание Амира и сплошной, глухой шум падающей с неба воды. Молчал Амир, и молчала она.

Три года несказанных слов, три года разлуки и боли сейчас спрессовались в это безмолвие ночного звонка. Марха смотрела на его темный силуэт внизу, и слезы сами собой покатились по её щекам.

— Уходи, ты простынешь, — тихо сказала она, не выдержав этой пытки.

— Выйди, — еще глуше, почти умоляюще сказал Амир, сильнее сжимая трубку мокрой ладонью. Ему плевать было на простуду, плевать на ливень. Всё, чего он хотел — это оказаться на расстоянии взгляда, без пафосных залов, без Линды и свидетелей, чтобы она просто выслушала его.

Марха прекрасно понимала, что не может ночью так поздно выйти на улицу. Её могли увидеть соседи и неправильно растолковать её поступок. «Хотя почему неправильно? — горько подумала она.

— Она же, если выйдет ночью к чужому женатому мужчине, действительно будет кругом не права».

Даже если её сердце сейчас предательски рвалось от боли и неистово колотилось в груди, разум заставлял держать оборону. Что он вообще мог у неё просить после трёх лет молчания? Поэтому она ещё раз твердо сказала в трубку: «Уходи».

Тогда в трубке раздался его тяжелый вздох, и Амир сказал: «Открой окно. Я ещё раз хочу просто увидеть тебя, и я

уеду». Марха заколебалась, но непреодолимая сила потянула её руку к оконной ручке. Она повернула её и открыла окно. В ту же секунду резкий порыв прохладного осеннего воздуха ворвался в комнату, и крупные капли дождя вместе с ветром резко ударили её по лицу, смешиваясь со слёзами.

Теперь между ними не было преграды в виде стекла. Из-за второго этажа Амир стоял совсем близко. Он опустил телефон, поднял голову и посмотрел на неё напрямую. Весь его строгий вид, дорогое пальто и маска гордости смылись этим ливнем. Перед Мархой стоял измученный человек, который, не мигая, впитывал в себя её образ, словно пытался запомнить её на всю оставшуюся жизнь.

Они стояли так в полном молчании под шум грозненского дождя. Амир беззвучно шевельнул губами, произнося её имя, и Марха почувствовала, как её ледяная броня окончательно рушится.

Они так простояли какое-то время, разделенные стеной падающей воды и тремя годами несказаных слов. Марха чувствовала, как с каждой секундой её решимость тает, а сердце бьется всё отчаяннее. Понимая, что этот ночной безмолвный разговор за рамками всех приличий затягивается и надо заканчивать это, она сделала над собой огромное усилие. Марха махнула рукой на прощание и закрыла окно.

Глухой стук рамы оборвал шум ливня. Она сразу же отошла вглубь комнаты, боясь, что снова поддастся внезапным чувствам и

опять распахнет створки навстречу этому безумному, промокшему до ниточки человеку. В груди всё горело от боли и невысказанных вопросов, но разум твердил: так правильно.

Марха сидела на краю постели в полной темноте, прислушиваясь к звукам двора. Прошло минут пять, и она услышала глухие звуки шин отъезжающего автомобиля. И тут же экран её телефона опять стал светиться. Пришло новое уведомление. Это было сообщение от Амира: "Дела реза хийла хьуна, Марха".

Эти короткие, полные уважения и скрытой горечи слова заставили её расплакаться с новой силой. Он благодарил её за то, что она просто открыла окно. За то, что позволила ему посмотреть на неё. В эту дождливую ночь они оба поняли, что чувства живы, но пропасть между ними стала еще более осязаемой.

Глава 12

Амир вернулся домой только к полуночи. Линда ждала его в гостиной, невидящим взглядом всматриваясь в темноту за панорамными окнами.

Они совсем недавно переехали в этот огромный, утопающий в роскоши дом. Амир сам спроектировал его от первого до последнего кирпича, а она с такой любовью подбирала интерьер и текстиль. Но сегодня ни изысканный дизайн, ни ухоженный просторный двор её не радовали. Вся эта красота померкла, вытесненная мыслями об одной-единственной девушке — той самой, в серебряном платье.

Сейчас она казалась Линде реальной, осязаемой угрозой. Угрозой всему её семейному счастью.

Линда горько усмехнулась про себя, понимая: защиты ждать неоткуда. Её мать больше не имела на Амира прежнего влияния. За последние три года он полностью подмял её под себя — жёстко, уверенно, без лишних сентиментов. Амир сослал тёщу в офис к своему отцу, выделил ей строго определённую долю в общем пироге и сделал всё, чтобы она сидела тихо и не смела вмешиваться в их жизнь.

Он хладнокровно разобрался с её криминальным окружением. В большом бизнесе Амир быстро усвоил урок: хочешь выжить — забудь о роли «белого и пушистого» мальчика.

Три года изнурительной работы, тонких дипломатических

переговоров и жёстких разборок превратили его из богатого наследника в опасного, сильного мужчину, с которым считались даже самые крупные игроки.

Криминальное прошлое тёщи осталось позади, теперь она была тише воды и ниже травы. Линда прекрасно понимала: мать и тётя, когда-то так хитро обставившие их брак и заставившие Амира жениться, потеряли над ним всякую власть. Эту таинственную музыкантшу ей придётся обезвреживать самой.

Времени даром Линда не теряла. Пока Амир, вместо того чтобы вернуться с ней со свадьбы Аслана, куда-то импульсивно умчался, она обзвонила половину города. К концу вечера ей удалось выяснить главное: соперница работает в гимназии. И, что самое примечательное, именно там, где трудится двоюродная сестра её матери.

В голове Линды уже начал вырисовываться чёткий, хладнокровный план. Завтра же утром она нанесёт визит тётушке и выяснит, что это за птичка. Ну а пока... пока нужно было выдержать главную проверку. Прямо сейчас, когда шаги Амира уже раздались в прихожей, попытаться выведать у него: кем на самом деле является для него эта девушка?

Едва Амир переступил порог гостиной, Линда поднялась ему навстречу. Голос её, несмотря на попытку казаться спокойной, дрожал от обиды и злости:

— Амир, где ты был? Почему я одна приехала домой? Ты просто оставил меня там!

Амир даже не посмотрел в её сторону. С его пальто на дорогой паркет стекали крупные капли воды.

— Ты не маленькая, добралась же, — зло буркнул он на ходу и, резко развернувшись, направился в спальню, чтобы переодеться.

Он был насквозь мокрый от хлынувшего на улице ледяного дождя.

Линда не собиралась отступать. Шаг в шаг она пошла за ним, её задевало его ледяное равнодушие.

— Почему ты такой мокрый? Ты что, гулял пешком под дождем?! — допытывалась она, заглядывая ему в лицо.

Амир молчал. Он стягивал с себя промокшую одежду с таким видом, словно Линды вообще не было в комнате. Это молчание пугало её больше, чем если бы он начал кричать.

Наконец, он повернулся к ней лицом. Снимая влажную рубашку, Амир поднял на жену тяжелый, потемневший взгляд и произнес глухим, не терпящим возражений тоном:

— Линда, не трогай меня сегодня, поняла?

Так и не дождавшись ответа, Амир скрылся за дверью ванной, откуда вскоре донесся шум бегущей воды.

Линда вернулась в постель. Натянув одеяло до самого подбородка, она долго лежала в темноте, прислушиваясь к каждому звуку и чувствуя, как внутри неё закипает горькая обида.

Когда Амир наконец вошел в спальню, она демонстративно лежала лицом к стене, притворившись спящей. В полу-

мраке комнаты раздался его тяжелый, едва заметный вздох облегчения — он явно был рад, что ночного допроса удалось избежать.

Тихо, стараясь не шуметь, Амир откинул край одеяла и лег на свою половину кровати.

В спальне воцарилась гнетущая тишина. Но едва Амир погрузился в свои невеселые мысли, как Линда резко, одним слитным движением повернулась к нему. Подвинувшись вплотную, она слегка приподнялась на локте и, заглядывая мужу прямо в лицо, ядовито выпалила:

— Кто эта с...ка в серебряном?

Она не успела издать больше ни звука. В то же мгновение Амир мертвой хваткой вцепился в её запястье. Его пальцы сжались подобно стальным тискам, а из груди вырвался глухой, пугающий рык раненого зверя:

— Не смей! — прорычал он.

В темноте его глаза блеснули опасным, хищным блеском. Линда оцепенела, боясь даже вздохнуть. Рука онемела от боли, но куда сильнее её ранил ужас от осознания: Амир не шутит. И по этой дикой, яростной защите она мгновенно поняла то, чего боялась больше всего на свете — насколько сильно, до безумия, он дорожит той девушкой.

Линда заставила себя расслабиться и замереть. Острая боль в запястье постепенно утихала, уступая место холодной, расчетливой злости. Эта ночная вспышка Амира лишь укрепила её в мысли: напрямую через мужа ничего не добиться.

Любое упоминание этой девицы превращало его в берсерка. Но это означало лишь одно — Линда на правильном пути.

Сон окончательно ушел. Вглядываясь в темноту потолка, она начала перебирать в памяти детали прошедшего вечера. Перед глазами вспыхнул силуэт парня, который первым пригласил Мархy на танец. Линда знала его — он был родным братом одной её хорошей знакомой.

Она прекрасно помнила, как после внезапного исчезновения Мархи и её подруги с торжества этот парень буквально не находил себе места, настойчиво расспрашивая гостей о таинственной незнакомке.

В голове Линды защелкнулся замок: вот инструмент, который она использует. Нужно лишь утром набрать знакомую. И тут её осенила еще одна мысль. Номер телефона.

«Наверняка у Амира в контактах есть мобильный этой твари», — зло подумала Линда, покосившись на лежащий на тумбочке смартфон мужа. Оставалось лишь дождаться удобного момента, чтобы незаметно заглянуть туда.

Амир в это время тоже не спал. Из ума не шли слова, оброненные Тимуром. Каждая деталь их недавнего разговора теперь жгла изнутри, переворачивая всё вверх дном. Получалось, тогда, три года назад, Мархa не принимала предложение Тимура. Она не предавала Амира. Не меняла его на чужое богатство и статус. Она любила его... Всё это время любила только его.

Осознание этого факта обрушилось на Амира сокруши-

тельной лавиной. Сердце сжалось от невыносимой, глухой боли.

Три года. Целых три года они жили в одном городе, ходили по одним улицам, дышали одним воздухом. И всё это время он сознательно не искал с ней встреч, душил в себе остатки чувств и методично строил другую жизнь лишь потому, что был ослеплен гордостью. Он был уверен, что она сделала свой выбор.

Или… Амир зажмурился, и эта мысль обожгла его своей циничной правдой. Или ему самому тогда было проще поверить в её предательство?

Да, это ранило, это выжигало всё внутри, но зато давало ему иллюзию свободы. Свободы двигаться дальше. Обида стала его щитом. Все эти три года он усердно строил империю, воевал, ломал чужие судьбы и подчинял себе криминальные авторитеты лишь для того, чтобы не думать о ней. Он методично, заживо похоронил свою любовь к Мархе, придавив её огромной, неподъемной гранитной глыбой.

И вот теперь одна короткая встреча и несколько честных слов Тимура вдребезги, в мелкую пыль разбили эту глыбу. Любовь, которую он считал мертвой, хлынула наружу с новой, пугающей силой.

«И что мне теперь делать с этой любовью?» — мысленно спросил он у темноты, чувствуя, как внутри всё горит.

Перед глазами снова встала картина из сегодняшней ночи. Насквозь промокший, замерзший, он целый час просто-

ял под проливным дождем у её окон.

Ненормальный, сумасшедший поступок для взрослого, расчетливого мужчины, которым он стал. Но ему это было жизненно необходимо. Не среди фальшивого блеска свадебного торжества, не на глазах у сотен людей — ему нужно было увидеть её настоящую.

И когда Марха на минуту открыла окно, Амир едва не задохнулся. Пусть между ними были метры высоты, пусть это был всего лишь силуэт на втором этаже в полумраке ночи, но этот миг вернул его к жизни. Он получил свой глоток воздуха, без которого уже просто не мог дышать.

Линда проснулась на рассвете, когда комнату едва заполняли серые утренние сумерки. Она осторожно повернула голову и посмотрела на мужа. Амир спал беспокойно: по его лицу то и дело пробегали тяжелые тени, а пальцы рук едва заметно вздрагивали, словно даже во сне он продолжал с кем-то бороться. Линда поняла — ему снится кошмар. Но сочувствия в её душе не было.

Она перевела быстрый, хищный взгляд на прикроватную тумбочку. Там лежал его смартфон. До вчерашнего дня у Амира не было от неё секретов в личной жизни — в его суровый бизнес она никогда не лезла, а скрывать в семье ему было нечего, поэтому все пароли от его телефона Линда знала наизусть.

Стараясь не издать ни звука, она скользнула ладонью по тумбочке, перехватила аппарат и на цыпочках вышла из

спальни.

Оказавшись в пустой гостиной, Линда разблокировала экран и сразу заглянула в последние сообщения.

Сердце замерло, а затем бешено заколотилось в груди. Прямо на самом верху светилось отправленное вчера в 23:31 короткое СМС:

"Дел рез хийл хьун, Марха" (Да благословит тебя Аллах / Спасибо тебе, Марха).

Линда зло, беззвучно усмехнулась, чувствуя, как к горлу подступает горькая обида.

— Вот, значит, где ты вчера был… — прошептала она в пустоту огромного дома. — И вот что ты делал.

Вопрос, за что именно её жесткий, гордый Амир мог так искренне и смиренно благодарить эту музыкантшу посреди ночи, оставался открытым. И этот вопрос пугал Линду сильнее всего.

Быстро переписав заветные цифры в свой телефон, Линда вернула аппарат мужа на тумбочку. Теперь в её голове вырисовывался четкий, пусть пока и сыроватый план.

Утром, едва дождавшись приличного времени, она набрала подругу и настойчиво пригласила её на чашку кофе в одно из уютных кафе на проспекте Путина.

Сразу после этого Линда позвонила тётушке. Притворно-жалобным тоном она пожаловалась на скуку и намекнула, что очень соскучилась. Тётя, ничего не подозревая, радушно позвала племянницу к себе в гости, но домой Линде было

не нужно.

Ей требовалось проникнуть в самое логово врага — именно так она теперь мысленно называла гимназию. В итоге они договорились, что Линда приедет к ней прямо на работу, во второй половине дня.

Амир проснулся поздно — бессонная ночь дала о себе знать. Когда он вышел из душа, Линда уже уходила. В доме вовсю хозяйничала помощница — приятная женщина средних лет. Несмотря на некоторую плотность фигуры, она была невероятно шустрой и безупречно справлялась со своими обязанностями.

Завидев хозяина, она вежливо поздоровалась и спросила:

— Вы сразу придете к столу? Завтрак готов.

— Да, спасибо. Налейте сразу чай, пожалуйста, я и так сильно припоздился, — ответил Амир, на ходу застегивая часы. Мыслями он был уже далеко от этого дома.

Марха пришла на работу совершенно разбитой. Бессонная ночь и тяжелые мысли давали о себе знать, но она заставила себя собраться и включиться в процесс. Склонившись над тетрадью вместе с учеником, она терпеливо объясняла ему новую тему, как вдруг дверь класса бесцеремонно, без стука распахнулась.

На пороге появилась завуч, Лейла Вахидовна, а за её спиной… Марху словно окатило ледяным душем. Это была жена Амира.

— Знакомься, Марха, это моя племянница, — с улыбкой

представила гостью Лейла Вахидовна.

Линда стояла, демонстрируя абсолютное, непоколебимое спокойствие и мягко улыбаясь. Но Марха слишком хорошо помнила её тяжелый, полный ярости взгляд вчера вечером. Помнила, как Линда буквально неслась через весь зал прямо к ней, и только Тимур, который вовремя преградил ей путь и отвлек внимание, спас Марху от неминуемого скандала.

А сегодня эта женщина стояла прямо перед ней с маской идеальной невозмутимости.

— Знакомьтесь, это Линда, — продолжала завуч, переводя взгляд на коллегу. — А это наш талантливый молодой специалист. Марха действительно глубоко понимает музыку и уже зарекомендовала себя как отличный педагог.

— Мы, кажется, немного знакомы. Мне вчера посчастливилось услышать ваш талант, — ещё шире улыбнулась Линда, и в её голосе скользнула едва уловимая ядовитая нотка.

— О, даже так? И где же, интересно? — удивилась Лейла Вахидовна.

Тут Марха наконец взяла себя в руки и спокойно ответила, глядя сопернице прямо в глаза:

— Мы были на торжестве по случаю бракосочетания нашего общего друга.

При этих словах в глубине глаз Линды на мгновение сверкнул недобрый, хищный огонек, разом выдавая всю неискренность её дружелюбного тона. Контролировать себя становилось всё труднее.

— А вы играете на корпоративах? — как бы между прочим спросила Линда, пытаясь уколоть и выставить Марху обычной наемной артисткой.

Но Лейла Вахидовна ответила за коллегу быстрее, гордо отрезав:

— Нет, что ты. Марха бесконечно далека от подобного рода деятельности. У неё совсем другие приоритеты в жизни и в музыке.

Лейла Вахидовна извинилась за прерванное занятие и, сделав Линде приглашающий жест рукой в сторону коридора, пошла к выходу. Линда задержалась у порога лишь на секунду. Обернувшись, она напоследок буквально ожгла Марху ледяным, обещающим неприятности взглядом, и только после этого скрылась за дверью.

Марха обессиленно выдохнула и опустилась на стул. Дрожь в пальцах унять не получалось. Как бы сильно она ни старалась переключить внимание на учебный процесс, сосредоточиться на работе больше не выходило — строчки в нотной тетради расплывались перед глазами.

— На сегодня всё, — мягко сказала она притихшему ученику, понимая, что полноценного урока уже не получится.

Когда мальчик собрал вещи и ушел, Марха осталась в кабинете в полном одиночестве. Тишина класса давила на плечи. На самом деле, всё это утро она ждала звонка. И каждый раз, когда в коридоре раздавались шаги или открывалась дверь, сердце Мархи испуганно замирало.

Она до последнего не хотела признаваться самой себе, но на пороге она отчаянно надеялась увидеть вовсе не Линду. Она ждала Амира.

Но реальность оказалась куда суровее. Как так вышло, что именно сегодня законная жена Амира пришла в гимназию, да еще и оказалась племянницей её завуча? Ответ напрашивался сам собой.

Марха была слишком умна, чтобы верить в подобные совпадения. Это не было случайностью. Это было чьё-то хладнокровное, тщательно спланированное действие. Линда объявила ей скрытую войну.

Амир с трудом дождался вечера. Он точно помнил из их прошлого, что Марха обычно заканчивает работу в четыре, хотя в их самую последнюю встречу три года назад она задержалась в классе на целых три часа. Но сегодня ему было всё равно: он решил, что будет караулить её у входа с четырёх вечера и прождёт столько, сколько потребуется.

В начале пятого тяжёлые двери гимназии наконец распахнулись, и Марха вышла на крыльцо. Медленно спускаясь по ступеням, она куталась в плащ, когда случайный взгляд в сторону дороги заставил её замереть. У обочины, прислонившись к своему массивному внедорожнику, стоял Амир. Заметив её, он тут же двинулся навстречу.

— Добрый вечер, Марха, — негромко произнёс он.

Его голос звучал хрипло, и этот знакомый тембр мгновенно всколыхнул в душе девушки целую бурю чувств.

За три долгих года этот голос ни капли не стал для неё чужим, и это открытие совсем не радовало Марху. Оно пугало её.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она вместо приветствия, стараясь, чтобы голос звучал как можно холоднее. — Вы что, сегодня решили наведаться сюда всей семьёй?

Амир на секунду нахмурился. Непонимание и искреннее замешательство чётко отразились в его прямом взгляде.

— Твоя супруга была здесь. Сегодня. Днём, — прямо добавила Марха.

— Линда? — быстро переспросил он.

Марху передёрнуло от того, как легко, привычно и по-собственнически сорвалось это имя с его губ. Это простое упоминание законной жены словно провело между ними жирную черту, наотмашь ударив по её гордости.

— Я ничего об этом не знал, — глухо ответил Амир. Было видно, что новость застала его врасплох.

— Это уже неважно, — Марха устало махнула рукой, пытаясь сохранить маску равнодушия. — У неё здесь работает тётя, она приходила навестить её. Наш завуч, Лейла Вахидовна, оказывается, её родня. Так что мир тесен.

Амир ещё сильнее нахмурился, в его глазах промелькнула опасная вспышка — он мгновенно понял, что визит Линды не был случайной родственной вежливостью. Но Марха не дала ему времени обдумать это.

Она сделала шаг назад и в упор спросила:

— Ты так и не ответил. Что ты здесь делаешь, Амир? Кто у тебя тут работает?

Амир посмотрел на неё — прямо, не мигая, словно пытался взглядом залечить ту пропасть, что разделяла их три года.

— Здесь работает моё воспоминание, — тихо, но твёрдо произнёс он.

— Мой прекрасный дождливый осенний вечер. Музыка «Прохожий без зонта»…

На мгновение его лицо ожесточилось, а губы сжались в тонкую линию. Он вспомнил, как Марха подарила эту глубоко личную, их общую мелодию Аслану, его невесте и сотням чужих людей на свадебном торжестве.

Ему было физически больно делить это воспоминание с кем-то ещё. Но, переборов ревность, Амир снова смягчился, сделав шаг к ней:

— Здесь работает девушка в мокром свитере, с мокрыми волосами и тонким запахом жасмина. И… эта девушка забрала моё сердце три года назад, а вернуть забыла.

— В одном ты прав, Амир. Здесь — только прошлое и воспоминания. Но у нас нет ни настоящего, ни будущего. Я сегодня очень устала, даже не успела пообедать, поэтому просто хочу домой, — Марха старалась говорить как можно равнодушнее, изо всех сил удерживая маску спокойствия.

Её холодность ощутимо задевала Амира. Ломая её оборону, он тихо попросил:

— Марха, давай немного пройдемся. Здесь неподалеку есть неплохое местечко, мне действительно нужно с тобой поговорить, — он сделал короткую паузу и глухо добавил: — Обещаю: если после этого разговора ты захочешь, чтобы между нами навсегда осталось только прошлое… пусть будет так.

Марха на мгновение задумалась, а затем, внимательно посмотрев ему в глаза, едва заметно кивнула. Амир галантным жестом пропустил её вперед. Оставив внедорожник у обочины, они перешли дорогу и неторопливо пошли вдоль тихого осеннего бульвара.

Некоторое время они двигались молча, слушая лишь шуршание сухой листвы под ногами. Наконец Амир нарушил тишину:

— Марха, расскажи… как ты жила все эти годы? — он повернул голову, жадно ловя взглядом её хрупкий профиль, подсвеченный лучами заходящего осеннего солнца.

— Жила… — тихо повторила она.

Амир замер в ожидании продолжения, но она упрямо молчала.

— Жила — и всё? — не выдержал он.

— Да. Жила и всё, — Марха резко сделала несколько шагов вперед, а затем стремительно развернулась, встав прямо перед ним лицом к лицу. — А что?! Что именно ты хочешь услышать от меня, Амир? Хочешь, чтобы я призналась, как ночами напролет меня мучил один-единственный

вопрос: «Почему всё так вышло?» Что в моей голове крутились сотни вопросов и ни одного ответа? Что это неведение сводило меня с ума и было хуже смерти? Хочешь услышать, что путь от полного отрицания до горького принятия — это семь кругов ада и семь пережитых смертей? Что эти проклятые мысли не давали мне спать, дышать, есть, нормально работать? Не давали слышать музыку, не то что писать её… Что каждое утро после очередной бессонницы я физически не могла подняться с постели? Что зима сменилась весной, весна — летом, а я даже не заметила этого, просто пропустив через себя все времена года?!

Она говорила всё быстрее, шумно, прерывисто задыхаясь. А потом вдруг резко замолчала, изнемогая от невыносимой внутренней боли, которую только что пережила заново. Опустив глаза, Марха тихо, почти шепотом добавила:

— Ничего этого не было. Я просто жила.

О, как сильно в эту секунду Амир хотел обнять её! Прижать к себе эту хрупкую, измученную девушку, защитить её искусанное в кровь сердце от всего мира и забрать эту боль себе.

Но понимание того, что он сам стал причиной её страданий и сейчас не имеет права даже коснуться её руки, связывало его по рукам и ногам. Он до хруста, до белизны в костяшках сжал кулаки. В эту минуту Амир ненавидел себя так, как не ненавидел никого другого в жизни.

Марха, заметив его реакцию, резко отвернулась и быст-

рым, почти бегущим шагом поспешила прочь по бульвару.

Амир тут же бросился догонять её. Мягко, но настойчиво перегородив ей путь, он попытался переключить её внимание и увести от края эмоциональной пропасти:

— Марха, постой. Мы почти пришли, — он просто физически не мог отпустить её сейчас, в таком состоянии. — Посмотри, вон то заведение.

Марха не стала спорить и убегать дальше. На самом деле у неё уже просто не оставалось сил — душевная буря опустошила её до капли.

Единственное, чего ей сейчас отчаянно хотелось, это поскорее сесть куда-нибудь, пока колени окончательно не подогнулись и она не упала прямо посреди бульвара.

Кафе оказалось на удивление тихим, тёплым и очень уютным. Они прошли вглубь зала и устроились за уединённым столиком у окна. Амир проявил редкое терпение: он не лез с расспросами, деликатно выжидая несколько минут, чтобы дать Мархе перевести дух и успокоить дыхание.

— Что ты будешь? — наконец негромко спросил он, открывая меню.

— Мне всё равно, закажи что хочешь, — ответила Марха, а затем, поймав себя на излишней мрачности, заставила себя слабо улыбнуться и шутливо добавила: — Главное, побольше. Я ведь так и не пообедала, помнишь?

Она отчаянно пыталась перевести всё в шутку, мечтая стереть, перечеркнуть свой недавний откровенный монолог.

Внутри неё вовсю бушевало запоздалое раскаяние: как она могла так глупо сорваться и выдать ему всю свою подноготную? Но всё произошло помимо её воли — плотину, которую она строила три года, просто прорвало от одного его взгляда.

Амир принялся делать заказ с таким рвением, будто готов был скупить для неё всё меню, потратив все деньги, которыми владел. Марха искренне рассмеялась и замахала на него руками, умоляя перестать заказывать всё подряд.

Она отшучивалась, напоминая, что пропустила всего лишь один обед, а не голодала целый месяц.

Один лишь вид её улыбки и то, что она хоть немного отвлеклась, принесли Амиру колоссальное облегчение. Он смеялся в ответ, чувствуя, как отпускает тисками грудь.

На самом деле он и сам до смерти боялся любых серьезных разговоров сегодня. Он слишком хорошо видел, что Марха балансирует на грани тяжелейшего нервного срыва, и ее хрупкий мир держится на волоске.

Сейчас ему хотелось только одного — просто быть рядом. Дарить ей тепло и защищать от любых потрясений.

Они обедали, увлеченно беседовали о каких-то милых пустяках и шутили. При этом и Амир, и Марха прекрасно понимали: ни один из них двоих сегодня просто физически не выдержит возвращения к теме прошлого. Это негласное перемирие, наполненное легким смехом, было их общим спасением перед лицом неизбежного шторма.

Они ещё долго сидели, увлечённо дегустируя блюда и делясь весёлыми историями. Наконец Марха с улыбкой взмолилась:

— Если мы сейчас же не выйдем отсюда, мы оба просто лопнем!

Они снова дружно рассмеялись, и Амир попросил счёт.

Когда они вышли на улицу, город встретил их прохладой — в воздухе внезапно закружилась мелкая, едва заметная изморось. Марха, шагнув на бульвар первой, подняла лицо к небу и лукаво бросила оборачивающемуся Амиру:

— Ну конечно! Если бы не этот дождь, наша компания была бы неполной.

Она театрально, с лёгким изящным поклоном поприветствовала капли и весело рассмеялась. Амир, поддавшись её озорному настроению, тоже протянул ладони вперёд, делая вид, что чинно здоровается с непогодой.

Ему до безумия нравилось всё, что делала Марха. Кто-то чужой, возможно, посчитал бы такое поведение глупостью или ребячеством, но только не он. Для него каждый её жест был чистым волшебством.

Они пошли дальше по аллее. Больше всего на свете Амир боялся, что Марха вспомнит про оставленный у гимназии внедорожник и потребует вернуть её к реальности. Но она, словно сознательно вычеркнув из памяти весь остальной мир, упрямо шагала вперёд. И Амир был безмерно благодарен ей за эту забывчивость.

Впереди показалась яркая вывеска тира.

— Давай зайдём? — загорелись глаза у Мархи.

— Конечно, зайдём, — тут же согласился он.

За стойкой со скучающим видом сидел парень, лениво листая ленту в телефоне. При виде вошедшей пары он заметно оживился и потянулся за пневматической винтовкой.

— Ты умеешь стрелять? — с улыбкой уточнил Амир, косясь на неё.

— Ещё как! — дерзко вскинула подбородок Марха.

— Что ж, покажи класс.

Марха быстрым движением собрала волосы в тугой хвост, иронично и в то же время как-то загадочно посмотрела на Амира и уверенно заняла позицию.

Прицелившись, она одним слитным, профессиональным движением уложила весь первый ряд мишеней. А затем, победно подмигнув опешившему спутнику, методично расстреляла всё, что вообще можно было сбить в этом тире.

Амир был в абсолютном восторге. Переведя дух, он шутливо надул губы и притворно-обиженно протянул:

— Эх, а я-то надеялся, что всё будет как в кино... Я красиво постреляю, выиграю для тебя огромную мягкую игрушку... А моя девушка оказалась первоклассным снайпером.

При словах «моя девушка» Амир вдруг осекся и запнулся на полуслове. Марха мгновенно подобралась, её плечи напряглись, а весёлая улыбка сошла с лица. Воздух между ними в секунду стал густым и тяжёлым. Это был глубокий, от-

чаянно неловкий момент, обнаживший их скрытые роли, который оба, не сговариваясь, поспешили поскорее замять и пропустить.

Амиру до боли, до дрожи в пальцах хотелось протянуть руку и коснуться её лица. Поправить тонкую, непослушную прядь, которая выбилась из тугого хвоста и так чертовски красиво обрамляла её щеку.

Он поймал себя на мысли, что его ладонь уже сама по себе двинулась вперед, и лишь в самый последний момент, собрав всю волю в кулак, он заставил себя опомниться и отступить.

Вдоволь настрелявшись и выплеснув остатки напряжения, Марха наконец выдохнула:

— Всё, на сегодня точно хватит. Теперь можем идти.

Забрав честно выигранного плюшевого мишку, они вышли на крыльцо. За то время, что они провели внутри, погода резко испортилась — мелкая изморось превратилась в колючий, мокрый снег. Марха была в плаще, и хоть он и был слегка утепленным, от пронизывающего сырого ветра это не спасало.

Амир обеспокоенно нахмурился:

— Становится по-настоящему холодно. Я боюсь, что ты простынешь.

— Я тоже вчера этого очень боялась, — не удержавшись, тихо обронила она.

— Чего именно ты боялась? — быстро спросил Амир.

Он прекрасно понял, на что она намекает. Но ему до безу-

мия, до глухой боли в груди хотелось услышать от неё подтверждение — услышать, что вчера ночью, глядя на него со второго этажа, она переживала за него. Боялась, что он подхватит простуду под этим ледяным ливнем.

Марха мгновенно раскусила его хитрый маневр. Ловко сбив с него спесь, она звонко рассмеялась и парировала:

— Боялась, что кто-нибудь из бдительных жильцов увидит тебя под окнами и вызовет полицию!

— Какая же ты всё-таки несносная, — покачал головой Амир, но тоже не сдержался и искренне рассмеялся в ответ. Напряжение снова спало.

— А если серьезно, Амир, погода совсем испортилась, — Марха посильнее закуталась в воротник плаща. — Я отсюда вызову такси и поеду домой. А тебе... ну, ты либо лови машину до своего внедорожника, либо топай обратно к гимназии минут двадцать пешком. Выбирай.

— Ни в какое такси одну я тебя не отпущу, — твердо отрезал Амир. — По крайней мере, пока сам его не поймаю.

Он вышел на край тротуара и уверенным жестом поднял руку. Спустя полминуты у обочины, помаргивая фарами сквозь пелену мокрого снега, затормозила желтая машина. Амир сам открыл заднюю дверцу, помогая Мархе сесть и бережно придерживая над ее головой промокший воротник куртки.

Марха скользнула на сиденье, прижимая к себе плюшевого мишку, а затем на секунду задержалась. Она подняла на

него свои огромные глаза и тихо, едва слышно произнесла:

— Спасибо, Амир.

В этом одном-единственном коротком слове, сорвавшемся с ее губ, было вложено так много, что у Амира перехватило дыхание.

В нем была и благодарность за этот внезапный теплый обед, и признательность за то, что он не стал мучить ее расспросами о прошлом, и тайное признание в том, что эти три года разлуки для нее тоже были невыносимы. Это «спасибо» стерло всю ее напускную холодность.

Дверца захлопнулась. Амир остался стоять на тротуаре, по колено в мокрой каше из снега и листьев, провожая долгим взглядом уезжающие красные габаритные огни. На душе было одновременно и легко, и щемяще-пусто.

Лишь когда машина окончательно скрылась за поворотом, он поймал попутку для себя. Добравшись до гимназии, Амир сел за руль своего внедорожника, включил обогрев на полную мощность и только тогда впервые за день взял в руки телефон.

Экран ожил, и Амир нахмурился. На дисплее светилось несколько пропущенных вызовов от Линды и цепочка её сообщений. Хрупкая сказка этого вечера мгновенно растаяла, уступая место суровой реальности, в которой ему снова нужно было держать удар.

Пока Амир и Мархa прятались от шторма в своём маленьком мире, Линда хладнокровно разыгрывала партию. Ещё

до обеда она встретилась в кафе со своей хорошей знакомой Луизой. Беседа текла непринуждённо, пока Линда как бы между прочим не перевела разговор на деловой лад, заявив, что у неё есть интересное предложение для брата Луизы.

После дорогостоящего лечения во Франции, на которое её мать когда-то так хитро выбила деньги у Амира, здоровье Линды наконец стабилизировалось. Её врождённый порок сердца требовал колоссальных вложений, и именно эта смертельная болезнь три года назад стала для её матери главным поводом обманом женить на ней богатого и перспективного Амира.

Теперь, когда кризис остался позади, Линда загорелась идеей открыть сеть элитных бутиков модной мужской и женской одежды. Ей нужно было дело, а ещё больше — повод для реализации своего плана.

— Я видела твоего брата вчера на свадьбе, — делилась Линда, изящно помешивая кофе. — У него потрясающие данные. Рост, внешность, стиль — всё просто идеально. Я хочу предложить ему стать лицом бренда и демонстрировать одежду для наших социальных сетей.

Работа непыльная: буквально пара часов два раза в неделю. А платить я готова досиойно. Поговори с ним, пусть он со мной свяжется.

Луиза, разумеется, пришла в восторг от такого щедрого предложения. И вот теперь, спустя всего несколько ча-

сов, Линда сидела за угловым столиком в дорогом ресторане, ожидая свою главную карту в этой игре.

В голове крутился сырой, но уже обретающий чёткие контуры план. Погрузившись в свои мысли, она лениво крутила в руках бокал и не заметила, как к столику бесшумно подошёл высокий, статный молодой человек.

— Линда? — раздался над ухом уверенный мужской голос.

Она слегка вздрогнула от неожиданности, выныривая из размышлений. Сердце предательски кольнуло — напоминание о старом недуге, но Линда мгновенно взяла себя в руки.

Отрепетированная, безупречно широкая улыбка озарила её лицо.

— Да. Здравствуй, Умар! Присаживайся, — радушно приветствовала она парня, понимая, что капкан захлопнулся и первый шаг к «обезвреживанию» Мархи сделан.

— Я видела тебя вчера на свадьбе. Ты так красиво танцевал с Мархой, вы просто идеально смотрелись вместе, — как бы между прочим заметила Линда, внимательно отслеживая каждую реакцию парня.

— Я даже не знал, что её зовут Мархой, — Умар удивленно приподнял брови, и на его лице промелькнула искренняя заинтересованность. — Она потрясающе играла на рояле. Сразу видно — очень талантливая и невероятно красивая девушка.

— О, так вы даже не знакомы? — Линда притворно округ-

лила глаза, изящно разыгрывая удивление. — А я-то грешным делом подумала, что вы чуть ли не пара.

— К сожалению, нет, — Умар развел руками и открыто улыбнулся. — Я честно пытался навести о ней справки вчера вечером, но среди моих знакомых её никто не знал. Эх, если бы я был принцем, а в руках у меня нашлась та самая хрустальная туфелька…

Он весело рассмеялся, обнажив ровные белые зубы. Погруженный в свои романтические мысли, Умар даже не подозревал, какую опасную игру ведет женщина напротив.

«А он определенно красив», — мимоходом отметила про себя Линда, цинично разглядывая его породистый профиль. На секунду ей даже стало чисто по-женски жалко, что придется фактически «отдавать» такого парня этой ненавистной музыкантше.

Но цель оправдывала любые средства. Семейное счастье и её собственная жизнь, когда-то спасенная дорогой операцией во Франции, стоили гораздо дороже. Мархуну нужно было устранить из жизни Амира любой ценой.

Линда сделала небольшой глоток из бокала, выдержала идеальную паузу и, загадочно понизив голос, произнесла:

— А вот я её знаю.

— Тогда, если у неё нет серьёзных отношений, вы нас познакомите? — снова открыто улыбнулся Умар. — Ну а теперь я внимательно слушаю ваше деловое предложение.

Линда устроилась поудобнее и подробно изложила суть

дела. Она объяснила, что запускает сеть элитных бутиков модной мужской и женской одежды.

Для раскрутки бренда в социальных сетях ей нужно узнаваемое, стильное лицо — парень с отличными внешними данными и высоким ростом, который будет демонстрировать новые коллекции. График необременительный: всего пара часов два раза в неделю, а гонорар составит пять тысяч долларов в месяц. Пока.

Умар слушал с интересом, но едва он собрался ответить, как Линда заговорила тише. Придав моменту особую, доверительную серьёзность, она заглянула ему в глаза:

— Умар, раз уж я узнала, что вы с Мархой не знакомы… могу я быть с тобой предельно откровенной?

Ещё утром Луиза проговорилась Линде об одной очень личной и болезненной вещи. Оказывается, сейчас Умар менял девушек как перчатки, ни одной не дорожил и вёл довольно распутный образ жизни.

Но так было не всегда. Три-четыре года назад он пережил жестокое предательство: девушка, которую он любил до безумия, бросила его и вышла замуж третьей женой за мужчину, который был на порядок старше её. С тех пор Умар напрочь перестал верить женщинам. И Линда, как тонкий манипулятор, решила немедленно использовать эту уязвимость.

Умар удивлённо приподнял красивые густые брови. Линда снова отметила про себя, что парень чертовски хорош со-

бой и определённо знает себе цену. Где-то на подсознательном уровне она почувствовала: в своей циничности и раненной гордости они в чём-то очень похожи.

— Конечно, говорите, — ответил Умар, и его улыбка стала чуть холоднее.

Линда наклонилась ближе к столу и продолжила:

— Понимаешь… При всём том, что внешне она кажется такой невинной и святой, эта Мархa далеко не так проста. Она спит и видит, как бы во что бы то ни стало захомутать моего мужа. Окрутить, привязать к себе. Они ведь сейчас все такие мастерицы, умеют так тонко всё обставить, залезть в чужую семью, а потом преспокойно выходят замуж вторыми, третьими женами ради денег…

Линда замолчала на полуслове, заметив, как как стремительно темнеет взгляд Умара. Его красивое, благородное лицо на глазах ожесточилось, а на скулах заиграли желваки. Слова Линды попали точно в цель, разворошив его собственную застарелую рану.

— И что конкретно вы от меня хотите? Я не совсем понимаю, — холодно произнес Умар, изо всех сил стараясь скрыть вспыхнувшее внутри напряжение.

Театр поднял занавес, и спектакль начался.

Линда не ответила сразу. Дрожащими пальцами она достала из сумочки бумажную салфетку. Когда она подняла голову и посмотрела на Умара, парень внутренне вздрогнул: в её глазах стояли самые настоящие, искренние слезы.

— Понимаешь… — затухающим, срывающимся голосом попыталась продолжить Линда, но горькие рыдания словно душили её изнутри, не давая вымолвить ни слова.

Умар на секунду растерялся. Не зная, как реагировать и чем помочь, он быстро потянулся к графину, налил в стакан прохладной воды и пододвинул к ней. Он органически, до глубины души не переносил женские слезы. Они злили его, выбивали почву из-под ног.

В памяти мгновенно ожил тот проклятый день трехлетней давности, когда точно так же, навзрыд, плакала его бывшая девушка. Она размазывала тушь по щекам и сквозь всхлипы повторяла, что не хотела этого, что так просто получилось… Умар ненавидел эти воспоминания. Ненавидел женскую слабость, за которой всегда скрывался жестокий обман.

— Понимаешь… я ведь родилась и выросла совсем не в нашей среде,

— сквозь тихие всхлипы, доверительно заговорила Линда. — Я совершенно не знаю всех этих местных закулисных игр и интриг. У меня здесь нет близких людей, нет подруг… Только муж. Амир — это всё, что у меня есть, понимаешь?

Слёзы снова перехватили ей горло, мешая говорить. Выдержав паузу, она с трудом продолжила, пряча лицо в ладонях:

— Я совсем одна в этом городе. И мне сейчас так невыносимо тяжело от того, что парень, которого я толком ещё даже не знаю…

Она намеренно оборвала фразу, делая вид, что от сильного волнения и боли ей просто не хватает воздуха.

Умар, чтобы быстрее успокоить, перебил её, пытаясь успокоить:

— Линда, я понимаю. Я всё прекрасно понимаю. Да, мы едва знакомы, но поверь: в таких ситуациях подобные вещи гораздо легче доверить именно незнакомому человеку. Человеку со стороны, который никак не связан с теми людьми, о которых идёт речь.

Ведь тому, кто просто слушает, не приходится ломать голову и менять своё сложившееся представление о ком-то. Я готов выслушать тебя.

Линда мысленно торжествовала под своей маской скорби. Умар сам, добровольно заглатывал наживку, уверенный, что благородно помогает несчастной женщине спасти её брак.

— Я пока сама не знаю, что делать… Но мне так нужна помощь, — Линда судорожно прижала салфетку к лицу, плечи её мелко задрожали. — Прости меня, Умар. Мне так стыдно, так невыносимо стыдно перед тобой за эту слабость… Но я просто в отчаянии. Я не знаю, куда мне идти и что делать.

Она разыграла эту карту безупречно. Позор, беспомощность, одиночество — всё это выглядело настолько настоящим, что у Умара окончательно сдали нервы. Внутри него в этот момент кричала его собственная, непереболевшая драма.

?

— Я помогу тебе, — жестко, не терпящим возражений тоном отрезал Умар.

Линда подняла на него заплаканные глаза и увидела, как стремительно изменился парень. Его красивое лицо в секунду побледнело, а взгляд стал пугающе злым и холодным. В нем больше не осталось прежней легкости и романтики.

— Достань мне её номер, — процедил он сквозь зубы, крепче сжимая пальцами стакан с водой. — Я слишком хорошо знаю таких девиц. И отлично знаю, как именно нужно с ними обращаться. Обещаю, она забудет дорогу к твоему мужу.

Линда едва сдержала торжествующую улыбку, готовую прорваться сквозь фальшивые слезы. Капкан захлопнулся. Умар, сам того не подозревая, стал главным оружием в её руках. Номер Мархи, который она утром тайно скопировала из телефона Амира, уже ждал своего часа в её сумочке.

— У меня уже есть её номер, — Линда поспешно открыла сумочку, стараясь, чтобы её руки дрожали как можно естественнее. — Я… я сегодня утром увидела их скрытую переписку в его телефоне. Умар, у них вчера ночью было свидание! Прямо посреди ночи… Я не могу потерять мужа, понимаешь? Не могу!

Умар внимательно смотрел на неё, и в его душе сейчас происходил глубокий излом. Глядя на эту хрупкую женщину, которая так отчаянно, до слёз боролась за своё семейное счастье и свято берегла свой очаг, он проникся к Линде ис-

кренней, глубокой симпатией.

Но одновременно с этим чувством в его сердце, подобно ядовитому цветку, расцвела глухая, леденящая ненависть к Мархе. Для него Марха в один миг превратилась в точную копию той, из его прошлого — в расчетливую хищницу, которая без зазрения совести рушит чужие жизни ради собственной выгоды.

Линда протянула ему листок с заветными цифрами и, крепко перехватив его ладонь, умоляюще заглянула в глаза:

— Умар, только пообещай мне… умоляю, поклянись, что ты никогда не выдашь меня! Если Амир хотя бы на секунду заподозрит, что я к этому причастна, что это я дала тебе контакты… он сразу бросит меня. Он уничтожит меня, Умар. Я безумно боюсь его гнева.

— Не бойся, — тихо, но твёрдо ответил Умар, бережно, но уверенно забирая листок с номером. Его бледное лицо оставалось непроницаемым. — Моё имя никогда не свяжут с твоим. О твоём звонке и нашей встрече никто не узнает. Я сделаю всё чисто.

Линда тихо выдохнула, откидываясь на спинку кресла и пряча за салфеткой мимолётный победный блеск в глазах. Спектакль был окончен, роли распределены, и теперь Умар был готов выйти на охоту.

Амир сидел в заглушённом внедорожнике, крепко сжимая руль. Этот вечер с Мархой всё ещё не отпускал его. В суровом хаосе, который приключился с ними за последние

три года, они сумели расчистить крошечный, хрупкий островок безопасности.

Они не стали раскапывать старые завалы прошлого и бередить былые раны — они просто немного раздвинули обломки и на этом чистом участке земли наконец-то смогли перевести дух. Ему отчаянно хотелось подольше сохранить это редкое чувство умиротворения.

Внезапно внимание Амира привлёк свет фар — во двор въехал автомобиль Линды.

«Она только что приехала, — нахмурился он, взглянув на часы. — Интересно, чем она занималась весь день?»

Линда вышла из машины. На её лице играла лёгкая, торжествующая улыбка — было очевидно, что она чем-то безмерно довольна. Напевая под нос, она быстрыми шагами направилась к крыльцу и скрылась в доме.

Амир глубоко вздохнул, настраиваясь на тяжёлый семейный вечер, вышел из внедорожника и пошёл следом. Линда в спешке оставила входную дверь слегка приоткрытой.

Едва переступив порог прихожей, Амир услышал её громкий, оживлённый голос — она разговаривала с матерью по телефону:

— Да у меня всё хорошо, мама! Оставь ты свои дурные сны, я же тебе говорю. Амира дома нет… Хотя нет, постой, его машина во дворе. Наверное, он уехал куда-то с водителем, я не знаю. Я не заходила в гараж, бросила свою машину прямо у крыльца… Ладно, мама, у меня просто отличное

настроение, не порть мне его своими предчувствиями!

Линда обернулась, чтобы пройти в гостиную, и её слова застряли в горле. Прямо перед ней в полумраке холла, прислонившись к дверному косяку, стоял Амир. Его холодный, проницательный взгляд был устремлён прямо на неё.

Линда мгновенно сбросила вызов, даже не попрощавшись с матерью. Экран телефона погас, и она сделала шаг навстречу мужу, пытаясь сохранить на лице остатки своего недавнего весёлого настроения.

— Где ты была? — негромко спросил Амир.

Голос его звучал ровно, но в нём сквозила опасная прохлада. Он слишком хорошо помнил слова Мархи о дневном визите Линды в гимназию и теперь хотел услышать, что именно жена решит ему сказать. Станет ли она врать?

Линда, будучи хитрым тактиком, прекрасно просчитала этот момент. Она учла, что Марха наверняка уже успела пожаловаться Амиру, а значит, скрывать правду было бы глупо и подозрительно. Нужно было разыграть карту искренности.

— Ой, у меня был такой сумасшедший день! — Линда всплеснула руками, грациозно проходя мимо него в гостиную. — Утром я съездила проверить, как идут дела в моих новых бутиках, контролировала рабочих. А после обеда решила навестить тётушку Лейлу прямо на работе. И ты не поверишь, кого я там встретила! Ту самую пианистку… помнишь, которая вчера так красиво играла на свадьбе у Аслана? Представляешь, она, оказывается, работает в тёти-

ной гимназии!

Она говорила это с такой лёгкой, непринуждённой улыбкой, будто делилась забавной сплетней.

Амир смотрел на неё, и внутри него лавиной поднималось глухое, тяжёлое раздражение. Он слушал её восторженный тон, этот отрепетированный до мелочей рассказ, и ему вдруг стало скучно. Невероятно, страшно скучно.

Ему было тошно от этой вечной, фальшивой игры в идеальную семью, от её наигранного удивления и от того, как технично она пыталась прощупать почву вокруг Мархи. После чистых, обнажённых эмоций сегодняшнего вечера на бульваре, эта домашняя ложь казалась ему дешёвым и убогим спектаклем.

Марха приехала домой, чувствуя удивительную, звенящую лёгкость, которой не знала уже очень давно. Вся дневная усталость, страх перед Линдой и гнетущие мысли отступили на задний план. Ей отчаянно, до дрожи в пальцах хотелось писать.

Плюшевый мишка — безмолвный свидетель их короткого счастья с Амиром — остался лежать на диване, а сама Марха стремительно прошла к инструменту.

В её голове, перекрывая шум заснеженного города за окном, зарождалась совершенно новая, ни на что не похожая музыка. Это были не те грустные, меланхоличные аккорды, которые она вымучивала из себя все эти годы разлуки.

В этой новой мелодии, робко рождавшейся в её сознании,

было всё: и ярость проливного дождя под чужими окнами, и колючий мокрый снег осеннего бульвара, и хриплый, до боли знакомый голос, который она так отчаянно пыталась забыть. Музыка буквально распирала её изнутри, требуя немедленного выхода, и Марха, открыв крышку рояля, коснулась первых клавиш.

Умар сидел в тёмном салоне своего автомобиля, крепко сжимая в руке листок с номером. Заснеженный вечер растревожил его старые, едва затянувшиеся раны. Внутри него кипела глухая злость.

"С виду такая невинная, святая, а оказывается… вон она какая, эта Марха, — цинично думал он, глядя в лобовое стекло на падающий мокрый снег. — Я ведь чуть было не поверил вчера её ангельскому образу на свадьбе. Если бы не Линда, я мог бы снова совершить ту же глупую ошибку. А ведь я был настроен серьёзно, хотел во что бы то ни стало найти её… Что ж, всё вышло даже лучше. Теперь я точно знаю, что буду делать. Это просто ещё раз доказывает: веры женщинам нет. Ни одной".

Решительно выдохнув, Умар набрал заветные цифры. В трубке раздались долгие, томительные гудки, а затем послышался мягкий, слегка уставший женский голос.

— Алло, добрый вечер. Извините, вы — Марха? — Умар мгновенно сменил тон на вежливый и учтивый. — Понимаете, ваш номер телефона мне дала моя родственница. Её сын когда-то был вашим учеником.

На том конце провода возникла короткая пауза. Марха, оторвавшись от рояля, удивлённо взглянула на незнакомый номер:

— Да, я вас слушаю.

— Простите, что звоню так поздно, — зазвучал в трубке бархатный, располагающий голос Умара.

— Ничего страшного, говорите, — спокойно ответила Марха, не подозревая, какая опасность кроется за этим звонком.

— Я хотел бы взять у вас буквально несколько уроков сольфеджио, — уверенно, но с напускной скромностью продолжил парень. — Дело в том, что я играю на гитаре, и мне очень нужно подтянуть теорию. Пожалуйста, не отказывайте мне. Я знаю, что вы обычно занимаетесь только с детьми, но мне действительно необходимо всего несколько индивидуальных занятий. Очень не хотелось бы ради этого записываться на долгосрочные государственные курсы. Вы спасёте меня, если согласитесь.

— Понимаете… — Марха запнулась, собираясь с мыслями.

В это самое время дверь в комнату тихо приоткрылась. На пороге показалась мама. Заглянув к дочери, она негромко спросила:

— Марха, ты будешь пить чай? Я только что заварила.

Марха торопливо прикрыла ладонью микрофон смартфона и жестом показала маме, что сейчас закончит разговор и

сразу придёт. На том конце провода Умар расценил эту заминку по-своему. Решив, что преподаватель колеблется из-за материальной выгоды, он поспешил добавить:

— Вы только не беспокойтесь о цене, я готов оплатить эти занятия в двойном размере. Мне просто очень нужно, и как можно скорее. Пожалуйста, не отказывайте.

Мархе мгновенно стало жутко неловко от того, что этот незнакомец растолковал её паузу как банальное ожидание выгоды. Если честно, денежный вопрос всегда её глубоко смущал. Ей было невыносимо тяжело говорить об оплате с родителями учеников, она вечно мялась и переводила тему.

Мархa вообще, казалось, была абсолютно равнодушна к деньгам, воспринимая их лишь как средство для закрытия самых базовых потребностей. Предложение двойного тарифа её не обрадовало, а скорее уязвило.

Желая побыстрее закрыть эту неловкую тему, она вздохнула и ответила:

— Хорошо, не нужно ничего в двойном размере. Раз вам так срочно, я согласна. Приходите завтра в гимназию к четырём часам дня, после моих основных занятий. Там и обсудим ваши уроки.

На следующий день ровно в четыре часа внедорожник Амира уже стоял у обочины напротив гимназии. Погода продолжала капризничать, бросая в лобовое стекло горсти мокрого замерзающего снега.

Прождав минут пятнадцать и не увидев Мархy на крыль-

це, Амир достал телефон. Он набрал её номер, но трубку никто не взял — во время занятий Марха всегда переводила мобильный в беззвучный режим и никогда не отвлекалась на посторонние звонки.

Почувствовав легкий укол беспокойства, Амир заглушил мотор. Он решил сам подняться в класс. Шагая по гулким коридорам гимназии, он мысленно возвращался в их вчерашний день на бульваре, надеясь продолжить тот теплый, хрупкий диалог, который вернул его к жизни.

Амир подошел к двери музыкального кабинета и уже занес руку, чтобы постучать, как вдруг взгляд его упал на стеклянную вставку в двери. Очередной вдох застрял у него в горле.

В классе у рояля сидела вовсе не группа маленьких детей. За инструментом расположился высокий, статный молодой человек — тот самый парень со свадьбы. Марха стояла рядом, сохраняя положенную дистанцию, но слегка наклонившись к клавиатуре.

Тонким изящным жестом она указывала ему на нужные клавиши верхнего регистра, терпеливо объясняя сложный переход в сольфеджио. Её лицо было сосредоточенным и спокойным, а вот парень, притворяясь внимательным учеником, то и дело бросал на неё долгие, изучающие взгляды.

Со стороны эта картина — уединенный класс, полумрак зимнего вечера и двое молодых людей у инструмента — выглядела пугающе кинематографично.

Внутри Амира в ту же секунду всё перевернулось. Горячая, удушающая волна чистой, первобытной ревности ударила в голову, мгновенно стирая всю его хваленую выдержку сурового бизнесмена. Тот самый островок покоя, который они с таким трудом расчистили вчера, в один миг накрыло новой, сокрушительной лавиной.

Резко развернувшись, Амир быстрым шагом направился к выходу из гимназии. Оказавшись в машине, он до боли сжал пальцами руль. Гнев требовал немедленно нажать на газ и умчаться прочь, но Амир заставил себя остановиться.

Нет, теперь он не станет делать поспешных, импульсивных выводов — три года разлуки из-за собственной гордости стали слишком суровым уроком. Он решил остаться во дворе и дождаться Мархи, чтобы спокойно узнать всё у неё самой.

Но стоило ему немного успокоиться, как перед глазами закружились кадры со свадьбы Аслана: их танец, восхищённый взгляд этого парня… Ревность новой, сокрушительной волной захлестнула сознание, и Амир снова потянулся к ключу зажигания, едва сдерживая желание бросить всё и уехать.

Тем временем в кабинете Умар изо всех сил старался сосредоточиться на нотах, но близость Мархи действовала на него странно. Он почти кожей ощущал исходившее от неё мягкое тепло, а тонкий, едва уловимый шлейф её духов с запахом жасмина не давал ему покоя. Умар ловил себя на мысли, что эта девушка притягивает его вопреки его воле.

Но тут же в памяти всплывали слёзы Линды, и внутри просыпалась холодная злость.

"Надо же, как мастерски она играет роль такой правильной, скромной чеченской девушки, — с циничной усмешкой думал Умар, наблюдая за её спокойными, изящными движениями. — И ведь не подкопаешься. Если бы не Линда, я бы и сам ни за что не догадался, какая хищница скрывается за этим нежным лицом".

Продолжая изображать неловкого ученика, Умар как бы невзначай дважды задел пальцы Мархи, когда она указывала ему на расположение нот.

Для чеченской девушки такое мимолётное прикосновение постороннего мужчины было за гранью допустимого, и Умар это прекрасно знал. Он тут же отпрянул, напустив на себя вид глубочайшего раскаяния, и принялся долго, почти театрально сокрушаться и просить прощения.

Марха внутренне напряглась, но, посчитав это чистой случайностью, решила не раздувать конфликт. По своей благородной природе она органически не могла сознательно ставить человека в стыдное, неловкое положение — тем более, когда тот так искренне и горячо извинялся перед ней.

Пытаясь побыстрее замять эту щекотливую паузу, она мягко качнула головой и сделала вид, что ничего из ряда вон выходящего не произошло:

— Всё в порядке, Умар, не стоит так переживать. Давайте продолжим.

Она проявила каноническую женскую тактичность, но Умар, ослеплённый предубеждением, истолковал её реакцию по-своему — и далеко не в лучшую сторону.

"Надо же, даже не возмутилась для приличия, — цинично отметил он про себя, и в его глазах снова мелькнул холодный блеск. — Любая строгая девушка на её месте уже выставила бы меня за дверь или как минимум устроила бы разнос. А эта спокойно проглотила. Линда была абсолютно права: её скромность — всего лишь фасад для наивных дураков".

Теперь Умар окончательно убедился в своей правоте. Вся эта её показная деликатность и мягкость больше не обманывали его.

"Значит, для неё это абсолютная норма, — со злостью думал он, складывая тетрадь. — Нормально вот так спокойно реагировать на чужие руки, нормально устраивать тайные ночные свидания с чужими мужьями… Линда права: такие алчные, расчётливые девицы готовы пойти на любую низость ради денег и статуса.

Бедные её братья, если они у неё вообще есть. Они ведь даже не подозревают, какая грязь творится за их спинами и как легко эта святоша может растоптать честь всей их семьи".

Внутри Умара всё кипело от праведного, как ему казалось, гнева. Старая рана от предательства любимой женщины, которая когда-то так же легко ушла ради денег третьей женой, теперь полностью ослепила его, превратив Мархуу в

главную цель для его изощрённой мести.

Мархе повезло, что в эти последние минуты урока она была полностью сосредоточена на рояле — бережно следила за постановкой его рук и движением пальцев по клавишам. Она физически не могла увидеть его лица. А в глазах Умара в этот момент застыло такое леденящее, глухое презрение, которое не под силу было скрыть ни одному актеру.

Но стрелка часов неумолимо доползла до пяти. Время вышло, и Умару пришлось спешно натягивать обратно привычную маску вежливости, учтивости и притворной благодарности. С этим он справился безупречно — голос снова зазвучал мягко и уважительно.

Однако внутренне Умар уже перешагнул черту. Отравленный ложью Линды, он больше не считал нужным соблюдать строгие каноны приличия и относиться к Мархе как к целомудренной, скромной чеченской девушке. Зачем тратить уважение на ту, кто этого не достоин?

Пока Марха повернулась к нему чуть боком, аккуратно собирая и раскладывая нотные тетради по папкам, Умар замер у порога. Пользуясь тем, что она не смотрит на него, он откровенно, медленно прошелся по её хрупкой фигуре тяжелым, оценивающим взглядом, ни в чем себя не ограничивая.

В этом взгляде хищника не осталось и следа от вчерашнего восхищения — только холодный, циничный расчет мужчины, который пришел забрать то, что посчитал своей законной добычей.

В это время к центральному входу гимназии шумно подкатил массивный грузовик с высокой глухой будкой. Он припарковался так неуклюже, что полностью перекрыл Амиру обзор, отрезав его от школьного крыльца.

Внедорожник Амира оказался в слепой зоне. Шофёр грузовика не торопился: он просидел в кабине около пяти минут, после чего не спеша вышел, обошёл кузов и с грохотом распахнул тяжёлые створки. К нему тут же присоединился мужчина средних лет, вышедший из здания, и они вдвоём принялись медленно выгружать школьные парты и стулья.

Из-за этой внезапной преграды Амир физически не мог увидеть, как из дверей гимназии вышли Мархa и Умар. Скрытые за высоким корпусом грузовика, они спокойно спустились по ступеням и свернули на боковую аллею, ведущую за угол здания.

На самом деле Умар подкараулил её ещё в коридоре. Когда Мархa закрыла кабинет и пошла к выходу, он вежливо пристроился рядом:

— Мархa, я очень извиняюсь… Если это возможно, могу я немного проводить вас? У меня по дороге возникло буквально несколько вопросов по сегодняшней теории.

Мархa удивлённо приподняла брови, заметив такую настойчивость. Умар мгновенно считал её замешательство и тут же поспешил оправдаться, напустив на себя вид примерного студента:

— Простите, это моя давняя и, наверное, дурная привыч-

ка — всегда докапываться до самой сути и разбираться во всём до конца, если мне что-то непонятно.

Просто я ведь сам сказал, что возьму у вас всего пару-тройку уроков, поэтому не хотелось бы терять время.

Марха понимающе кивнула. Эта черта характера была ей близка: она сама не терпела халтуры и, если за что-то бралась, всегда доводила дело до идеала. То, что её ученик ушёл с урока с какими-то недопониманиями, для неё как для педагога было неприемлемо.

А Умар, уловив её смягчение, продолжал сокрушаться:

— Эти два часа пролетели как одно мгновение. Видимо, я оказался не самым одарённым учеником, раз не всё усвоил с первого раза.

— Если у вас остались серьёзные вопросы, мы можем прямо сейчас вернуться в класс и разобрать их у инструмента, — спокойно предложила Марха, готовая пожертвовать личным временем ради дела.

— Нет-нет, что вы! Это уже будет слишком, я не вправе вас так задерживать, — поспешно замахал руками Умар, которому вовсе не улыбалось возвращаться под прицел школьных камер. — Я просто немного провожу вас, а вы по пути как раз сможете мне всё на пальцах объяснить.

Марха не усмотрела в этом предложении ничего предосудительного. Кутаясь в плащ от летящего мокрого снега, она согласилась, даже не подозревая, что каждый её шаг в сторону угла гимназии уводит её в эпицентр чужого, жестокого

заговора.

Умар шёл чуть позади, намеренно держась по левую руку от неё, как того требовали правила приличия, и внимательно разглядывал её летящий силуэт. Мокрый снег таял на её ресницах, делая взгляд ещё более беззащитным.

"Удивительно, — с нарастающей горькой злостью думал он. — Она не просто талантливый музыкант и прекрасный педагог. Она ещё и чертовски талантливая актриса. И редкая красавица. Ну почему… почему все эти красивые девушки обязательно оказываются такими алчными? Почему за этой хрупкостью всегда скрывается холодный расчёт?"

— Ну, Умар, спрашивайте, что именно из сольфеджио показалось вам самым сложным? — Марха повернулась к нему, прерывая его невесёлые мысли. Она шла спокойно, держа дистанцию и прижимая к себе сумку с нотами.

Умар мгновенно вернул на лицо маску сосредоточенного ученика, но в его вопросах уже начал проступать скрытый яд.

— Понимаете, Марха… — он откинул со лба влажные от снега волосы.

— Меня смутил тот аккорд, о котором вы говорили в конце. Вы сказали, что в гармонии всё должно быть созвучно и правильно. Но что делать, если в мелодию вмешивается… фальшивая нота? Ну, например, когда третий голос пытается вклиниться туда, где его совсем не ждут, разрушая чужой союз? Разве это честно по отношению к общей композиции?

Марха слегка удивилась такой глубокой, почти философской метафоре от обычного гитариста, но ответила совершенно искренне, думая исключительно о музыке:

— Третий голос вклинивается только тогда, когда основная мелодия изначально была слабой, Умар.

Если между первыми двумя голосами есть настоящая, чистая гармония, никакая посторонняя нота не сможет её разрушить — оркестр просто заглушит фальшь. А если всё держалось на искусственном союзе, то композиция распадётся сама.

Умар внутренне содрогнулся от её слов. В его ушах это прозвучало как высшая степень цинизма и самооправдания. "Надо же, как красиво завуалировала, — мысленно процедил он, чувствуя, как внутри всё закипает. — Намёк на то, что брак Амира и Линды — слабая мелодия? И поэтому она имеет полное право вклиниться туда третьим голосом?"

— Вот как? — Умар натянуто улыбнулся, останавливаясь у поворота к боковой парковке. — Значит, вы считаете, что если композиция кажется вам слабой, то её можно без зазрения совести переписать под себя? Даже если ради этого придётся разрушить то, что создавалось годами?

Марха остановилась и внимательно посмотрела на него. В его голосе, вопреки вежливому тону, промелькнула странная, пугающая резкость. Ей вдруг стало не по себе под этим слишком пристальным, потемневшим взглядом.

Марха остановилась. В её глазах проскользнуло явное за-

мешательство, смешанное с лёгкой тревогой. Вопрос Умара прозвучал слишком лично, почти агрессивно, и этот резкий тон никак не вязался с образом скромного ученика, который он примерял на себя ещё пять минут назад.

Умар мгновенно считал её реакцию. Внутренний колокольчик предупреждающе звякнул: «Слишком нажал. Тормози, иначе она всё поймёт».

Его бледное лицо тут же расслабилось, а на губах появилась мягкая, обезоруживающая улыбка. Он виновато опустил голову, как бы признавая свою неправоту, и сокрушённо рассмеялся:

— Ох, Марха, простите меня, ради Аллаха! Я сейчас переслушал сам себя со стороны и понял, как глупо и пафосно это прозвучало. Забудьте. Это всё моя дурная привычка проецировать философию на всё подряд. Друзья вечно надо мной смеются, говорят, что я даже в рецепте пирога найду скрытый драматический смысл и конфликт поколений.

Он посмотрел на неё открытым, весёлым взглядом, мастерски усыпляя её бдительность.

— Я имел в виду исключительно гитарные переборы. Иногда сочиняешь что-то, добавишь третью струну — и вся мелодия насмарку, звучит фальшиво. А ваш ответ, кстати, очень точный. Про слабую изначальную гармонию — это сильная мысль. Обязательно обдумаю её на досуге.

Марха тихо и облегчённо выдохнула. Напряжение, сковавшее её плечи, мгновенно спало. Ей стало даже немного

неловко за свою минутную подозрительность — парень просто оказался излишне поэтичным и увлечённым натурой, а она уже успела надумать лишнего после вчерашнего тяжёлого визита Линды.

— Ничего страшного, — улыбнулась она в ответ, смахивая упавшую на ресницы снежинку. — Музыканты часто склонны всё усложнять, это профессиональное. Но вы правы, на сегодня теории точно достаточно, иначе у вас в голове будет каша.

Они подошли к кованым воротам бокового выхода из школьного двора.

— Ну что ж, спасибо, что дослушали мои путаные мысли и проводили, — Умар прижал руку к сердцу в традиционном уважительном жесте и слегка склонил голову. — Не буду вас больше задерживать на этом холоде. До встречи на следующем уроке?

— До встречи, Умар. Напишите мне в мессенджер, когда вам будет удобно, — ответила Мархa.

Развернувшись, она поправила ремень сумки и быстрыми шагами направилась обратно, к главному фасаду гимназии, надеясь, что Амир всё ещё ждёт её там. Умар провожал её взглядом, и как только она отошла на приличное расстояние, его улыбка мгновенно растаяла, уступая место ледяной маске. Первый контакт прошёл успешно, доверие завоёвано, теперь можно переходить к следующему этапу плана Линды.

Попрощавшись, Умар не стал уходить пешком. Он быст-

рым шагом направился к своей машине, припаркованной чуть дальше по улице, сел за руль и завёл мотор. Отъезжать он не торопился. Спрятавшись за углом здания, Умар аккуратно наблюдал сквозь запотевшее стекло за тем, как Марха, кутаясь в плащ, медленно переходит дорогу и направляется в сторону автобусной остановки.

Грузовик с партами к этому моменту уже шумно тронулся с места, освобождая обзор. И в этот самый миг Умар увидел то, что заставило его намертво вцепиться в руль.

Дверца стоявшего у обочины массивного, роскошного внедорожника распахнулась. Из салона стремительно вышел высокий, статный и невероятно уверенный в себе мужчина. Умар не знал его лично и никогда не общался с ним близко, но одного взгляда на этого человека было достаточно.

По идеальной посадке дорогого пальто, породистому лицу, властным движениям и по самой цене этого автомобиля Умар мгновенно, без тени сомнения понял: перед ним стоит муж Линды. Тот самый Амир, которого эта «святоша» Марха так технично пытается увести из семьи.

Амир шёл наперерез Мархе, его лицо было тёмным от сдерживаемого гнева и ревности после долгого ожидания.

А Умар, затаив дыхание, наблюдал за этой сценой из своего укрытия. Внутри него с новой силой закипела леденящая злость. Лживые слова Линды о ночных свиданиях и тайном романе прямо сейчас получали в его глазах "живое" подтверждение. Спектакль, который разыгрывала Марха в классе,

окончательно стал для него очевидным фарсом.

Притаившийся за углом Умар быстро достал телефон и сделал несколько чётких снимков. На экране смартфона навсегда запечатлелись силуэты Амира и Мархи, стоявших вплотную друг к другу у обочины под летящим мокрым снегом. Капкан для "этой пианистки" захлопнулся окончательно.

Тем временем Амир, осознав, что перегнул палку и едва не устроил скандал прямо посреди улицы, попытался взять себя в руки. Он нажал на кнопку брелока — внедорожник коротко мигнул фарами и заблокировал двери.

— Давай пройдемся, — глухо попросил он.

Марха не стала спорить. Развернувшись, они медленно пошли вдоль заснеженного бульвара. Какое-то время между ними царило тяжелое, удушающее молчание, нарушаемое лишь тихим хрустом ледяной каши под подошвами. Наконец Амир не выдержал и первым нарушил тишину:

— Прости… Наверное, я действительно не имел никакого права говорить с тобой в таком тоне. Просто… — он запнулся, так и не найдя слов, чтобы описать ту дикую, испепеляющую ревность, которая мучила его последние два часа.

— Правильно, Амир. Не имеешь, — тихо ответила Марха, глядя строго перед собой.

"Ты женат. У тебя есть своя жизнь, свой дом, своя Линда. А мне ты больше никто", — горько подумала она про себя.

Но вслух Марха больше не проронила ни слова. Вчераш-

ней хрупкой сказки больше не существовало. Тот крошечный, расчищенный от завалов островок безопасности, где они на пару часов смогли перевести дух, перестал быть безопасным. И это негласное соглашение беречь друг друга сегодня вдребезги разрушил сам Амир.

Провожая взглядом удаляющуюся по бульвару пару, Умар раздражённо бросил телефон на соседнее сиденье и крепче сжал руль.

"Странно ещё, что они пытаются соблюдать какие-то приличия, — с циничной усмешкой подумал он, наблюдая, как Амир на расстоянии заблокировал двери своего внедорожника. — Казалось бы, чего проще — села в машину и поехала.

Но нет… Эта Мархa, похоже, до последнего разыгрывает перед ним карту недоступной, правильной чеченской девушки. Набивает себе цену, усложняет игру. А он, взрослый, женатый мужчина, ведётся на этот дешёвый спектакль как мальчишка и послушно топает за ней пешком под мокрым снегом".

Злость внутри Умара крепла с каждой секундой. Тот факт, что Амир ради этой музыкантши бросил дома Линду — женщину со слабым сердцем, которая так отчаянно пыталась спасти свой брак, — окончательно вычеркнул из его сердца остатки сомнений. Мархa была для него опасной хищницей, и её напускное благородство вызывало у него теперь только глухое, леденящее презрение.

Развернув машину, Умар резко нажал на газ. Пора было отправлять отчёт Линде. Снимки в его телефоне красноречивее любых слов доказывали, что её ночные страхи были чистой правдой.

Едва выехав со школьного двора, Умар набрал номер Линды. Трубка ответила не сразу — прошло несколько томительных гудков, прежде чем в динамике раздался её тихий, осторожный голос. Умар без лишних предисловий сухо бросил:

— Я на месте. Всё подтвердилось. Твой муж сейчас с ней.

На том конце провода воцарилась тяжёлая, звенящая пауза. Было слышно, как Линда судорожно выдохнула, пытаясь справиться с подступившим к горлу комком. Но, проявив завидную выдержку, она быстро взяла себя в руки и ответила приглушённым, холодным тоном:

— Я сейчас не одна, дома люди. Слушай меня внимательно: ровно через тридцать минут я буду ждать тебя в том же ресторане, за нашим столиком. Привози всё, что у тебя есть.

Короткие гудки отбоя оборвали связь.

Линда спрятала телефон в карман, натянула на лицо маску идеального спокойствия и вернулась к гостям, хотя внутри неё всё горело от ревности и оскорблённого самолюбия.

Её план работал без осечек, но осознание того, что Амир прямо сейчас бродит где-то с этой тварью, ранило её сердце сильнее, чем врождённый порок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.